

УДК (470+571)
ББК 66.3(2Рос)
3 98

Дизайн переплета *Ю. А. Новикова*

Книга издана при участии
ООО «Издатель Пудовкина Людмила»,
а также Института стратегической безопасности

Зюганов Г. А.

398 Глобальное порабощение России, или «Глобализация по-американски» / Геннадий Зюганов. — М. : Эксмо, 2011. — 352 с. — (Политический бестселлер).

ISBN 978-5-699-47567-2

Что такое глобализация и почему она происходит «по-американски»? Приобщаясь к потребительским благам Запада, Россия становится сильнее или превращается в государство-раба? Можно ли повернуть ситуацию в выгодную для нашей страны сторону?

Автор, политик и ученый, готовый находить оптимальные решения не на словах, а на деле, выходит за рамки установленных шаблонов и дает свое осмысление происходящих в мире глобальных процессов. Непредвзятое мнение порой отличается резкостью, обоснованной богатым жизненным и политическим опытом. Г. Зюганов не только дает оценку ситуации, но и предлагает пути выхода из сложных общечеловеческих проблем.

УДК (470+571)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-699-47567-2

© Зюганов Г., 2011
© ООО «Издательство «Эксмо», 2011

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТУПИК ИЛИ ВЫХОД?

Раздел первый **НА РАЗВИЛКЕ ИСТОРИИ**

Глава первая **ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ РУБЕЖ**

На рубеже тысячелетий человечество вступило в новое качество, существенно изменившее лицо современного мира, всю систему мировых связей и отношений.

Этот тезис стал привычным в рассуждениях политиков и экономистов, философов и социологов самых разных научных направлений и политических симпатий. Все согласны с тем, что человечество переживает период интенсивного формирования новых общемировых экономических, политических и культурных систем, далеко выходящих за рамки отдельных государств.

Отсюда и вошедший в повседневный обиход термин «глобализация». Это слово потому и получило широкое распространение, что благодаря своей политико-экономической нейтральности оно допускает самые разноречивые, зачастую диаметрально противоположные трактовки. А их с каждым годом становится все больше. В мире нет единства в оценке сущности, движущих сил и последствий глобализации. Дискуссии переходят в спор, страсти накаляются. Это и не-

мудрено — глобализация затрагивает интересы каждого жителя планеты.

Сторонники глобализации приветствуют «новый мировой порядок» (или НМП), якобы несущий человечеству невиданное доселе благоденствие: повышение уровня и качества жизни, новые рабочие места, широкий и свободный доступ к информации, улучшение взаимопонимания между различными культурами и цивилизациями. Стирание всяческих — государственных, национальных и культурных — границ на пути свободного движения товаров и людей, капиталов и идей тоже относится к благам «нового мирового порядка». Людям обещается сглаживание социальных противоречий и обеспечение всеобщего мира и безопасности.

Словом, весь мир — наш общий дом. Чуть ли не всемирный коммунизм, только на иной — рыночной, товарно-денежной — основе.

Противники нового мироустройства предпочитают говорить о «мондиализме», «мировом заговоре» и даже о наступлении апокалиптического «Царства Зверя», в котором не останется места для Человека, его национальной, культурной и личной самобытности, духовных идеалов.

Оппонентов глобализации становится все больше, и действуют они все активнее. Практически все заседания новых мировых центров экономического господства — Международного валютного фонда, Всемирного банка, Всемирной торговой организации — вызывают демонстрации протеста. Массовыми акциями антиглобалистов сопровождаются встречи в рамках Большой восьмерки и Большой двадцатки — двух основных клубов, где решаются проблемы глобальной политики.

Основные оппоненты глобализации — это часть общественных и политических сил государств, в которых зреет понимание, что господство международных финансовых спекулянтов делает мировую экономику все более нестабильной и несправедливой.

Усиливается неравенство между социальными слоями и классами. Углубляется социально-экономическая пропасть между развитыми капиталистическими странами-эксплуататорами и угнетенными странами-пролетариями, которым уготована участь сырьевого придатка и помойной ямы для «золотого миллиарда».

Противники глобализации возмущены ростом политического влияния транснациональных корпораций, диктующих свою волю целым государствам и народам. Они обвиняют творцов «нового мирового порядка» в беспардонном вмешательстве в дела суверенных государств, причем все чаще — вооруженном. Прибегая к прямой агрессии против «непокорных», разжигая по всему миру межэтнические и межконфессиональные конфликты, Запад по сути развязал новую, «ползучую», мировую войну, в которой уже погибли миллионы людей.

Не может не тревожить состояние земной экологии — она откровенно приносится в жертву интересам капитала. Раскрученная Западом эгоистичная сверхпотребительская гонка, поглощая все больше природных ресурсов, ведет к необратимым изменениям окружающей среды с катастрофическими для человечества последствиями.

В не менее трагическом положении пребывает «экология духа». Люди испытывают страшный напор монополизированных крупным капиталом средств массовой информации. Их атакует низкопробная масскультура с ее культом насилия и разврата. Под видом «свободной циркуляции идей и информации» осуществляется политика информационно-культурного империализма.

Манипуляция сознанием и чувствами людей, их интересами и потребностями, принудительная унификация духовного мира на самом низком и примитивном уровне превращают человечество как общность личностей в бездумную и покорную массу.

Явление, именуемое глобализацией, представляет собой сложный узел противоречий, который затяги-

вается все туже и туже. Человечество становится все более могущественным в научно-техническом спектре и все более беззащитным перед лицом последствий, порожденных техническим прогрессом. Растет число тех, кто понимает: развитие производительных сил не разрешит проблемы и противоречия современного мира.

Значительная часть населения планеты продолжает жить в ужасающей нищете: по данным ООН, в мире сейчас 1 миллиард 200 тысяч человек голодающих. Причем их число постоянно увеличивается (за прошедшие несколько лет это 100 миллионов человек). От голода ежедневно погибают 25 тысяч человек, большая часть страдающих от недоедания — дети. Несмотря на этот чудовищный факт, «золотой миллиард» человечества — население ведущих капиталистических государств, охваченное идеей безудержного потребления — продолжает нещадно эксплуатировать остальные страны, являющиеся для них основными поставщиками сырьевых ресурсов и источниками дешевой рабочей силы.

Угрожающий характер приобретают многочисленные очаги военной опасности, пожирающие жизни тысяч людей и грозящие перерасти в третью мировую войну, кровавые национальные и религиозные конфликты, международный терроризм и торговля наркотиками.

Потрясения, вызванные мировым финансово-экономическим кризисом, разразившимся в 2008 году, заставили многих государственных и политических деятелей планеты усомниться в правильности пути, по которому идут ведущие капиталистические державы.

С наступлением кризиса, словно под напором снежной лавины, рухнули многие теоретические конструкции идеологов глобализма, славивших его пришествие. Ведущие западные экономисты неожиданно для себя обнаружили, что мировая финансовая система — дутый пузырь, банальная финансовая пирамида, выстроенная американцами.

Руководители ряда западных стран, крупнейшие мировые эксперты вынуждены были признать, что западные стандарты потребления заводят мир в тупик, а экономическая система современного капитализма, не имеющая нравственной составляющей, становится неэффективной. Так, Нобелевский лауреат в области экономики Пол Кругман прямо заявил, что рынок, построенный на аморальных ценностях, себя не оправдал. А генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун распространил послание, в котором среди важнейших причин нынешнего глобального кризиса назвал алчность и коррупцию. Джордж Сорос убежден, что старая модель мироустройства взорвалась, и вернуться к ней уже не удастся. Неоднократно на эту тему высказывался и президент Франции, чьи взгляды на современную экономическую систему западные СМИ окрестили «новым капитализмом Саркози».

* * *

Что же кроется за модным термином «глобализация», вызывающим столь неоднозначную и бурную реакцию?

Если исходить из буквального значения слова, то «глобальный» значит «объемлющий всю планету». Бесспорно, некоторые важные черты современных процессов такой термин отражает. Но остаются в тени другие, не менее существенные реалии. Например, термин «глобальный» сводит социальные противоречия к противоречиям географическим: мировые противоречия «разверстываются» по географическим координатам «Запад — Восток» или «Север — Юг». При этом их сущность заведомо упрощается, зато им придается как бы «вечный» и безальтернативный характер.

Глобализм и глобальность — явления не однопорядковые. Глобальный характер имеют многие природные процессы на Земле, прежде всего изучаемые геологией, географией, метеорологией, экологией и другими

науками. И когда обнаружилось, что ряд общественных процессов — технологических и экономических, политических и культурных — начинает приобретать такой же общепланетарный характер, для их изучения были в первую очередь востребованы специалисты и методы именно этих наук.

Однако естественные науки, при всех их бесспорных достоинствах, не раскрывают сущность и специфику общественной формы движения. Максимум, что они могут, — это эмпирически констатировать процесс превращения человечества и созданной им цивилизации в единое целое, охватывающее весь земной шар, а также строить количественные и структурные модели процесса, пробовать делать прогнозы путем их экстраполяции и т. п. К этому и сводятся на 9/10 современные футурологические исследования. Например, нашумевшие в начале 1970-х годов доклады Римского клуба.

Но естественнонаучные и математические методы не отвечают, да и не могут ответить на вопросы, является ли глобализация объективным, необходимым и неизбежным процессом, каковы его движущие силы, общие и специфические формы. Это просто не их предмет.

Если исходить из очевидного факта неуклонного расширения масштабов человеческой деятельности, вряд ли можно считать процесс глобализации качественно новым явлением в жизни общества. На самом деле она зародилась с началом человеческой истории.

Расселение первобытных племен по всему земному шару — разве это не один из первых ее шагов? Какое завоевание цивилизации ни взять — пользование огнем, одомашнивание диких животных, земледелие, ирригация, металлургия, изобретение колеса, паруса, не говоря уже о достижениях промышленной революции XVIII—XIX веков, — каждое знаменует собой все более масштабное овладение человеком силами природы, расширение пределов его деятельности. Эпоха

Великих географических открытий внесла в глобализацию вклад ничуть не меньший, чем создание систем космической связи.

Глобализация в более конкретном смысле есть процесс развития интегрированного мирового хозяйства, в котором экономика отдельных стран составляет лишь звено единого мирового целого. Этот процесс основывается на развивающемся и углубляющемся международном разделении труда. Его путь пролегал через завоевательные войны, синтез культур, образование и распад рабовладельческих империй.

Следующим этапом глобализации стало развитие мирового рынка на базе уже капиталистического способа производства, в условиях свободной конкуренции. Огромную роль здесь сыграли великие географические открытия. Этап этот тоже сопровождался завоевательными войнами, взаимопроникновением культур и образованием колониальных империй: британской, французской, испанской, португальской, голландской и т. п.

Характеристику этого этапа дали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Коммунистическом манифесте». Они писали: «Крупная промышленность создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки. Всемирный рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения. Это, в свою очередь, оказало воздействие на расширение промышленности, и в той мере, в какой росли промышленность, торговля, мореплавание, железные дороги, развивалась буржуазия, она увеличивала свои капиталы и оттесняла на задний план все классы, унаследованные от Средневековья... Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продукции гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи».

Маркс указал и на явление духовной, культурной глобализации: «Плоды духовной деятельности от-

дельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература».

Третий этап глобализации проходил уже на базе монополистического капитализма, который был определен В. И. Лениным как империализм. Его основные признаки: перерастание конкуренции в монополию; сращивание промышленных монополий с банковскими и образование финансового капитала; экспорт капитала и образование международных монополий; завершение территориального раздела мира и начало борьбы за его передел.

Есть все основания утверждать, что и нынешний этап глобализации является стадией в развитии империализма, которая сопровождается дальнейшим обострением присущих ему противоречий.

Во-первых, человечество достигло такой степени развития, когда неконтролируемый рост хозяйственной деятельности, свойственный капитализму, а также перенаселение Земли привели к антропогенной, то есть вызванной деятельностью человека, перегрузке планеты. Как показал опыт последних десятилетий, решить общечивилизационные задачи капитализму не под силу. Например, усилия ООН прекратить разрушение окружающей среды были сорваны транснациональными корпорациями, особенно американскими монополиями.

Во-вторых, резко усилились и видоизменились противоречия социально-экономического характера. Они выражаются в растущем отрыве уровня экономического и социального развития развитых стран от развивающихся, процветающего «золотого миллиарда» от погружающегося в нищету большинства обитателей нашей планеты.

И потому сегодня правильнее говорить не о глобализации вообще, а о современном этапе глобализации — глобализме.

Понятие «глобализация» соотносится с понятием «глобализм» примерно как «империя» с «империализмом». Империи существовали несколько тысяч лет назад, а империализм как особая стадия капитализма возник лишь на рубеже XIX—XX столетий. Так и глобализация сопутствует всей истории, а глобализм, как новая стадия капитализма, стал реальностью на рубеже XX—XXI веков.

Процессы глобализации, то есть экономической, политической и культурной интеграции человечества, протекали крайне неравномерно, в острых социально-экономических противоречиях. Глобализация XX и особенно XXI веков отличается наибольшей неравномерностью развития и наивысшим накалом борьбы и противоречий. Это вытекает из ее новых особенностей, накладывающих отпечаток на характер современных противоречий, на общий фон развития. Каковы же эти новые особенности?

В технологическом плане современный этап глобализации характеризуется тем, что распространение хозяйственной деятельности человечества по поверхности земной суши практически близко к завершению. Одновременно идет все более решительное освоение Мирового океана и ближнего космоса. Созданная человеком «вторая природа» (производственная, энергетическая, транспортная, коммуникационная, жилищная и другие инфраструктуры) по масштабу и задействованным в ней потокам энергии становится соизмеримой с пространствами и энергиями окружающей среды — геосферы. Превращение разумной жизни в геологический фактор и становление ноосферы — это предвидение В. И. Вернадского все более зримо осуществляется в наше время.

В экономическом плане неуклонно углубляется мировое разделение труда, усиливается внутриотраслевая и межотраслевая кооперация. Производственные взаимосвязи и технологические цепочки сплошь

и рядом «перешагивают» национальные границы, опутывая весь земной шар.

Параллельно идет процесс концентрации и интернационализации собственности на средства производства. Возникают все более мощные транснациональные производственно-экономические объединения, со своими наднациональными органами координации, регулирования и управления. Идет становление глобальной экономики как единого организма, в котором все взаимосвязано.

В политической сфере происходят аналогичные процессы. Экономическая интеграция побуждает переходить к все более тесным межгосударственным взаимосвязям, снятию барьеров на пути движения товаров, капиталов, рабочей силы. Из фазы, когда международные отношения регулировались двусторонними и многосторонними соглашениями и организациями, мир переходит к международным объединениям более высокой степени политической интеграции. Наглядный тому пример — интеграция стран Западной Европы в единый Европейский союз с особыми наднациональными политическими органами.

Наконец, в мире неуклонно усиливаются взаимодействие и взаимообогащение различных культур. Идет становление единого всемирного культурного пространства.

* * *

Современная эпоха отличается тем, что **экстенсивные формы** глобализации явно приблизились к своему логическому завершению. Развитие «вширь» практически закончилось, наступает эпоха развития «вглубь». Глобализация переходит в интенсивную фазу. Это проявляется, во-первых, в том, что возникли и множатся именно глобальные проблемы, разрешить которые уже нельзя силами отдельных государств, для этого требуются совместные усилия всего человечества. Это проблемы сохранения окружающей среды, обеспечения продовольствием растущего

населения Земли, поиска новых источников энергии, сохранения мира и выживания человечества в ядерную эпоху и т. д.

Во-вторых, мы живем в эпоху гигантского ускорения мировых интеграционных процессов. Главным ускорителем стала «информационная революция». Благодаря современным информационным сетям многие экономические, политические, культурные события в любой точке земного шара практически мгновенно влияют на дела во всем мире. Ускорила оперативность принятия управленческих решений и их реализации. Возникла техническая возможность глобального управления.

Таким образом, с одной стороны, наблюдается объективная потребность во всемирном Центре политического и экономического регулирования, а с другой — формируются материально-технические возможности возникновения и функционирования подобного Центра. Назрел качественный перелом в развитии человеческой цивилизации. Для него практически все готово:

1) человечество отныне может развиваться только как целое, иначе не справится с проблемами;

2) человечество в принципе уже может сознательно и планомерно управлять этим развитием;

3) уровень современной техники позволяет решать самые сложные задачи, которые могут возникнуть на этом пути.

Важный фактор: глобализация, выросшая на основе интеграции, стала обретать свои реальные черты, свой реальный облик только тогда, когда образовались мощные компьютерные системы, когда стало интенсивно формироваться единое информационно-финансовое пространство. Это 90-е годы XX века. В этом смысле глобализация — явление новейшего времени, которое находится в процессе становления и развития. Однако качественные характеристики этого явления уже коренным образом повлияли на ход истории.

Глава вторая

НОВЕЙШАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Мировая история знает четыре «глобальные технологические революции». Первая произошла на заре человеческой истории. Она связана с появлением домашних животных и знаменует собой переход человечества от примитивной экономики собирательства к качественно более высокой, кочевой цивилизации и культуре.

Следующая «глобальная революция» связана с освоением первых земледельческих технологий. Она, в свою очередь, ознаменовала переход наших далеких предков к оседлому образу жизни, который и создал предпосылки для развития человечества в том виде, как мы его сегодня наблюдаем.

Третьей «мировой революцией» стала революция промышленная, индустриальная. Ее предпосылки зрели еще с момента разделения труда в средневековых европейских мануфактурах, но по-настоящему она началась после появления первой паровой машины — прообраза огромного семейства промышленных механизмов, до неузнаваемости изменивших жизнь человека. Продолжалась промышленная революция по мере освоения новых источников энергии — химических и атомных — вплоть до второй половины XX века.

И, наконец, четвертая «глобальная революция» — это революция информационная. Связана она с беспрецедентно быстрым развитием технологий массовой коммуникации, заложивших технологическую основу процессов современной глобализации.

Современные ученые видят суть глобализации в резком расширении и усложнении взаимоотношений как людей, так и государств, в ускорении процессов формирования планетарного информационного пространства, мирового рынка капиталов, товаров и рабочей силы, в интернационализации проблем техногенного воздействия на природную среду. При этом

среди главных предпосылок глобализации на первое место чаще всего ставится информационная революция, которая и обеспечивает технологическую базу глобализации, теснейшим образом связанную со стремительным развитием глобальных информационных сетей.

Благодаря новейшим информационным технологиям становятся возможными и экономическая глобализация, и интернационализация капитала и труда, и другие подобные им явления. Словом, создание мирового информационного пространства является одним из основных, если не основным, условием глобализации.

Информация, становясь непосредственной производительной силой, представляет собой ресурс, кардинально отличающийся от традиционных условий производства. Этот ресурс характеризуется неисчерпаемостью и безграничностью, а потому нормы на издержки при создании того или иного информационного продукта установить практически невозможно.

Изменения в информационной сфере ознаменовали наступление новой эпохи. Открывается новая эра в истории цивилизации — эра интенсивного освоения неистощимого информационного ресурса.

Начиная с конца XIX столетия, наука каждые 20—30 лет радикально меняет картину мира. Вот и сегодня новые «правила игры» в глобальном мире формируются в первую очередь под влиянием тех гигантских возможностей, которые открывают новые технологии во всех важнейших областях человеческой деятельности: промышленности и сельском хозяйстве, финансовой сфере и военной стратегии, геополитике и религии, в образовании и культуре.

Развитие электронных средств коммуникации предоставило возможность практически мгновенно перемещать гигантские капиталы с одного конца планеты на другой. При этом финансовая деятельность, то есть управление денежными потоками, за последние годы

превратилась едва ли не в основной двигатель глобализации.

Само по себе это, конечно, неплохо. Но, как известно, любое достижение можно обернуть как во благо, так и во вред человечеству. Перекатывающиеся по всему миру в погоне за максимальной прибылью финансовые волны грозят смыть и государственные границы, и суверенитет, и национальную самобытность народов. А это создает предпосылки для нагнетания международной напряженности и ожесточенных конфликтов.

Получив невиданную ранее мобильность, виртуальные деньги перестали быть жестко связанными с реальным сектором экономики, с материальным производством. Сейчас, даже по самым оптимистическим подсчетам, в этих сферах удерживается не более 10 % финансовых средств. Остальные 90 % задействованы в области «торговли воздухом», то есть чистой спекуляции, не имеющей отношения к производству товаров и услуг. Иначе говоря, господство спекулятивного капитала — важнейшая характеристика современной глобализации.

Всем памятлины причины последнего финансово-экономического кризиса. Вокруг американской системы кредитования виртуальный финансовый сектор разросся так, что многократно превысил объем реальной экономики. Торговать долгами и прочими обязательствами стало проще и выгоднее, нежели получать доходы от вложений в промышленность. Деньги стали делаться даже не из денег, а из несуществующих активов. Лопнувший финансовый пузырь вызвал потрясение практически всей мировой экономики.

Существенной характеристикой нового глобального мира стало постоянное сокращение числа людей, занятых производительным трудом. И это не случайно. Когда деньги воспроизводят сами себя, минуя товарную стадию, привлекательность вложений в материальное производство уменьшается. Кроме того,

новые технологии позволяют резко повысить эффективность труда при сокращении числа работающих, а следовательно, и фонда заработной платы.

В результате человечество столкнулось с гигантской по сложности задачей: куда девать «ненужные» рабочие руки? Специалисты считают, что при сохранении нынешних тенденций в грядущем веке для функционирования мировой экономики будет достаточно 20 % трудоспособного населения. И, как пишет известный американский экономист и философ Джереми Рифкин, автор книги «Конец занятости», тем 80 %, которые останутся не у дел, обеспечены колоссальные проблемы.

Статистика показывает: в мировом масштабе армия безработных «пролетариев», лишенных возможности заработать на жизнь, постоянно растет. При этом от людей невозможно скрыть, что их труд стал не нужен не потому, что они ленивы или малоквалифицированы, а потому что архитекторы «нового мирового порядка» избрали такую модель глобализации, при которой предусмотрены удовлетворение потребностей и соблюдение прав лишь малой части человечества — «золотого миллиарда». А остальным отведена роль людей второго сорта.

О наступлении информационной, постиндустриальной эпохи заговорили в научных кругах еще в 60-е годы XX века. Тогда же, практически одновременно в Японии и США, был введен в научный оборот термин «информационное общество». Бурный всплеск интереса к этой сфере произошел после выхода в свет в 1973 году книги известного американского социолога Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество», что повлекло за собой рождение множества футурологических концепций.

Теория информационного общества начала разрабатываться в трудах таких теоретиков, как М. Порат, Й. Масуда, Т. Стоуньер, Р. Катц. В основе теории лежит утверждение, что растущие темпы развития информационных технологий переводят все человечество в ка-

чественно новое состояние глобального информационного единства.

Среди многочисленных теоретиков, подготовивших почву для широкого распространения концепции информационного общества, следует особо выделить два имени — канадца Херберта Маршалла Маклюэна и американца Элвина Тоффлера.

Маклюэн рассматривал коммуникационные технологии как решающий фактор общепланетного торжества либерально-демократической системы ценностей. Он утверждал, что только в условиях массового распространения печатного — а теперь, в первую очередь, электронного — слова становятся возможными и частная собственность, и демократизация общества на основе избирательного права, поскольку именно печатным словом формируется исходный элемент западного общественного устройства — предельный индивидуализм, максимальная атомизация человека.

Еще в 1962 году Маклюэн ввел понятие «электронное общество», заявив о необходимости изучать современную культуру прежде всего с точки зрения того, какое место занимают в ней электронные средства коммуникации. Маклюэн сконцентрировал свое внимание на телевидении, поскольку оно определяет тенденции, характерные для всех СМИ.

Результатом его исследований стал знаменитый тезис о превращении мира, благодаря новейшим средствам коммуникации, в «глобальную деревню».

По мнению Маклюэна, телекоммуникации, масс-медиа и компьютерные сети как бы продолжают центральную нервную систему каждого человека до образования «глобального объятия», сжимающего пространство и время на нашей планете до предела. Оно вовлекает человека в происходящее. Всё оказывается взаимосвязано, и в результате формируется бурно обновляющаяся иллюзия, будто все знают всё обо всех. «Земной шар, связанный электричеством, оказывается не больше деревни», — эти слова канадского

социолога стали одним из самых популярных афоризмов своего времени.

В 80-е годы Маклюэна затмил своей популярностью Э. Тоффлер, который в книге «Третья волна» сформулировал весьма своеобразную концепцию исторического процесса. Он выделил в истории три волны, три глобальные эпохи: первая волна — аграрная (до XVIII века), вторая — индустриальная (до середины XX века) и третья — информационная (начиная с 50-х годов прошлого столетия). Тоффлер первым подробно описал революционные изменения, происходящие в современном мире в «техносфере», «социосфере», «информационной и властной сферах», а также «биосфере» и «психосфере», показал взаимоотношения между ними.

С начала 90-х годов XX столетия в развитии идей постиндустриализма наступил новый этап. Он связан прежде всего с именами двух экономистов: Питера Дракера и Мануэля Кастельса.

П. Дракер, один из создателей современной теории менеджмента, в 1995 году опубликовал книгу «Посткапиталистическое общество». Идеи Дракера по смыслу близки философу Фрэнсису Фукуяме с его знаменитым тезисом о «конце истории». Дракер тоже провозглашает наступление эпохи преодоления традиционного капитализма, а основными признаками происходящего сдвига объявляет переход от индустриального хозяйства к экономической системе, основанной на знаниях и информации.

Это, по мысли Дракера, должно способствовать преодолению недостатков капиталистической частной собственности и взаимного отчуждения людей — результат неконтролируемого развития западного индивидуализма. Затем последует формирование новой, «улучшенной», системы ценностей современного человека, что приведет к изменению роли и значения национального государства. По мнению Дракера, современная эпоха — это эпоха радикальной трансформации капиталистического индустри-

ального общества в «общество знания» (know-ledge society).

Но самым фундаментальным исследованием феномена информационного общества является, пожалуй, сочинение М. Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (1998). Испанский экономист дает развернутый анализ современных тенденций мирового развития, приводящих к формированию основ общества, которое он называет «сетевым». Отправными точками его умопостроений являются планетарные информационные сети, глобальная экономика и международные финансовые рынки как основные признаки формирующегося «нового мирового порядка».

Согласно концепции Кастельса в последние десятилетия в мире появилась экономика нового типа, которую он называет «информациональной и глобальной».

«Информациональной» новая экономика именуется ученым потому, что производительность и конкурентоспособность субъектов этой экономики (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях. Глобальной же она потому, что основные виды экономической деятельности, такие как производство, потребление и циркуляция товаров и услуг, а также их составляющие (капитал, труд, сырье, управление, информация, технология, рынки), организуются в глобальном масштабе с использованием разветвленной сети, связывающей экономических агентов.

Но главное, утверждает Кастельс, заключается в том, что в новых исторических условиях достижение оптимального уровня производительности труда и конструктивной конкуренции возможно лишь «внутри глобальной взаимозависимой сети». Эта глобальная сеть в своих основных чертах уже сформировалась в последней четверти XX века как результат «револю-

ции в области информационных технологий». Именно такая революция предоставила необходимую материальную базу для создания новой глобальной экономики.

Историческая взаимосвязь между лежащим в основе экономики знанием и революцией в сфере информационных технологий породила «новую, отличную от ранее существовавшей экономическую систему». С этим тезисом трудно не согласиться. Особенно наглядно он подтверждается историческими сравнениями, характеризующими значение «человеческого фактора» в мировой экономике.

Так, например, с 1800 по 1860 год доля производственного капитала в совокупном фонде развития ведущих стран Запада достигала 80 %, а доля расходов на образование, здравоохранение и НИОКР — соответственно 20 %. То есть, грубо говоря, из каждой сотни долларов инвестиций 80 вкладывалось «в железо» и лишь 20 — «в человека».

Но во второй половине XX века произошли кардинальные изменения. Доля «инвестиций в человека» в совокупном фонде развития резко возросла. Если в 1950 году она составила 47—48 %, то к концу прошлого столетия достигла 67—69 %. И продолжает увеличиваться.

* * *

Западные философы выстроили своеобразную концепцию последовательной смены культурных эпох — от культуры изрекаемого слова через культуру чтения набранного текста до культуры аудиовизуальных СМИ. Цивилизации первой эпохи в своем развитии опираются прежде всего на устную речь, второй — на развитие технологий печати. Для третьей эпохи характерно доминирование электронной информации, которая сочетает словесный, зрительно-образный и звуковой ряды. Причем смена культурных эпох происходит вследствие революционных открытий в области средств коммуникации.

Сегодня очередная информационная революция происходит буквально на наших глазах. Огромными темпами растет число пользователей Интернета. В 1993 году их было только 3 миллиона человек, в 2000 году это число выросло до 350 миллионов, а в 2010-м приблизилось к 2 миллиардам.

Информационная революция оказала воздействие на средства массовой информации, прежде всего на широкое распространение электронных СМИ. За последние годы многократно увеличилась глобальная сеть Интернет-изданий. Скорость, с которой новые средства массовой коммуникации завоевывают мир, поражает. Под их мощным воздействием рождается новая глобальная культура, так называемая «культура реальной виртуальности».

Бурное распространение информационных технологий при правильном их использовании могло бы привести к целому ряду позитивных изменений в жизни общества. Рост скорости передачи сообщений, увеличение объема передаваемой информации, ускорение обработки получаемых данных позволяют значительно улучшить качество жизни современного человека. Более того, информационная революция могла бы оказать благотворное влияние и на политические процессы: рост информированности населения позволяет привлечь более широкий круг людей к решению важнейших проблем современности.

Однако на деле большая часть социальных последствий глобализации в области информатики весьма противоречива. Наибольшую тревогу вызывают сомнения в способности человечества контролировать плоды информационной революции и обеспечить их конструктивное использование.

Специалисты отмечают тревожные изменения в психике людей, постоянно работающих в Интернете. Наука установила: человеческий мозг, мыслящий, как известно, образами, устроен так, что в определенных случаях не отличает реальное событие от вымышленного, которое разыгрывается в его воображении.

Обследование фанатов Интернета показало, что их психология и даже черты характера довольно быстро меняются в сторону тех ценностных ориентиров, которые содержит виртуальная информация сети, а реальная жизнь постепенно отходит на второй план, превращаясь в досадную помеху.

«Диктатура СМИ» закладывает в сознание подрастающего поколения «ценности», ведущие к моральному разложению. В частности, разрушительное воздействие на психику детей и подростков оказывают сюжеты, связанные с насилием, сцены сексуально-порнографического характера, всевозможные азартные развлечения.

Люди и политические силы, которые контролируют гипнотизирующий массового потребителя информационный поток, получают возможность формировать и изменять мировоззрение и самосознание целых народов и континентов. Причем, вложение капитала в процесс формирования мировоззрения людей становится сегодня самым выгодным бизнесом. Эта качественно новая черта, присущая эпохе глобализации, дает основание самым внимательным образом отнестись к предостережениям некоторых ученых о возможности скорого наступления эпохи «глобального сетевого тоталитаризма».

Не случайно в странах, наиболее развитых в области средств массовой коммуникации, наблюдается постоянное снижение доверия к большинству общественных структур, будь то партия, профсоюз или церковный приход. Рушится институт семьи, растет число гражданских судебных процессов. Индивидуалист-одиночка, живущий в иллюзорном мире, а именно таков психологический портрет идеального пользователя сети, больше не нуждается в «устаревших» общественных связях и социальных институтах. Персональный компьютер и связь с Интернетом — вот все, что ему нужно для «полноценного» существования.

Очевидно, что мы имеем дело с формированием базовых условий для установления тоталитарных режи-

мов, опирающихся на электронные средства подавления человеческой индивидуальности. Ведь именно те социальные структуры и институты, которые вытесняет из нашей жизни Интернет: конфессиональные общности, профессиональные союзы, различные группы и клубы для неформального общения и т. п., — являются главным препятствием на пути возникновения тоталитаризма, который возможен там, где личность остается в одиночестве перед натиском сил, рвущихся к господству над ней.

Эти тенденции все больше проявляются и на международном уровне, и к ним вполне применима формула: «Кто управляет информацией, тот управляет миром». История человечества знает три разных способа управления информацией, каждый из которых существовал в определенную эпоху, на определенном уровне развития средств массовой коммуникации.

Первый: силовое, принудительное регулирование процессов доступа к информации и ее производству. Проще говоря, цензура. Этот способ, характерный и для эпохи рукописной традиции, и для периода печатных СМИ, на протяжении большей части человеческой истории был главным и единственным орудием управления информацией, применявшимся в первую очередь государственной властью.

Появление и стремительное развитие электронных СМИ — сначала радиовещания, а затем и телевидения — положило конец диктату цензуры. Государство потеряло возможность контролировать массовый доступ населения к информации, источники которой располагаются за рубежом. В связи с этим главенствующим способом контроля в этой области стало управление процессом подачи информации.

Основное внимание манипуляторов массовым сознанием переместилось от того, «какую информацию получает потребитель?», к тому, «в каком виде он ее получает?». Учитывая, что во многих семьях телевизор работает не менее 7—8 часов в сутки, способ и форма подачи информации, а также манипулирование ком-

ментарием способны — даже без искажения фактов — менять отношение телезрителя к тому или иному событию в заданном направлении.

Например, в период перестройки телевидение обрушило на нас шквал разрушительной информации, который хаотизировал мышление, уничтожая его традиционные опоры. Для создания предпосылок к слову советской государственности потребовалось расшатать общественное сознание, сломать сложившуюся систему ценностей. И телевидение тогда отлично справилось с этой грязной задачей. Оно взяло на себя роль силы, подрывающей способность людей к рациональному мышлению, повело сокрушительную атаку на все нравственные нормы, выступив в роли инструмента разрушения «культурного ядра» нашего общества.

Цель была достигнута путем «разоблачения», шельмования, высмеивания и охаивания всех ценностей, символов, героев советской эпохи. В результате была значительно ослаблена морально-психологическая защита общества.

Характерный пример такой манипуляции массовым сознанием — война в Чечне, точнее то, каким образом она долгое время подавалась российскому телезрителю. Подавляющее большинство видеок кадров с мест событий представляло собой зрелище взрывов, обстрелов, разрушений и гибели после военных акций российских войск. К тому же, часто они подавались с глумливой интонацией и комментарием, унижительным для федеральных войск и комплиментарным для боевиков. Между тем известно и доказано, что картина последствий войны оказывает сильнейшее воздействие на подсознание, восстанавливая общественное мнение против стороны, совершившей акт разрушения.

Поэтому, например, телекомпании США, освещая военные действия в Ираке или Афганистане, показывают только те фазы действий, в которых отсутствует образ их последствий. Ни одного кадра с видом разру-

шений, ни единой картинки с беженцами, ранеными детьми или мертвыми телами!

Наконец, есть способ контроля над информационной сферой, имеющий в основе технологию управления процессом восприятия информации. Это наиболее тонкий, скрытый процесс, его эффективность измеряется степенью воздействия на массовое сознание. Этот способ предполагает не просто программирование массового сознания, а производство индивидуумов с заранее заданными характеристиками, жизненными установками и моральными качествами.

Достижение такого результата стало реальным именно в эпоху Интернета, многократно расширившую возможности влияния на человека, на глубинные основы его мировоззрения и самосознания, когда специалисты по психологии массовых коммуникаций разработали методики манипуляции информационными потоками, на порядок более эффективные, чем традиционные способы подачи информации.

Впрочем, правильнее будет сказать, что технология управления информационными потоками включает в себя и все прежние способы «промывания мозгов» — от прямой цензуры до тенденциозного комментария, но только на качественно более высоком уровне. Аналитики отмечают, что в результате человек практически лишается возможности противостоять внешним воздействиям на его психику.

И действительно, с каждым днем поток новостей, рекламы и тому подобных «информационных продуктов», становится более плотным и все сильнее давит на нас. Но возможности человеческого мозга воспринимать и обрабатывать информацию имеют свои пределы. Значит, если внимание человека постоянно «загружено» потоком образов и понятий, имеющих определенный психологический (политический, идеологический, культурный) код, то воспринимать иную точку зрения он физически не способен.

При этом принцип свободы слова остается вроде бы ненарушенным. Силы, которые управляют инфор-

мационными потоками, просто вытесняют представителей иной точки зрения на обочину. И тогда любой вид оппозиции «владыкам эфира» станет уделом маргинальных групп, политических сектантов. Они, формально имея полную свободу выражать свою точку зрения, потеряют всякую реальную возможность донести ее до сознания своих сограждан.

А если учесть, что подавляющая часть источников информации находится в руках западных глобалистов, это открывает перед ними широчайшие возможности для «информационной диктатуры» в невиданных ранее масштабах.

В этой ситуации начинают работать иные социальные законы, подобно тому, как в математике действуют законы больших чисел, отличающиеся от «традиционных» числовых закономерностей.

Тот, кто добивается господства в важнейшем секторе информационного поля, обретает контроль и над всем полем, будь то отдельно взятое государство или все международное сообщество. В этом — особенность и главная черта глобализма.

Глава третья

ВЗГЛЯД С ЗАПАДА

На пороге качественно нового этапа в развитии человечества остаются открытыми многие важнейшие вопросы.

Что принесет нам ближайшее будущее? Чьи социальные, политические и национальные интересы будут торжествовать, а чьи будут подавлены? А если интересы различных социальных групп, классов, государств будут согласованы и гармонизированы, то какими способами?

Нетрудно понять: за подобными вопросами стоит один, главный — вопрос о власти. Согласно тезису классиков марксизма-ленинизма его выдвигает всякая революция, даже научно-техническая. Речь идет о

власти не только политической и экономической, но и информационной, культурной, духовной.

Развитые капиталистические страны так называемого «первого» мира, или «золотого миллиарда», отвечают на этот вопрос четко и однозначно: отныне и впредь глобализация пойдет под нашим руководством. Человечество будет жить и развиваться по нашим предначертаниям и моделям. На разработку и отладку таких моделей мобилизованы лучшие интеллектуальные силы Запада. На их реализацию расходуются гигантские финансовые, материальные и военные ресурсы.

Известный американский ученый, специалист по вопросам международных отношений, занимавший в 1987—1988 годах пост президента Американской ассоциации политологов, Кеннет Уолтц называет глобализацию «причудливым продуктом 90-х годов, изготовленным в Америке».

США, несомненно, являются главным ускорителем процессов глобализации. Однако было бы опрометчиво заключать их в такие узкие рамки. Чтобы понять природу глобализации, уяснить механизмы формирования глобального общества, нужно прежде всего обратиться к истокам этого процесса. А истоки глобализации следует искать в послевоенном кризисе капиталистического мира, в неспособности классических либеральных демократий обеспечить стабильность своего господства и удовлетворить аппетиты транснациональной элиты.

Вызов «второго» и «третьего» мира

Идеологи глобализма чаще всего обосновывают его необходимость и неизбежность «объективной логикой исторического процесса». Одновременно пытаются убедить мировое общественное мнение в своих самых лучших чувствах, самых благородных и чистых намерениях, доказывают, что именно глобализация приведет к благоденствию всех и каждого, к всеобщему процветанию. Тщательно скрывается, что в выигрыше ока-

жется лишь так называемая избранная часть человечества — «золотой миллиард» граждан развитых стран Запада — за счет нещадной эксплуатации остального населения Земли. Чтобы убедиться в лицемерии и лукавстве современной идеологии глобализма, давайте непредвзято взглянем на историю ее становления.

Победа Советского Союза во Второй мировой войне привела к качественным изменениям соотношения сил на мировой политической арене. Главный удар по мировой капиталистической системе нанесло создание международного сообщества социалистических стран.

В конце 1940-х — начале 1950-х годов в странах Восточной Европы к власти пришли народно-демократические и коммунистические партии, взявшие курс на строительство социализма.

В январе 1949 года по инициативе Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Советского Союза и Чехословакии была создана межправительственная организация экономического сотрудничества и интеграции социалистических стран — Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). 1 октября 1949 года в результате революции была провозглашена Китайская Народная Республика, которая 14 февраля 1950 года заключила с СССР Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи сроком на 30 лет. В мае 1955 года в Варшаве представителями Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В противовес НАТО социалистические страны создали военно-политический блок Организация Варшавского договора.

В результате этих глобальных перемен огромная территория и громадные ресурсы стали недоступны для грабительской эксплуатации со стороны западных монополий. Капиталистический рынок потерял значительное число реальных и потенциальных потребителей. Появился «второй» мир — социалистический, альтернативный «первому», капиталистиче-

скому. Притягательность его идеалов для огромных масс населения Земли росла год от года, став реальной угрозой господству «демократических ценностей свободного мира».

Другим серьезным ударом по мировой системе классического капитализма стали начавшееся после Второй мировой войны крушение колониальной системы и выход на арену мировой политики стран так называемого «третьего» мира.

В апреле 1955 года по инициативе Индии, Индонезии, Бирмы, Пакистана и Цейлона в Бандунге прошла конференция, в которой приняли участие 29 стран Азии и Африки. Конференция решительно осудила «политику расовой дискриминации и сегрегации», что в переводе на обычный язык означало решимость бороться с западным влиянием в политике, экономике и культуре.

Политический вызов западному господству был официально сформулирован в «Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству», провозгласившей знаменитую концепцию «мирного сосуществования», отвергающую, по сути, все традиционные политические инструменты эпохи классического капитализма. В основу политики мирного сосуществования были положены ставшие с тех пор всемирно известными «пять принципов»:

- 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета;
- 2) ненападение;
- 3) невмешательство во внутренние дела друг друга;
- 4) равенство и взаимная выгода;
- 5) мирное сосуществование.

Превращение развивающихся стран в активную политическую силу, особенно после создания в 1961 году Движения неприсоединения, стало еще одним признаком катастрофического падения влияния мировой капиталистической системы.

Запад, наконец, осознал, что в рамках прежнего мировоззрения, традиционного теоретического бага-

жа, сложившихся методов и принципов воздействия на мир он уже не может удерживать свои позиции в мировой политике.

Вызов, брошенный капитализму странами «второго» и «третьего» мира, спровоцировал появление идеологических концепций, авторы которых попытались осмыслить новые социально-политические реалии и сформулировать эффективную модель «обновленного капитализма».

Так, в 1954 году Р. Гвардини сформулировал ставший позднее весьма распространенным тезис о наступлении конца Нового времени, о «закате эпохи модерна», которую он отождествлял с эпохой классического капитализма. Ж. Баландые в 1955 году предложил теорию, согласно которой страны «третьего» мира рассматривались как всемирно-исторический аналог «третьего сословия», ниспровергшего в свое время господство феодальной аристократии и создавшего современные капиталистические государства. В 1957 году, опираясь на более ранние идеи известного английского историка и социолога Арнольда Тойнби, П. Дракер предложил концепцию «социального пост-модерна».

Все эти теории, концепции и доктрины имели в конечном итоге одну главную цель: преодоление системного кризиса, в котором оказался Запад перед лицом «советской угрозы» и национально-освободительного движения в странах «третьего» мира. Неудивительно, что именно в это время, в момент бурных социально-политических перемен и интеллектуальных брожений, возник Бильдербергский клуб, один из важнейших командных центров современной глобализации.

В мае 1954 года близ голландского городка Остербек в отеле «Бильдерберг», который и дал название клубу, состоялось первое совещание учредителей этой международной организации, все действия которой доселе окутаны плотным покровом таинственности. В ее состав вошли виднейшие представители всех слоев западной элиты: влиятельные политики, крупные

финансисты, промышленные магнаты, высокопоставленные военные, ведущие аналитики и руководители ряда наиболее авторитетных средств массовой информации.

Целью клуба было провозглашено «улучшение отношений западноевропейских стран с США». Однако повестка дня первых же заседаний говорит о его целях лучше всяких официальных заявлений. Первое заседание было посвящено «защите Европы от коммунистической опасности», второе — «коммунистическому влиянию внутри Европы», третье — «коммунистической угрозе в Азии». Именно борьба с коммунизмом была признана первоочередной задачей западного мира.

Ускорение интеграционных процессов на Западе, превращение их в глобальные стали второй важнейшей целью Бильдербергского клуба. В частности, его рекомендации сыграли огромную роль в создании наднациональных структур Западной Европы.

Активное участие этой организации в объединении Европы свидетельствует, что процессы глобализации с самого начала носили управляемый характер. Это следует особо подчеркнуть, ибо рукотворный характер современного глобализма коренным образом отличает нынешнюю эпоху от всех предыдущих.

Экономическая, научная и военная мощь человечества достигла того рубежа, когда оно, впервые за всю историю, способно сознательно и целенаправленно видоизменять собственную среду обитания. Вот только сумеем ли мы обратить эту способность себе во благо?

Рубежным этапом в формулировании идей глобализации можно считать конец 60-х — начало 70-х годов XX века. К этому времени послевоенный период стремительного экономического роста в развитых странах Запада окончательно исчерпал свои возможности. Параллельно с этим росло и крепло международное содружество социалистических государств. В 1968 году провалом завершилась попытка американ-

ских спецслужб спровоцировать гражданскую войну в Чехословакии. Одновременно невиданные по масштабу молодежные — студенческие и рабочие — волнения потрясли большинство внешне благополучных стран Запада.

Лозунги бунтующей молодежи носили откровенно антикапиталистический и антибуржуазный характер. Тогда же проявились первые последствия бесконтрольного загрязнения окружающей среды, породившего вскоре мощное экологическое движение «зеленых».

Эти потрясения привели к новому всплеску попыток преодолеть тупики и пороки классического капитализма. В 1967 году видный американский экономист Джон Гэлбрейт предложил теорию «нового индустриального общества», которая получила широкое распространение в среде западной интеллигенции. В это же время в научный оборот усилиями американского социолога Д. Белла и француза А. Турена входит ставшее ныне общеупотребительным понятие «постиндустриального общества». Ряд западных ученых (Х. Маклюэн, Е. Масуда, Дж. Нэсбит) предложили для обозначения нового социального строя использовать термин «информационное общество», а некоторые (Ж. Фурастье, А. Кинг и Б. Шнайдер) считали предпочтительным термин «общество услуг».

На деле все эти исследования имели главной целью разработку новой модели мироустройства, которая позволила бы Западу вернуть утраченное в борьбе с социализмом мировое лидерство.

В 1974 году И. Валлерстайн, опираясь на исследования школы французского историка Ф. Броделя, окончательно сформулировал свою концепцию мир-системного анализа, ставшую краеугольным камнем современной глобализации. Благодаря этой теории вызревавшая в умах западной элиты идея о «новом апартеиде» — разделении мира на высокоразвитую западную «метрополию» и вечно нищие сырьевые

«окраины» — получила наконец свое квазинаучное обоснование.

Системный подход к социальным явлениям не был к тому времени новостью в общественных науках. Главной находкой Валлерстайна стало вычленение во всякой социальной системе «ядра» и «периферии», что дало возможность идеологам глобализации формулировать свои идеи «на научной основе», не оглядываясь на «устаревшие» ценности классической демократии и не опасаясь обвинений в расизме и человеконенавистничестве.

Наконец, в 1967 году на IV Генеральной ассамблее Всемирного Совета Церквей (ВСЦ) было впервые откровенно заявлено главное требование архитекторов «нового мирового порядка»: принципиально изменить всю конструкцию современного мироустройства.

Вскоре после этого мир капитализма был потрясен очередным кризисом — на этот раз энергетическим. В 1973 году, из-за введенного арабскими странами эмбарго на продажу нефти, цены на «черное золото» в считанные дни выросли в пять раз, что повлекло за собой общий кризис всей капиталистической системы.

Рост цен на энергоносители, особенно сильно ударивший по странам, не имеющим собственных энергоресурсов, привел к новому обострению внутренних противоречий во всей мировой системе капитализма. Трещины в отношениях между ведущими западными государствами даже поставили под сомнение доминирующее положение США в западном мире. Все это всерьез испугало представителей новой транснациональной элиты, которым ранее казалось, что с созданием Бильдербергского клуба они, наконец, взяли ситуацию под контроль.

В ответ на новые вызовы в июле 1973 года по инициативе президента банка «Чейз Манхэттен» Д. Рокфеллера, бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера, политолога З. Бжезинского и президента итальянской фирмы ФИАТ Дж. Аньели была создана Трехсторон-

няя комиссия, которая объединила политиков и представителей деловых кругов не только США и Западной Европы, но и Японии. Таким образом была создана мощная база для стратегической консолидации стран, чье население должно было составить пресловутый «золотой миллиард» новых хозяев мира.

Как и Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия, являясь формально неофициальной общественной организацией, на деле стала оказывать громадное влияние на реальную политику ведущих западных держав. Для примера достаточно вспомнить, что при Дж. Картере в администрацию президента США вошли целых 19 членов этой комиссии, а Збигнев Бжезинский занял ключевой пост советника президента по национальной безопасности. Что касается современности, то сегодня в Трехстороннюю комиссию входят свыше 300 членов, кооптируемых в ее состав руководящим комитетом.

Таким образом, каждый этап кризиса мировой капиталистической системы завершался созданием новых «неформальных» организаций западной элиты, предназначенных для глобального переустройства современного миропорядка.

Это позволяет сделать важный вывод: процессы современной глобализации, помимо объективных причин, лежащих в их основании, во многом носят рукотворный характер. А значит, тот вариант мироустройства, который нам предлагают ныне трубадуры «нового мирового порядка», не является исключительно результатом объективного развития исторического процесса.

Римский клуб — подделка под «здравый смысл»

Несмотря на гигантские усилия западной элиты по воплощению идей глобализации в жизнь, реальные успехи на этом поприще поначалу были невелики. Скоро выяснилось, что серьезных препятствий значительно больше, чем казалось на первый взгляд. Например, общественное мнение в самих западных

странах, никак не желавшее расставаться с идеалами и ценностями традиционной демократии и классического гуманизма.

Публично и гласно бороться с общественным мнением, целенаправленно видоизменять устоявшиеся мировоззренческие архетипы больших людских масс всегда очень сложно. И такие закрытые, закулисные организации, как Бильдербергский клуб и Трехсторонняя комиссия, справиться с этой задачей не могли. Для ее решения была создана новая, специальная структура под названием Римский клуб. Именно он принялся за «перестройку сознания» граждан индустриально-развитых стран — прежде всего европейцев, у которых все еще были сильны национальные корни.

Римский клуб был образован в апреле 1968 года в Риме, где по инициативе крупного итальянского предпринимателя, вице-президента фирмы «Оливетти» Аурелио Печчеи собрались ученые, бизнесмены и общественные деятели из десяти стран. Он был основан как международная неправительственная и некоммерческая организация, официально поставившая перед собой задачу системного анализа особенностей развития человечества в эпоху научно-технической революции. Другой важнейшей задачей клуба стало исследование причин и темпов нарастания глобальных кризисных явлений экономического, политического и экологического характера.

Римский клуб имеет гораздо более демократическое внутреннее устройство, чем Бильдербергский клуб и Трехсторонняя комиссия. У него нет обязательного для всех членов устава, на заседаниях Клуба не ведутся протоколы. По неписаным правилам в него входит не более 100 членов — ныне это представители более 30 стран. Координирует деятельность клуба Исполком из восьми человек. На конгрессах клуба, проходящих один раз в два года, принимаются решения о проведении тех или иных исследований, обсуждаются результаты завершенных проектов, принимаются ре-

шения о формах и методах продвижения в общественное сознание необходимых понятий и идей.

Один из отличительных признаков Римского клуба с момента его основания — подчеркнутая внешняя деидеологизированность, ориентация на решение проблем, общих для всего человечества, всех стран, вне зависимости от их социально-экономического строя и политической ориентации. Поэтому еще во времена холодной войны от Советского Союза членами Римского клуба стали академик Е. К. Федоров и член-корреспондент АН Д. М. Гвишиани. В 1987 году к ним присоединились академик Е. М. Примаков и писатель Чингиз Айтматов. А в июле 1989 года в СССР была учреждена даже специальная национальная «Ассоциация содействия Римскому клубу».

Деятельность клуба с самого начала основывалась на трех фундаментальных принципах. Его основатели утверждали, что:

во-первых, в связи с тем, что перед мировым сообществом встали проблемы, решение которых невозможно в рамках отдельно взятой страны, необходимо мыслить в глобальном масштабе. Эпоха, когда каждое государство, каждый народ решали свои проблемы изолированно и самостоятельно, закончилась;

во-вторых, необходимо мыслить перспективно, так как невозможно решать глобальные проблемы, думая только о текущих делах. Обязательным условием является рассмотрение общественных, экономических процессов и политических стратегий в долгосрочной перспективе;

в-третьих, для решения глобальных проблем необходимо тесное сотрудничество всех государств. Постоянно углубляющаяся интеграция наций является необходимым условием конструктивного и стабильного развития.

Главной заслугой Римского клуба его участники считают то, что им удалось внедрить в общественное сознание представление о мире как о единой системе, для существования и развития которой необходимо

общими усилиями справиться с проблемами, не поддающимися локальным, частным решениям.

Именно Римский клуб предложил для обозначения этих вопросов популярный ныне термин «глобальная проблематика».

Основатель Клуба А. Печчеи писал: «Ни одна из этих проблем не может быть решена за счет применения основанных на линейном подходе методов прошлого... Как показал опыт, на определенном уровне развития они начинают пересекать границы и распространяться по всей планете, невзирая на конкретные социально-политические условия, существующие в различных странах, — они образуют глобальную проблему».

Для ознакомления мировой общественности с такими проблемами Римский клуб организует и проводит ежегодные конференции и регулярно публикует специальные доклады, причем некоторые из них оказали мощнейшее влияние на идеологию современной глобализации. Доклады готовят независимые рабочие группы, исследующие по заказу Клуба «критические аспекты складывающейся в мире ситуации». Исследовательские проекты выполняются учеными из разных стран и оплачиваются крупными фирмами.

Всего по заказу Римского клуба было подготовлено около 20 таких документов. Серия докладов Римскому клубу наглядно отражает историю внедрения в общественное сознание идеологии современной «глобализации по-американски».

Первый доклад Римскому клубу, получивший название «Пределы роста», выполненный группой исследователей под руководством Денниса Медоуза и опубликованный в 1972 году, произвел настоящую сенсацию и вызвал бурную полемику во всем мире.

Исследование было выполнено на основе концепции, которую разработал известный ученый, профессор Массачусетского технологического института Дж. Форрестер, автор книги «Мировая динамика».

Результаты исследования поразили всех. Авторы сделали вывод, что при сохранении существующих тенденций экономического развития в первой половине XXI века произойдет «глобальная катастрофа». Для предотвращения этого катаклизма они рекомендовали, не больше и не меньше, перейти к стратегии «нулевого роста» мировых объемов производства и потребления.

Неудивительно, что такие выводы и рекомендации вызвали ожесточенные, долго не утихавшие споры. Многие специалисты сочли модель неадекватной и не способной отразить всю сложность мира и глобальной проблематики, а заключения об опасностях экономического роста — опасными и вредными. Мировая общественность была в шоке, но на это и рассчитывали.

Сам президент Римского клуба А. Печчеи писал: «Нам казалось, что воззвание Римского клуба произведет нужный эффект лишь в том случае, если оно будет представлено в какой-то новой, непривычной, образной форме. Это должно было напоминать лечение шоком. Ведь до тех пор, пока люди с различными уровнями образования не смогут увидеть действительность такой, как она есть, а не такой, какой она была раньше или какой они хотели бы ее видеть, — им так и не постигнуть смысла мировой проблематики».

Скандал — лучшая реклама. Поэтому после публикации «Пределов роста» Римский клуб в мгновение ока сделался известным самой широкой общественности десятков стран мира. Однако организаторы Клуба не собирались всерьез пропагандировать идею «нулевого роста». Скандал нужен был для того, чтобы на этом фоне предложить шокированной западной общественности иные, «приемлемые» пути решения глобальных проблем в русле построения пресловутого «нового мирового порядка».

Поэтому спустя два года после первого доклада в 1974 году появился второй доклад, который подгото-

вили немец Э. Пестель и американец М. Месарович. На сей раз он был сделан на основе предложенной Месаровичем иной модели мира, которая теперь «учитывала региональные особенности». Доклад назывался «Человечество на переломе» и предлагал в ответ на критику идеи «нулевого роста» концепцию «органического роста», согласно которой каждый регион мира должен выполнять свою особую функцию, подобно клетке живого организма.

Авторы заявляли, что недифференцированный рост неизбежно приведет к катастрофе. Поэтому человечество для решения кризисных ситуаций должно выбрать «органический рост и развитие». Правда, открытым оставался главный вопрос: кто будет распределять по регионам функции — одному индустриальную, а другому, скажем, сырьевую — и определять ресурсные квоты, которые необходимы народам и государствам для их «органического развития»?

Впрочем, любому, кто был хоть немного знаком с деятельностью Бильдербергского клуба и Трехсторонней комиссии, долго гадать на эту тему не приходилось.

Следующим важным этапом деятельности Римского клуба стал доклад под названием «Цели для человечества», подготовленный в 1977 году под руководством профессора философии и политологии из США Э. Ласло. В этом документе Римский клуб наконец открыто заявил о своей главной цели — изменении системы идеалов и ценностей всего мирового сообщества. В докладе была предложена амбициозная концепция «нового гуманизма», выдвигалась идея о первостепенном значении тех личных человеческих качеств, которые обеспечат «революцию сознания» и последующее за ней преобразование общества.

Чтобы начать такую революцию, необходимо, по мнению авторов концепции, прежде всего сформулировать цели мирового развития и познакомить с ними широкую общественность. Для этого рабочая группа под руководством профессора Ласло проанализирова-

ла «атлас целей» различных регионов, стран, религиозных конфессий. Опросив большое число представителей самых разных сфер и направлений человеческой деятельности, группа Ласло предложила человечеству четыре глобальные цели.

Первая: международная безопасность, прекращение гонки вооружений, исключение войн и конфликтов, отказ от насилия.

Вторая: решение продовольственной проблемы в глобальном масштабе, ликвидация голода, создание мировой системы, позволяющей удовлетворить потребности в продовольствии всех людей на Земле.

Третья: глобальный контроль за использованием энергетических и сырьевых ресурсов, разработка рационального и экологически безопасного энергопользования, контроль над технологией, экономически эффективное природопользование.

Четвертая: глобальное развитие, ориентированное на качественный рост, а именно: повышение качества жизни и справедливость в распределении материальных и духовных благ.

Такая классификация, при всей ее внешней привлекательности и благородстве, имеет «двойное дно». С одной стороны, попытки добиться международной безопасности и ликвидации голода не могут вызвать возражение. С другой стороны, резонно задаться вопросом: не является ли необходимый для этого «глобальный контроль за использованием энергетических и сырьевых ресурсов» новой формой всемирной диктатуры финансовых тузов и транснациональных корпораций?

В таком случае добиться добровольного подчинения народов Земли интересам «золотого миллиарда» будет чрезвычайно сложно. Именно поэтому — откровенно игнорируя классовые противоречия, национальные и цивилизационные различия — авторы нового доклада заговорили о «глобальной солидарности», путь к которой откроют «перестройка сознания» и формирование нового «глобального этноса».

Обеспечить такое единообразие призван универсальный «новый стандарт гуманизма», который должен универсально определять как нормы поведения отдельного человека, так и параметры государственной политики целых стран. Отсюда — лишь один шаг до концепции «гуманитарных интервенций», оправдывающей применение силы против тех государств, где якобы необходимо «восстановление поправленной справедливости».

Известность, которую получил Римский клуб, привела к тому, что под его маркой в 70—80-е годы XX века было опубликовано немало интересных и небесполезных докладов, посвященных актуальным проблемам современности и напрямую не связанных с главной целью Клуба — внедрением в общественное сознание идей глобализации.

Среди них доклад лауреата Нобелевской премии по экономике Я. Тинбергена «Перестройка международного порядка» (1976); доклад «За веком расточительства» (1978), подготовленный под руководством британского физика Д. Габора, итальянского специалиста в области управления У. Коломбо и посвященный возможностям использования мирового научно-технического потенциала для решения энергетических, сырьевых и продовольственных проблем; доклад «Нет пределов обучению» (1979), подготовленный под руководством американца Дж. Боткина, марокканца М. аль-Манджры и румына М. Малицы; доклад итальянского экономиста О. Джарини «Диалог о богатстве и благосостоянии» (1980), в котором автор предложил задуматься о способах потребления и создать новую концепцию хозяйствования, представляющую собой синтез экономики и экологии; проект «Будущее Океанов» (1984), выполненный под руководством Э. Манн-Боргезе, а также целая серия докладов, посвященных различным аспектам взаимоотношений между «Севером» и «Югом».

Одним из важнейших из них с точки зрения обоснования неизбежности западного варианта глобализации

был опубликованный в 1980 году доклад «Маршруты, ведущие в будущее: к более эффективным обществам», подготовленный директором Международного института управления Б. Гаврилишиным (США). Автор предлагал обсудить модель будущего мирового порядка, основанную на сосуществовании различных культур, религий, образов жизни, а также, что следует подчеркнуть, на едином коллегиальном руководстве всей планетой.

Прекрасно понимая, что экономические и технологические заимствования сами собой не приведут к унификации человечества, автор особое внимание обращал на необходимость изменения системы ценностей и политического устройства в тех странах, где они «отстали от изменений в области экономики и технологии», что «чревато возникновением кризисных явлений».

Справедливости ради следует отметить: опыт социализма не прошел даром для теоретиков глобализации. Так, например, неограниченная свобода конкуренции и предпринимательства, по Гаврилишину, более не способна обеспечить эффективность общественного строя. Отвергая социально-классовый подход, автор, тем не менее, в духе утопистов позапрошлого века предлагал «пробудить дремлющие в каждом обществе принципы группового сотрудничества».

Следующим важным этапом подготовки общественности к принятию идеологии глобализации стал доклад Э. Пестеля «За пределами роста» (1987). Доклад был посвящен памяти основателя и первого президента Римского клуба А. Печчеи и как бы подводил итоги пятнадцатилетним дебатам о пределах роста. Автор доклада заявил, что «дух ответственности должен и может перешагнуть через все государственные и региональные границы, чтобы люди... были духовно и практически подготовлены к решению проблем, затрагивающих наше глобальное всемирное достояние — океаны, внешнее пространство, воздух, которым мы дышим... Именно здесь лежит главная возможность

открыть перед миром дорогу к органическому росту и развитию».

В общем, в документах, подготовленных Римским клубом, часто можно согласиться с той их частью, которая констатирует наличие реальных проблем и, нередко, вполне адекватно их описывает. Но в главном — как решать эти реально существующие глобальные проблемы — доклады Римского клуба признать объективными нельзя. Заведомая ангажированность их авторов сказывается в упорном стремлении толкнуть человечество на скользкий и опасный путь глобализации в ее американизированном варианте — жестоком, антигуманном и в конечном итоге бесперспективном.

Трехэтажная цивилизация

В западной литературе теоретическое обоснование нового глобального мироустройства весьма обширно и эклектично. Среди его «духовных отцов» выделяются имена социолога И. Валлерстайна, философов К. Поппера и Ф. Фукуямы, «серого кардинала» американской внешней политики З. Бжезинского, финансиста Ж. Аттали.

И. Валлерстайн рассматривает мировую капиталистическую систему как первую историческую форму глобального мироустройства, которая развивается во взаимодействии трех регионов: высокоразвитого ядра, вечно нищей периферии и буферной полупериферии. Однако недостатки классического капитализма, по его мнению, делают неизбежными разрушительные кризисы, которые потрясают мир с периодичностью раз в 50—100 лет.

Согласно концепции Валлерстайна, преодоление этих недостатков капиталистического мироустройства, доминирующего на планете с начала XVI века, возможно лишь в рамках новой глобальной системы. И конец XX столетия как раз знаменует собой такой переломный исторический момент — момент перехода от эпохи капитализма к новому устройству мира.

Вопрос о том, что придет на смену мировой капиталистической системе, Валлерстайн оставляет открытым.

Теоретиков «глобализации» в этих рассуждениях привлекают прежде всего идеи Валлерстайна о том, что мир есть единая система, состояние которой определяется характером взаимодействия ядра (это в их понимании, конечно, Запад), периферии, то есть стран бывшего «третьего» мира, и своего рода «буферной зоны», состоящей из сырьевых и технологических придатков Запада.

К. Поппер получил широкую известность как автор популярной на Западе книги «Открытое общество и его враги». Смысл его рассуждений сводится к следующему: человеческое познание несовершенно по своей природе, абсолютная истина, идеальная модель общественного устройства — недоступны человеку.

Поппер откровенно утверждает, что «история смысла не имеет». А потому призывает человечество довольствоваться такой формой организации общества, которая в максимальной степени открыта для модернизации. Иначе говоря, открытое общество — это общество, в любой момент готовое принести свои исторические ценности, культурные обычаи и духовные традиции в жертву «бытоулучшительным» и технологическим новациям.

Чем же так привлекает теоретиков и практиков глобализации идея открытого общества? Они стараются отыскать здесь моральное обоснование своим планам, найти тот универсальный принцип, который станет объединяющей ценностью в мозаичном и противоречивом мире, слагающемся из множества различных норм, традиций, религий и обычаев. Им жизненно необходим механизм, который поможет «переварить» своеобразие народов и государств в соответствии с единым стандартом нового мироустройства.

Известный биржевой спекулянт и активный сторонник глобализации Дж. Сорос в одной из своих статей пишет, что идея открытого общества «отдает

должное достоинствам рыночного механизма, но не идеализирует его. Она признает роль иных, не рыночных ценностей в обществе. С другой стороны, этот принцип, признавая свойственное нашему глобальному обществу многообразие, все же является достаточной концептуальной базой для создания необходимых институтов».

Под «институтами» знаменитый миллиардер имеет в виду всемирную систему политических, финансово-экономических и военно-стратегических организаций, которые должны стать эффективными инструментами установления глобальной диктатуры финансовых воротил.

Геополитический аспект глобализации обстоятельно разработан З. Бжезинским, одним из главных идеологов американского внешнеполитического курса второй половины XX века. Бжезинский утверждает, что кратчайший путь к глобальному мироустройству лежит через всестороннюю гегемонию «последней сверхдержавы» — Соединенных Штатов Америки. «Цель политики США, — пишет он в своей книге “Великая шахматная доска”, — должна состоять из двух частей: необходимости закрепить свое господствующее положение и необходимости создать геополитическую структуру, которая будет способна смягчать неизбежные потрясения и напряженность», вызванные принудительной перекройкой мира по шаблонам нового мирового порядка.

Ближайшим этапом такой перекройки должно стать, по Бжезинскому, создание «сети международных связей вне рамок традиционной системы национальных государств». Уже сейчас, признается он, «эта сеть, сотканная межнациональными корпорациями, создает неофициальную мировую систему для всеохватывающего сотрудничества в глобальных масштабах». Под давлением транснациональных корпораций создается новая международно-правовая база для легального утверждения повсеместного господства олигархических финансовых групп, для

их вмешательства во внутренние дела суверенных государств, препятствующих установлению такого господства.

Процесс пересмотра основных норм международного права идет полным ходом. Так, на «саммите тысячелетия», проходившем под эгидой ООН в сентябре 2000 года, на котором присутствовало 188 руководителей суверенных государств, тогдашний генеральный секретарь ООН Кофи Аннан заявил: «Наши послевоенные институты создавались под международный мир, а сейчас мы живем в мире глобальном. Эффективное реагирование на этот сдвиг — основная институциональная задача, стоящая сегодня перед мировыми лидерами».

Его предшественник на посту генсека ООН, Бутрос Гали, был еще откровеннее. «Сегодня речь идет не только о том, чтобы поддержать мир между государствами, — писал он в 1994 году. — Необходимо найти средства урегулирования разногласий, которые разделяют народы внутри самих государств. Эти новые задачи коренным образом меняют смысл, который международное сообщество до последнего времени вкладывало в поддержание мира. Допустимо ли, чтобы какое-либо государство, прикрываясь своим суверенитетом, попирало на своей территории права человека?.. Можно ли по-прежнему рассматривать как государства те территории, где отсутствует преемственность в политике?.. Из этого, на мой взгляд, следует, что вмешательство в целях исправления недостатков, присущих недемократическим государствам, является моральным долгом международной организации».

Сербия, Ирак, недвусмысленные угрозы в адрес других стран являются достаточно яркими иллюстрациями того, какими методами будет проводиться это «вмешательство в целях исправления». Россия и многие другие страны имеют все основания беспокоиться, что их очередь в этом скорбном списке — не за горами.

Пока в мире существуют влиятельные силы, противящиеся такому сценарию развития, подавляющая военная и политическая мощь США необходима для того, чтобы эффективно блокировать любые попытки противостояния новому мироустройству. Этот этап строительства «нового мирового порядка» будет продолжаться, по мнению Бжезинского, еще несколько десятилетий, после чего будет создана «реально функционирующая система глобального сотрудничества, которая постепенно возьмет на себя роль международного “регента”, способного нести груз ответственности за стабильность во всем мире». Такая глобальная система, в конце концов, «надлежащим образом узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы».

Ж. Аттали, бывший финансовый советник президента Франции и первый руководитель Европейского банка реконструкции и развития, создал историософскую теорию глобализации, которую изложил, в частности, в книге «Линии горизонта».

Согласно этой теории человеческая история представляет собой последовательную смену общественно-экономических формаций, различающихся в первую очередь фундаментальными ценностями, положенными в основу человеческого бытия. На этом основании он выделяет эпоху, когда господствующим было религиозное сознание с его культом Священного. Затем — эпоху завоеваний с ее культом Силы и личностью Монарха, Вождя как олицетворения этой Силы. И, наконец, — эпоху торговли и взаимообмена, которую Аттали характеризует как Торговый Строй с его культом денег в качестве универсальной и абсолютной ценности.

В рамках такой теории Торговый Строй является высшей и конечной формой развития человечества. Именно он, опираясь на фантастические достижения науки и разработки новейших технологий, сумеет наконец объединить все человечество в рамках единого глобального общества, не признающего никаких на-

циональных, государственных и религиозных различий. Новый человек, рожденный Торговым Строем, будет свободен от каких бы то ни было «ограничивающих влияний» — от национальных корней, культурных традиций, государственных и политических пристрастий, даже от постоянных семейных связей.

Поэтому Аттали называет новую цивилизацию, которая утвердится в результате победы такого мироустройства, цивилизацией Кочевников, не связанных друг с другом и с миром ничем, кроме универсальных финансовых связей.

Наконец, идеологическим прикрытием повсеместного насаждения НМП является модная концепция «конца истории» американского профессора Ф. Фукуямы, согласно которой нынешняя цивилизация Запада в форме либеральной демократии с ее ценностями эгоистического индивидуализма, «свободного рынка» и «универсальных прав человека» является конечной стадией развития человечества.

Итак, в основание философии глобализации творцов «нового мирового порядка» положены следующие главные идеи:

«мир-системный» подход Валлерстайна, представляющий человеческое сообщество как систему взаимодействующих регионов «ядра», «периферии» и «буферной зоны»;

модель «открытого общества» Поппера, как социальный механизм постоянной модернизации, а точнее, вестернизации;

гегемонизм США «по-бжезински», как геополитическое основание нового предела мира;

торговый Строй Аттали, как цивилизация денег, превращающихся из простого средства платежа в абсолютную, универсальную ценность;

теория Фукуямы, рассматривающая этот строй венцом истории.

Нетрудно заметить, что западная «философия глобализации» имеет явно консервативно-охранительный характер.

В историческом аспекте она сводится в конечном счете к тому, чтобы любой ценой удержать развитие в прежних качественных рамках, в сложившихся западных канонах. То есть остановить общественное развитие и в буквальном смысле слова «прикончить» историю. Глобализация в ее нынешнем виде альтернативы не имеет — таково последнее ее слово.

В социальном плане она направлена на замазывание противоречий, а не на их разрешение. С ее точки зрения, противоречия сторонников и противников глобализации — плод недоразумения. Просто спорщики говорят о разных сторонах одного и того же предмета: одни — о достижениях прогресса, а другие — о его издержках. Поэтому не спорить им нужно, а объединяться. Пусть одни двигают вперед научно-техническое и экономическое развитие, а другие — заботятся о минимизации его побочных отрицательных последствий. Те же, кто этого не понимает, — есть просто ретрограды и враги прогресса.

Вопрос о том, насколько реальна подобная идиллия, даже не ставится.

Что же касается собственно научного аспекта проблемы, то все термины и определения, изобретенные буржуазной мыслью для обозначения процесса глобализации и современного его этапа, сводятся к более или менее подробному описанию внешних его признаков. Это даже не определения, а, скорее, инскаказания, не решающие вопроса о сущности данного процесса, его движущих сил, конкретных форм и особенностей.

Изъяны методологии

В целом в теории глобализации можно выделить три фундаментальных методологических порока.

Первый порок — *это нарочитый и вульгарный позитивизм.*

Социальные явления рассматриваются «прорабами глобализации», как правило, в полном отрыве от моральных норм и ценностей, от нравственных запретов

и ограничений. Нравственность сплошь и рядом клеймится как «идеология», от которой авторы различных теорий глобализации торжественно отрекаются. Так, к примеру, уже упоминавшийся М. Месарович заявлял, что он рассматривает мир «не с незыблемых идеологических позиций», а основывается «непредубежденно... на научной методике».

По этому поводу можно лишь заметить, что опыт давно показал: обещание «свободы от идеологии» при изучении общества является верным признаком идеологической предубежденности и ангажированности такого исследователя.

Второй порок. *Методология архитекторов «нового мирового порядка» основана на принципе крайнего индивидуализма.*

В изображении теоретиков глобализации человечество предстает как конгломерат автономных индивидов, лишенных не только представлений о каких-либо нормах этики, но и национальных, и религиозных характеристик. Народы и культуры, этносы и цивилизации сознательно выводятся за скобки исследований. И происходит это по той причине, что любые национальные и культурные особенности являются для глобализаторов лишь досадной помехой. Немецкий ученый Э. Гэртнер верно заметил: «Народы как действующая сила представляют собой для Римского клуба, для Киссинджера и для Трехсторонней комиссии только источник опасности, угрожающий их мировой системе».

Такое упорное игнорирование очевидных реальностей преследует дальнюю цель — поставить под сомнение суверенитет народов над их территорией и ресурсами. В конечном счете глобализаторы стремятся изменить само представление о праве владения, ведь они намереваются поставить под свой контроль ресурсы всего мира.

Третий порок. *Методология подхода к поиску равновесия капиталистической системы хозяйствования.*

До сего времени стабильность Запада обеспечивалась широкомасштабным перераспределением ресурсов и отходов, для чего использовались, как «буферные емкости», страны «третьего» мира. Но в последнее время осуществлять такое перераспределение вопреки воле народов становится все труднее. Вследствие этого мы можем наблюдать важный мировоззренческий сдвиг в идеологии глобализации. На наших глазах происходит отказ от демократии и обоснование диктатуры — и все это под лукавым лозунгом «сохранения международной стабильности и мира».

Так, один из докладчиков Римского клуба Э. Ласло прямо говорит о «глобальной системе», управляемой «благотворительной диктатурой технократической элиты». Ему вторит соавтор второго доклада Римскому клубу Э. Пестель: «Два важных института нашей западной демократии, парламентская демократия и социальное свободное рыночное хозяйство, страдают известной слабостью — они способны реагировать преимущественно лишь краткосрочно».

Антидемократический пафос второго доклада был настолько неприкрытым, что в Германии, например, пресса так прокомментировала этот доклад: «За отсутствием благоразумия мировой план требует диктатуры, чтобы функционировать. И поэтому... для политики он не приносит пользы, поскольку в качестве решения может предложить лишь войну».

Идея замены демократии на диктатуру элиты — не случайная оговорка. Это, если можно так выразиться, *credo* — символ веры идеологов глобализации. Еще в 1970 году один из главных архитекторов глобального мира З. Бжезинский в своей работе «Между двумя эпохами. Американская роль в технотронную эру» сформулировал две принципиально важные идеи: о необходимости замены нынешней западной демократии господством элиты и о создании наднациональной власти путем объединения элит ведущих государств

мира. Это должно привести к «постепенному появлению все более контролируемого и направляемого общества».

Фактически Бжезинский публично провозгласил, что западная демократия становится тормозом для глобалистов на пути установления «нового мирового порядка». При этом Бжезинский выразился предельно откровенно: «Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем». Если это не новая версия жесточайшего «технотронного тоталитаризма», то что?

Яснее всего методологическая порочность и аморальность идеологии глобализации видны в концепции «золотого миллиарда» — новой расы господ, которую составит население ведущих капиталистических стран. Независимо, заметим, от нравственного, культурного и умственного уровня своего развития.

Ж. Аттали, например, формулирует тезис о грядущей судьбе «золотого миллиарда» совершенно недвусмысленно. «В грядущем новом мировом порядке, — говорит он, — будут и побежденные и победители. Число побежденных, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят. Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимания из-за простого безразличия. Все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с такой картиной».

Чтобы подготовить мировое общественное мнение к этой новой форме беспощадного апартеида, в культуру Запада долгие годы массированно и целенаправленно внедряется двойной стандарт: человечество недвусмысленно разделяется на «избранных» и «остальных». Учитывая эту тревожную тенденцию,

в процессах глобализации некоторые ее противники видят не что иное как возникновение репрессивных структур глобального фашизма. Новая раса господ — «золотой миллиард» — сплачивается и создает соответствующие институты для предупреждения угрозы «революции бедных».

Для такого вывода, увы, есть серьезные основания. Многие эксперты предупреждают нас, что в современном неолиберализме произошло соединение некоторых «родовых признаков фашизма». Среди них:

отказ от свободного рынка в отношениях с «чужими», ориентация на административно-командные рычаги глобального, всемирного «генерального плана»;

потребность в создании особой высшей расы — «золотого миллиарда»;

замена естественного, традиционного языка неолиберальным «новоязом» с полностью искаженным смыслом ключевых понятий и слов.

Раздел второй

МИР В ТИСКАХ

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глава первая

НОВОЕ КАК ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

«Добреет» ли капитал?

И на Западе, и у нас очень много говорят и пишут о том, что в течение XX века, и особенно во время начавшейся после Второй мировой войны фазы глобализации, капитализм радикально переменил свою природу. Он-де утратил свой хищнический эксплуататорский характер, обратился лицом к человеку, удовлетворению его потребностей, все больше и больше служит «общему благу». В доказательство ссылаются на благосостояние, в котором буквально купается население стран «золотого миллиарда». Немножко терпения, выдержки — и капитализм во всем мире окончательно обретет «человеческое лицо», «поделится» своими благами с теми, кто в них нуждается, все так будут жить.

Призывы потерпеть мы часто слышали от гайдаров, чубайсов, грефов и прочих «реформаторов». Но, что греха таить, порой даже представители российской патриотической среды проводят принципиальную грань между отвратительным и антинародным

«диким» капитализмом, который навязан России ельцинским режимом, и капитализмом «цивилизованным» — скандинавского образца, который едва ли уже не полностью превратился в «рыночный социализм». С первым будем-де всеми силами бороться, а пришествие второго — от всей души приветствовать.

Что тут сказать? Капитализм по многим параметрам, действительно, уже не тот, каким был в начале XX века. Но почему? В этом стоит внимательно разобратся.

Ленин в свое время отмечал наличие в России, как, впрочем, и в любой другой капиталистической стране, двух разновидностей капитала: демократического («народнического») и черносотенного («октябристского»). Хочется максимально полно процитировать выдержку из его письма А. М. Горькому от 3 января 1911 года, это имеет самое непосредственное отношение к нашей теме.

«...Кроме как в росте капитализма, — пишет Ленин, — нет залога победы над ним. Ни одной реакционной меры вроде запрещения трестов, ограничения торговли и т. п. марксисты не защищают. Но каждому свое: Хомяковы и К° пусть строят железные дороги через Персию, пусть посылают Ляховых (Н. А. Хомяков — крупный помещик, государственный деятель, один из организаторов колониальной политики царизма на Востоке. В. П. Ляхов — полковник, участвовал в подавлении национально-освободительного движения в Иране. — Г. З.), а марксистов дело — перед рабочими обличать. Жрет-де и сожрет, душит и задушит, сопротивляйтесь.

Соппротивление колониальной политике и международному грабежу путем организации пролетариата, путем защиты свободы для пролетарской борьбы не задерживает развитие капитализма, а ускоряет его, заставляя прибегать к более культурным, более технически высоким приемам капитализма. Есть капитализм и капитализм. Есть черносотенно-октябристский капитализм и народнический капитализм...

Международный пролетариат теснит капитал двояко: тем, что из октябристского превращает его в демократический, и тем, что, выгоняя от себя капитал октябристский, переносит его к дикарям. А это расширяет базу капитала и приближает его смерть. В Западной Европе уже почти нет капитала октябристского; почти весь капитал демократический. Октябристский капитал из Англии, Франции ушел в Россию и в Азию. Русская революция и революции в Азии = борьба за вытеснение октябристского капитала и за замену его демократическим капиталом. А демократический капитал = последыш. Дальше ему идти некуда. Дальше ему капут».

Последний вывод и по сей день остается теоретически безупречным. Другой вопрос, как и каким способом осуществляется это предвидение. Здесь нет и не может быть автоматизма. Возможны варианты. Но в этом нет ничего необычного, ибо, как сказал Герцен, «подчиняясь одному закону, железо падает, а пух летит».

Капитал действительно цивилизуется, но лишь постольку, поскольку сталкивается с возрастающим сопротивлением, ведь против него ведется борьба. А обретение капиталом «человеческого лица» в метрополиях прямо связано с глобализацией и еще более кровно — с глобализмом, с переносом наиболее жестоких и бесчеловечных форм эксплуатации из метрополий в колонии и зависимые страны.

Капитал сумел в известной мере приспособиться к изменившимся условиям, пошел на заметные уступки требованиям рабочего класса. Он вынужден был считаться с необходимостью развития системы социальной защиты людей труда, не забывая, конечно, в первую очередь о своих собственных интересах. Но, констатируя эти перемены, не следует забывать и о том, что сделал он это вовсе не добровольно. Изменившиеся условия — это прежде всего результат победы Октябрьской революции в России и порожденный ею мощный всплеск борьбы трудящихся во всем мире

за свои экономические, социальные и политические права.

Столкнувшись с возрастающим социальным протестом и экономическим кризисом, капитал имел и на практике опробовал два альтернативных варианта действий. Наиболее рельефно эта альтернатива выявилась в ходе мирового экономического кризиса конца 20-х — начала 30-х годов прошлого века. Тогда в США президентом Ф. Рузвельтом был провозглашен «новый курс», а Гитлер приступил к насаждению «нового порядка» — сначала в Германии, а затем и во всей Европе.

Между этими путями были существенные различия по форме, но было и много общего по содержанию. Оба они — прямая реакция на радикальное изменение мирового соотношения сил труда и капитала в результате победы Октябрьской революции. В то же время оба пути основаны на усилении государственного вмешательства в экономику и оба доказали свою эффективность с точки зрения функционирования капитала. Но Рузвельт ориентировался на компромисс и уступки трудящимся, Гитлер — на «закручивание» гаек. В обоих случаях уступки «своему» рабочему классу были компенсированы усилением эксплуатации в других сферах. И, наконец, главное: оба правителя выражали, каждый на свой лад, стремление различных империалистических группировок того времени к мировому господству — фактически отстаивали свой вариант глобализации. Поэтому они не могли не схлестнуться в смертельной схватке.

Но примечательно, что историческая инициатива была уже не в руках капитала. Какой путь возобладает — это решал уже не сам капитал, а победивший в России социализм. Именно Советский Союз своим могучим вкладом в победу над гитлеровской Германией зачеркнул фашистскую альтернативу развития мирового капитализма. Так наше Отечество еще раз решающим образом повлияло на ход Истории в мировом масштабе и спасло планету от страшной беды

— победы черносотенного, фашистского капитала. Поэтому в том, что капитализм обрел в некоторых странах «человеческое лицо», никакой его заслуги нет. Это целиком заслуга социализма, служившего реальным экономическим, политическим и моральным противовесом капитализму.

Сегодня, когда противовес ослаб, фашистская альтернатива вновь подняла голову, пытается встать во весь рост. Приметы тому можно видеть повсюду, и в первую очередь в нарастании агрессивности мирового империализма в экономике и политике. Капитал возвращается на круги своя.

Все это доказывает, что классический марксистско-ленинский анализ фундаментальных тенденций развития капитализма нисколько не устарел. Особенную актуальность в нынешних условиях приобретает задача современного, творческого прочтения ленинской теории империализма. Именно она поможет глубже понять суть глобализации как комплексного исторического процесса со своими внутренними закономерностями и отличительными чертами.

Родимые пятна империализма

В написанной в 1916 году работе «Империализм как высшая стадия капитализма» Ленин отнес к числу родовых черт империализма пять главных признаков:

1. Концентрация производства и рост монополий.
2. Сращивание банковского капитала с промышленным и образование в результате этого синтеза финансового капитала.
3. Вывоз капитала, приходящий на смену вывозу товаров.
4. Раздел мира между империалистическими державами и начало борьбы за его передел.
5. Паразитизм и загнивание капитализма на его империалистической стадии.

Рассмотрим их применительно к нынешнему положению дел.

Первый признак. Концентрация производства и рост монополий — такова первая родовая черта империализма.

«Громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях являются одной из наиболее характерных особенностей капитализма» в его высшей империалистической стадии, пишет Ленин. На протяжении XX столетия эта черта современного империализма проявлялась все более выпукло, приобретая поистине грандиозные масштабы.

Даже крупнейшие мировые монополии, достигшие, казалось бы, пределов роста, тем не менее продолжают расширяться и укрупняться. Сейчас процесс концентрации производства и роста монополий перешел в новое качество. В целях повышения эффективности производства монополии используют и жесткое централизованное планирование, и решительное административное регулирование, и комплексное социальное обеспечение работников.

Но главное в том, что, присваивая себе функции, изначально свойственные государству, современные ТНК приобретают все более зримые черты суверенности, до сего момента свойственные только исторически сложившимся национальным государствам. Они изо всех сил рвутся стать субъектами международного права, стремятся узаконить силовые структуры, заводя под вывеской служб безопасности собственные армию и полицию, пытаются под разными личинами внедриться в международные политические организации.

Такая тенденция грозит радикальной дестабилизацией всей мировой политической системы. Если в предыдущие эпохи главными субъектами мировой истории были народы и государства, ими созданные, то «новый мировой порядок» предполагает совершенно иную глобальную структуру управления.

По мысли его архитекторов, новая глобальная конструкция должна опираться на гигантские транс-

национальные корпорации, действующие на основе принципов финансово-экономической эффективности. Именно они составят тот узкий круг новых хозяев мира, которые придут на смену «старомодным» государствам с их традиционными ценностями суверенитета, национальной независимости, культурной самобытности и исторической преемственности.

Мир переживает новую эпоху завоеваний, которая пришла на смену колониальной. Но если прежде в качестве главных завоевателей выступали государства, то теперь ими стали предприятия-конгломераты, частные промышленные и финансовые группы, которые претендуют на роль вершителей судеб мира. Никогда их круг не был столь малочисленным и столь могущественным.

Второй признак. Концентрация капитала и образование финансового капитала в результате сращивания банковского капитала с промышленным.

«Развитие капитализма дошло до того, что главные прибыли достаются “гениям” финансовых проделок, — пишет Ленин. — Банки перерастают из скромной роли посредников во всемогущих монополистов, распоряжающихся почти всем капиталом всей совокупности капиталистов, превращающих тысячи и тысячи раздробленных хозяйств в единое общенациональное капиталистическое, а затем и всемирно-капиталистическое хозяйство. Получается перерастание банков в учреждения поистине универсального характера».

Здесь Ленин предсказал одну из важнейших черт современной глобализации — господство финансового капитала, полностью подчинившего себе капитал промышленный, производительный. На протяжении прошедшего столетия значение банков как финансовых регулировщиков мирового хозяйства постоянно возрастало. А с внедрением в эту область компьютеров и появлением глобальных информационных сетей спекулятивный капитал прочно занял господствующую

шие позиции практически во всех сферах человеческой деятельности. Процесс глобализации финансовых рынков также ускорился. Теперь колебания обменных курсов, процентных ставок и курсов акций в различных странах теснейшим образом взаимозависимы. Любые изменения в одном сегменте рынка сотрясают всю систему.

К началу нового столетия этот процесс, как и процесс концентрации производства в рамках ТНК, перешел в новое качество. Оно характеризуется прежде всего самодостаточностью крупнейших международных финансовых групп. Деньги начинают воспроизводить сами себя, минуя товарную стадию. Виртуальные финансовый и фондовый рынки значительно ускоряют такие процессы.

Третий признак. Масштабный вывоз капитала.

«Для старого капитализма, — утверждает Ленин, — типичен был вывоз товаров. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз капитала. Для стран, вывозящих капитал, почти всегда получается возможность приобрести известные “выгоды”, характер которых проливает свет на своеобразие эпохи».

Этот признак сегодня еще актуальнее, чем в 1916 году. Вывоз капитала с развитием процессов экономической глобализации возрос многократно. Более того, с ростом могущества транснациональных корпораций он стал едва ли не важнейшей составляющей их финансового благополучия.

В новой глобальной финансовой системе переброска огромных капиталов с континента на континент стала минутным делом. Сегодня гигантские капиталы с легкостью перемещаются по всей планете, обрета, благодаря информационным сетям, невиданную мобильность. И оседают эти капиталы зачастую очень далеко от своих хозяев.

Тем не менее, есть в этом, на первый взгляд хаотическом, движении некоторая закономерность. Если

следовать логике ленинского рассуждения, то, ответив на вопрос, какую главную выгоду преследуют современные экспортеры капитала, мы сумеем понять, в чем состоит своеобразие нынешней эпохи.

Вообще-то ответ на этот вопрос известен. Многие ученые-экономисты еще в советское время отмечали, что вывозимый ТНК капитал вкладывается в мировую экономику не абы как, а с ясным намерением в кратчайшие сроки сформировать качественно новую глобальную схему международного разделения труда. После распада СССР этот процесс заметно ускорился. Сегодня видно, что главная особенность такой схемы в том, что весь мир оказывается поделенным на несколько специализированных и неравноправных экономических зон.

Первая зона включает в себя высокоразвитые страны Запада и их стратегических партнеров — таких, как Япония. Их население в совокупности и составляет знаменитый «золотой миллиард». Это своего рода метрополия новой глобальной колониальной империи, где будут сосредоточены основные органы власти и управления. В нее войдут «высокоорганизованные пространства», где «власть измеряется количеством контролируемых денег», ставших «единым эквивалентом, универсальной мерой всякой вещи».

Именно такую картину рисует нам один из главных идеологов глобализации и «нового мирового порядка» Жак Аттали в книге «Линии горизонта». По его прогнозам, в этом новом мире «наиболее ценной собственностью станет гражданство в пространстве доминирующих стран», которое «станет предметом купли-продажи на свободном рынке паспортов».

Но высочайший уровень потребления, предусмотренный архитекторами НМП для «золотого миллиарда», требует огромного объема производства товаров и услуг. Подавляющая часть этой индустрии будет сосредоточена в так называемой **«технологической зоне»**. В нее, по мысли стратегов глобализации, должны войти страны «второго эшелона», которые будут испол-

нять роль сырьевых резервуаров и сборочных цехов, обеспечивающих необходимое качество жизни обитателям «высокоорганизованных пространств».

Наконец, в **третью зону** глобального разделения труда войдут «экономически неперспективные» регионы, на территории которых страны «золотого миллиарда» не имеют сколь-либо значительных финансовых интересов. Они будут предоставлены сами себе — но ровно настолько, насколько эта свобода не затронет сложившуюся систему мироустройства.

В этом случае главной опасностью для мировой стабильности станут угрозы благополучию Запада со стороны периферийных «низкоорганизованных пространств», чье нищее население, загнанное в финансово-экономическое гетто, станет вечным вызовом прочности и эффективности «нового мирового порядка». Нейтрализовать эти угрозы архитекторы НМП намерены с помощью глобальной военно-политической диктатуры.

Таким образом, основная выгода современных экспортеров капитала заключается в «ползучем» завоевании контроля над мировой экономикой и установлении на этой основе новой глобальной схемы международного разделения труда.

Это, кстати, хорошо заметно по иностранным инвестициям в российскую экономику. Давайте посмотрим, куда вкладывает Запад свои деньги? Какие области нашей экономики он стимулирует? И какие цели при этом преследует?

В самих по себе иностранных инвестициях ничего плохого нет. Если они вкладываются в реальный сектор экономики и помогают решать проблемы социально-экономического развития России, их можно только приветствовать. Действительность, к сожалению, далека от этой идеальной схемы. Десять лет практически «бесконтрольного» развития в России «дикого рынка» позволяют уверенно утверждать: западные инвестиции группируются по **трем основным направлениям**.

Подавляющая часть их направляется для участия в **финансовых спекуляциях**. В этой области крутятся огромные, даже по западным меркам, деньги. Так, например, вложения западных инвесторов в мошенническую пирамиду ГКО составляли десятки миллиардов долларов. И играли на рынке ГКО не какие-нибудь маргиналы-аферисты, а крупнейшие западные банки и финансовые компании. Только «Дойче банк» вложил в ГКО до 40 % своих активов. Среди других крупных участников этой аферы такие всемирно известные имена как «Чейз Манхэттен банк», «Мэррил Линч», «Соломон бразерз» и многие другие.

Результат таких «инвестиций» хорошо известен: крушение в 1998 году рубля, четырехкратный рост курса доллара и, соответственно, внешнего долга России, едва ли не полная утрата финансовой независимости страны и углубление внутреннего экономического кризиса.

Второе направление западных инвестиций — **сырьевые отрасли российской промышленности**. Все они так или иначе направлены на то, чтобы создать исправно работающий, под западным контролем, механизм перекачки дешевого российского сырья в страны «золотого миллиарда».

Сейчас самыми доходными статьями российского экспорта являются нефть, газ, нефтепродукты, каменный уголь, черные и цветные металлы, круглый лес и пиломатериалы. В совокупности эти виды сырья приносят львиную долю доходов от российской внешней торговли.

Запад сделает все, чтобы упрочить эту тенденцию. Ведь если взять разведанные природные ресурсы в США, то в денежном эквиваленте их, по оценке специалистов, приходится по 16 тысяч долларов на одного человека, в Европе — по 6 тысяч долларов, тогда как в России — по 160 тысяч долларов.

Третье направление иностранных инвестиций — **финансирование процессов сокращения российских вооружений и расширения вредных производств**, наподо-

бие радиоактивных могильников, а также некоторых предприятий химической промышленности. Здесь западные интересы столь очевидны, что какие-либо комментарии просто излишни.

В целом можно вполне обоснованно утверждать, что главной целью иностранных инвестиций в российскую экономику является стремление как можно крепче привязать нашу страну к «мировой экономической системе» и включить ее в новую глобальную схему международного разделения труда в качестве сырьевого донора и технологического придатка стран «золотого миллиарда».

Четвертый признак. Раздел мира и борьба за передел поделенного.

«Эпоха новейшего капитализма показывает нам, — пишет Ленин, — что между союзами капиталистов складываются известные отношения на почве экономического раздела мира, а рядом с этим, в связи с этим между политическими союзами, государствами, складываются известные отношения на почве территориального раздела мира, борьбы за колонии, борьбы за хозяйственную территорию».

Это ленинское наблюдение и по сей день не устарело. Однако набирающая скорость глобализация всех областей человеческой деятельности — экономики и политики в числе первых — наложила печать на характер нынешнего этапа борьбы за передел поделенного.

Разрушение СССР и последовавший затем распад мировой системы социализма спровоцировали новый передел мира, основным содержанием которого стали глобальная экспансия мирового империализма во главе с США и, как закономерное следствие такой экспансии, перетекание политической власти из легитимных структур — правительств суверенных государств — в руки неформальных лидеров мировой экономики, группирующихся вокруг закрытых элитарных международных организаций, наподобие Бильдербергского клуба или Трехсторонней комиссии.

Сегодня мировая финансовая элита вплотную приблизилась к обретению политической власти в невиданных ранее масштабах. Главная опасность такого положения дел в том, что править миром собираются люди, никем на это не уполномоченные, никем не избранные, зачастую вообще мало кому известные, не связанные никакими публичными обязательствами и не предъявившие обществу никаких программ, по которым можно было бы судить об их истинных намерениях.

Пятый признак. Паразитический характер и загнивание империализма, то есть торможение научно-технического прогресса и развития производительных сил.

«Империализм, — пишет Ленин, — есть громадное скопление в немногих странах денежного капитала, достигающего, как мы видели, 100—150 миллиардов франков ценных бумаг. Отсюда — необычайный рост класса или, вернее, слоя рантье, т. е. лиц, живущих «стрижкой купонов», — лиц, совершенно отделенных от участия в каком бы то ни было предприятии, — лиц, профессией которых является праздность. Вывоз капитала, одна из самых существенных экономических основ империализма, еще более усиливает эту полнейшую оторванность от производства слоя рантье, налагает отпечаток паразитизма на всю страну, живущую эксплуатацией труда нескольких заокеанских стран и колоний».

В сущности никакого качественного перелома в развитии мирового империализма за минувшие сто лет не произошло.

Весьма характерен конкретный механизм, с помощью которого «золотой миллиард» обеспечивает для себя односторонние преимущества, возможность процветать за счет остального мира: насаждение двойственных экономических порядков, одного — для себя, второго — для других. Только все это ныне скрыто от простого взгляда и хитроумно камуфлируется. Таким

образом формируются страны-господа и страны, их обслуживающие.

Однако концентрация капитала и обобществление труда объективно подрывают рыночные отношения в сфере крупного производства. Современный мир отличается глобальное регулирование мировой экономики, глобальные налоги, снятие государственных барьеров на пути движения свободного капитала, подчинение всех стран универсальному порядку, диктуемому Международным валютным фондом, который определяет политику не только на мировых рынках, но и в отдельных государствах. Навязывается бюрократическая организация экономики в интересах глобальной элиты, для которой существуют только ее собственные групповые интересы и потребности, а остальной мир рассматривается как средство их удовлетворения. Все эти проявления исключают рынок и свободную конкуренцию.

Высшая стадия империализма

В странах «ядра» капитализма — США, Японии, ведущих европейских государствах — идут процессы централизации, продолжается формирование разветвленных механизмов государственного регулирования, включая обеспечение передовых достижений научно-технического прогресса, освоение технологий планирования и долгосрочного прогнозирования, усложнение структуры управления.

В самых наукоемких и высокотехнологичных отраслях, определяющих экономический рост и составляющих основу современного технологического способа производства — авиастроении, ракетно-космических технологиях, телекоммуникациях, ядерной энергетике, газовой промышленности — уже нет свободной конкуренции частных собственников. Практически везде есть конкуренция наднациональных и государственных структур, финансирующих значительную часть научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, частных фирм, которые

осваивают наиболее перспективные технологии, формируют стратегию развития и воздействия на процессы конкуренции.

То есть на передовых направлениях экономического роста происходят такие тенденции мощной концентрации капитала, государственной власти и интеллекта, что говорить о свободном рынке просто несерьезно.

Одновременно остальному миру навязывается ультралиберальная модель, а по сути — режим управляемого хаоса, чтобы скрыть механизм неэквивалентного обмена, посредством которого «золотой миллиард» эксплуатирует периферию. Этот механизм опирается на диспаритет цен, концентрацию и удержание развитыми странами интеллектуальной ренты, долговую зависимость.

То есть в сфере крупного производства рыночные, товарно-денежные отношения технологически изжиты. Однако они насильственно навязываются «золотым миллиардом» угнетенным странам для обеспечения механизмов неэквивалентного обмена или, попросту говоря, ограбления.

«Свободный рынок» уже не естественная стихия, необходимая для развития экономики. Теперь он является собой специальный инструмент эксплуатации периферии. В глобальном масштабе рынок превратился в свою противоположность. Из сферы, где «по идее» должны обмениваться эквиваленты, он превратился в сферу, обеспечивающую неэквивалентный обмен.

Ленинский тезис об империализме как загнивающим капитализме сегодня стал предметом бесчисленных шуточек эстрадных юмористов. В самом деле, не смешно ли говорить о каком-то загнивании на фоне охватившей Запад лихорадочной потребительской гонки? Но при внимательном рассмотрении оказывается, что капитал неуклонно загоняет производительные силы человечества в тупик.

Общеизвестно явление, когда монополии скупают патенты на различные технические изобретения не за

тем, чтобы внедрить их в производство, а с прямо противоположной целью. Такая практика продолжается и поныне. Но дело не только в том, что патенты кладутся под сукно. А в том, что атмосфера бешеной гонки по прямой неблагоприятна для поиска иных направлений развития производительных сил. И тому есть глубокие причины, заложенные в природе капитала.

Капитал есть «предмет» бескачественный. Количество — это и есть его единственное качество. Поэтому капитал не знает никакой иной формы своего развития, кроме линейного количественного возрастания. Миллион долларов — хорошо, миллиард — еще лучше, а триллион — вообще прекрасно.

Постоянный выход за любую достигнутую на данный момент границу Гегель называл дурной бесконечностью. Стремление к такой бесконечности есть, по сути, не прогресс и не развитие, а механическое приписывание нулей к единице. И беда, когда такого рода «развитие» искусственно навязывается органическим системам — общественным и природным, которые не знают чисто количественного развития, отделенного от качественного совершенствования.

Капитализм, доминирующий сегодня на большей части земного шара, внешне почти неузнаваемо преобразился за пять веков существования, но сохранил, тем не менее, в неприкосновенности свои главные, сущностные определения.

«Производство вообще» как вечная и естественная предпосылка человеческой жизни по-прежнему выступает в конкретно-исторической форме производства стоимости и прибавочной стоимости — капитала, который по сути своей не имеет внутренней качественной меры и стремится лишь к бесконечному количественному возрастанию.

Именно данный ключевой момент — подчинение производства разнокачественных человеческих благ, материальных и духовных потребительных стоимостей чисто количественным законам производства прибыли, то есть меновой стоимости, вытекающая от-

сюда роль денег как господствующей меры всех вещей и отношений определяет лицо капиталистического способа производства, всю сопутствующую ему систему базисных и надстроечных ценностей, приоритетов и целей, мотивов экономического и социального поведения.

Они заключаются в том, что:

богатство общества отождествляется в первую очередь с «огромным скоплением товаров» (К. Маркс), полезных лишь постольку, поскольку они способны принять денежную форму;

общественный прогресс отождествляется соответственно с бесконечным умножением количества и разнообразия товаров;

производство рассматривается прежде всего как всеобщая эксплуатация физических и интеллектуальных сил человека, ресурсов природы. Господствует принцип: «Что возможно теоретически, то непременно должно быть реализовано практически»;

эффективность производства оценивается преимущественно в категориях количества, без учета качественной стороны дела — текущих социальных издержек, а также возможных последствий для окружающей среды и жизни будущих поколений;

человек выступает как изолированный «социальный атом», частный собственник, находящийся в состоянии вечной «войны всех против всех»;

естественной ареной и условием человеческого существования признается рынок — товаров, рабочей силы, капиталов, идей и т. д.

Все эти специфические особенности резко отличаются капитализм от предшествующих ему общественно-экономических формаций.

«У древних, — писал К. Маркс, — мы не встречаем ни одного исследования о том, какая форма земельной собственности и т. д. является самой продуктивной, создает наибольшее богатство. Богатство не выступает как цель производства... Исследуется всегда вопрос: какой способ собственности обеспечивает государству

наилучших граждан?» С Марксом солидарен и Макс Вебер, по выражению которого капиталистическая погоня за прибылью как самоцель «противоречит нравственным воззрениям целых эпох».

Отделив, впервые в мировой истории, цели производства от целей человека, капитализм оказал исключительное революционизирующее воздействие на развитие производительных сил, становление мировой системы хозяйства. Но с каждым новым рывком вперед в этой области одновременно выходят на новый уровень и противоречия капиталистической системы.

Об этом наглядно свидетельствует период после Второй мировой войны, когда за счет мобилизации и нещадной эксплуатации материальных, трудовых и духовных ресурсов большей части земного шара группа развитых капиталистических стран вступила в стадию так называемого потребительского общества. На этой стадии максимизация массового потребления становится не менее важным условием функционирования капитала, чем максимизация производства.

Анализируя суть произошедшей перемены, крупнейший советский философ М. А. Лифшиц писал: «Было время, когда своеобразие капитализма по отношению к другим способам производства, более ограниченным целями потребления, ясно выражалось в ускоренном развитии производства средств производства. Теперь магнитная стрелка прибыли охотно поворачивается в другую сторону, что привело к некоторому изменению структуры конечного продукта промышленности. В поисках еще не исчерпанных источников жизни капиталистическое общество как бы вернуло свое внимание производству предметов потребления... Но так как основной принцип капиталистического строя остался неизменным, то не может быть и речи о производстве для человека, которое определялось бы его действительными потребностями, взятыми с общественно полезной точ-

ки зрения в данных исторических рамках. Парадокс заключается в том, что, обратившись на новой технической ступени к сфере потребления, где более важную роль играет природная, качественная сторона, капитал так же безразличен к содержанию дела и так же захвачен духом безграничного возрастания стоимости, как всегда. При самом лучшем качестве исполнения полезность предмета может быть совершенно фиктивной или даже отрицательной величиной — все равно массовая продукция, определяемая бизнесом, догонит вас и будет навязана вам всей обстановкой жизни».

Речь идет, по сути, о новой форме принуждения к сверхинтенсивному труду, о новейшем способе функционирования капитала, находящего источник прибыли в постоянном переформировании вкусов потребителя. Потребление, как и все стороны общественного бытия при капитализме, фетишизируется. Из естественной функции человеческого организма оно превращается в особый ритуал, в новую «священную обязанность» индивида, от ревностного исполнения которой целиком зависит его социальный статус.

Принуждение к труду выступает, таким образом, в невиданной парадоксальной форме принуждения к потреблению, которое осуществляется разнообразными средствами манипуляции, в первую очередь при помощи рекламы, навязывающей человеку все новые и новые виды потребностей в материальной и духовной сферах.

Искусственный, а часто и извращенный, характер потребностей становится скорее нормой, чем исключением, поскольку «новизна ради новизны» превращается в главное потребительное свойство товара, отодвигающее на задний план объективную ценность любого предмета.

Для внешнего наблюдателя, не включенного в подобную систему отношений, принуждение к потреблению кажется вещью совершенно непостижимой и,

во всяком случае, куда более привлекательной, чем нужда и недопотребление. В последнем он, разумеется, прав. Капитализм впервые в истории создает объективные предпосылки для ликвидации голода и нищеты. Но делается это в такой форме, которая означает еще большее углубление отчужденного характера капиталистических общественных отношений. Это констатируется всеми сколько-нибудь серьезными и честными мыслителями, каких бы политических и философских взглядов они ни придерживались.

Э. Фромм, например, начинает свою «Революцию надежды» следующим характерным пассажем: «Призрак бродит среди нас, но ясно видят его лишь немногие. Это не прежний призрак коммунизма или фашизма. Этот новый призрак — полностью механизированное общество, нацеленное на максимальное производство материальных благ и их распределение, управляемое компьютерами. В ходе его становления человек, сытый и довольный, но пассивный, безжизненный и бесчувственный, все больше превращается в частицу тотальной машины. С победой нового общества исчезнут индивидуализм и возможность побыть наедине с собой; чувства к другим людям будут задаваться человеку с помощью психологических и прочих средств или же с помощью наркотиков».

Индивидуальная свобода все более утрачивает свое действительное содержание и низводится до возможности выбирать среди сотен и тысяч беспрерывно меняющихся, но фактически идентичных видов одного и того же товара (кандидата в президенты, телесериала, продукта массовой культуры и т. п.) в заранее заданных жестких рамках. Однако даже этот суррогат свободы для меньшинства по-прежнему опирается на возрастающую несвободу большинства. Сверхпотребление «золотого миллиарда», проживающего в господствующих капиталистических странах, базируется на хроническом недопотреблении, относительном и абсолютном обнищании большей части населения Земли.

Империализм тормозит общественное развитие. Причем самыми изощренными способами.

Во-первых, культивирует и воплощает на практике теории «пределов роста», «нулевого роста» и т. д. Конечно, для «периферии», не для себя.

Во-вторых, искусственно консервирует рыночную стихию, насильственно навязывая ее эксплуатируемым странам, как средство сдерживания их развития.

В-третьих, капитализм по-прежнему подчиняет производство вещей производству прибавочной стоимости и тем самым удерживает его в прежних качественных границах, то есть в рамках линейного количественного роста. А это явный тупик с точки зрения социальной и экологической.

Наконец, в-четвертых, препятствует развитию подлинной свободы и самостоятельности человека. Тормозит развитие личности как главного и, по сути, единственного общественного богатства.

Итак, следуя ленинской логике, «новый мировой порядок» как конечную цель глобализации можно назвать высшей стадией империализма. По сравнению с классическим империализмом он имеет ряд особенностей. Эти особенности характеризуют его «генетическую» связь с предыдущими историческими формами существования капитализма и в то же время подчеркивают новые черты.

Основные признаки «нового мирового порядка», то есть империализма эпохи глобализации, можно сформулировать так:

1. Окончательное порабощение капитала производственного, промышленного капиталом финансовым, спекулятивным, ставшим самодостаточным и получившим возможность к воспроизводству, минуя товарную стадию.

2. Превращение рыночных отношений в искусственно культивируемый механизм обеспечения неэквивалентного обмена. В оболочку, за которой скры-

вается внеэкономическое принуждение, ограбление целых стран и народов.

3. Закрепление новой глобальной модели «международного разделения труда», многократно усугубляющей несправедливость, вопиющее социальное неравенство в планетарных масштабах.

4. Бурный рост политического влияния транснациональных корпораций и финансово-промышленных групп, претендующих на неограниченный суверенитет и правосубъектность в системе международных отношений.

5. Утрата национальными правительствами контроля над процессами, происходящими в мировой экономике. Ревизия фундаментальных норм международного права, направленная на отказ от понятия государственного суверенитета и создание структур глобальной власти — пресловутого мирового правительства.

6. Информационно-культурная экспансия как форма агрессии и разрушения традиционных ценностей. Духовная унификация на самом низком примитивном уровне.

7. Паразитарный характер. Основные выгоды от внедрения высоких технологий и объединения ресурсов транснациональные корпорации используют лишь в своих интересах, обрекая остальной мир на неизбежные нищету и деградацию.

8. Загнивание и качественное торможение технического прогресса.

В последнее время некоторые отечественные ученые-марксисты говорят о том, что современная эпоха глобализации подтверждает известный прогноз К. Каутского о возможности вступления капитализма в фазу «ультраимпериализма», которая, как писал он, «поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собой общую эксплуатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом». Это, по мысли Каутского, могло бы «создать эру новых надежд и ожиданий в пределах капи-

тализма». Например, привести человечество к миру и разоружению.

Ленин тогда же показал полную несостоятельность подобных надежд. Однако он не отрицал, что, исходя из общей тенденции, ультраимпериалистическая фаза возможна: «Не подлежит сомнению, что развитие идет в направлении к одному-единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства». Но при этом подчеркивал, что «развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, — отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., — что непременно раньше, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультраимпериалистского» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность».

Этот прогноз в принципе оправдывается, хотя и не без противоречий и зигзагов.

Модные ныне разговоры о глобализации как о «новой капиталистической революции» не имеют под собой оснований. Наоборот, налицо стремление капитала любой ценой, какими угодно средствами предотвратить и затормозить назревшие перемены, диктуемые современным уровнем развития производительных сил. Имеет место лишь количественное нарастание в социально-экономических рамках и условиях, остающихся по сути своей неизменными.

Эксплуатация и все сопутствующие ей противоречия капитализмом не преодолены, а лишь поменяли форму, перешли в иную плоскость. Если еще можно с известной долей условности говорить о некотором притуплении социально-классовых противоречий внутри общества «золотого миллиарда», то факт сильнейшего обострения тех же противоречий в международном плане налицо. Они просто оказались вы-

тесненными в мировую политику и теперь разделяют мир по оси «богатый Север — нищий Юг» не менее радикально, чем раньше разделяли пролетария и его эксплуататора в масштабах отдельно взятой страны. Произошло не сглаживание, а глобализация противоречий капитализма.

И нарастание, и обострение этих противоречий не могли не привести к новой волне насилия — единственного, как выясняется, средства, с помощью которого империализм может отстаивать свои эгоистические интересы.

Глава вторая

ГЕОПОЛИТИКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В начале XX века основоположники геополитики немецкий географ Фридрих Ратцель, шведский политолог Рудольф Челлен, французский географ Поль Видаль де ля Бланш, американский адмирал и военный историк Альфред Мэхэн, британский географ Хэлфорд Макиндер и другие сформулировали комплекс понятий, законов и концепций, которые и составляют предмет классической геополитики.

Вот важнейшие из них.

Одной из основ политики любого крупного государства является стремление к территориальной экспансии. Основатель немецкой школы геополитики Ратцель писал: «Государства на всех стадиях своего развития можно рассматривать как организмы, которые всегда сохраняют связь со своей почвой и поэтому должны изучаться с географической точки зрения. Как показывают этнография и история, государства развиваются на пространственной базе, все более сопрягаясь и сливаясь с ней, извлекая из нее все больше и больше энергии. Таким образом, государства оказываются пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми этим пространством... Государства вписываются в серию яв-

лений экспансии Жизни, являясь высшей точкой этих явлений».

Ратцель считал пространственную экспансию государств естественным природным процессом, подобным росту живых организмов. Он сформулировал несколько законов пространственного роста государств. В соответствии с ними классическая геополитика провозглашает неизбежность, естественность и целесообразность расширения государственной территории. Согласно такой теории, новое пространство благотворно влияет на государственный организм, являясь ценным источником, из которого государственное чувство черпает новые силы и ресурсы. Именно Ратцель ввел в научный оборот знаменитое понятие «жизненного пространства», ставшее затем одним из основополагающих терминов фашистской геополитики.

«Природную» схему «естественного роста государств-организмов» систематизировал другой геополитик, шведский ученый Челлен, ярый пан-германист по своим политическим убеждениям. Именно он предложил называть геополитикой «науку о государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве». Он же довел до логического конца экспансионистские идеи Ратцеля.

Жизнь государств, согласно Челлену, подчинена неумолимому закону борьбы за существование, который проявляется в борьбе за пространство. Оправдывая тягу Германии к завоеваниям, он еще в 1916 году писал: «Жизнеспособные государства, чье пространство ограничено, подчинены категорическому политическому императиву: расширять свою территорию путем колонизации, объединения или завоеваний различного рода».

Одним из важнейших законов функционирования и развития государства Челлен считал закон автаркии. Если в природе всякий организм самодостаточен, то таковым должен быть и государственный организм. А это означает, что государство не должно быть ни чи-

сто индустриальным, ни чисто аграрным, дабы не попасть в зависимость от других держав.

Еще одна важная закономерность современной геополитики связана с именем крупнейшего немецкого политолога К. Хаусхофера, одного из авторов классического определения термина «геополитика». Геополитика, полагал Хаусхофер, есть «учение о зависимости политических событий от земли. Она опирается на широкий фундамент географии, в особенности политической географии как учения о политических пространственных организмах и их структуре... В духе такого понимания геополитика стремится дать оружие для политической деятельности... Геополитика должна стать совестью государства».

С этой точки зрения Хаусхофер и сформулировал свою знаменитую панрегиональную модель мира, которую предложил в 1931 году в работе «Геополитика сверхидей». Он утверждал, что для избежания кровопролитных конфликтов мир должен быть разделен между великими державами на несколько зон влияния, так называемых «панрегионов», получивших позже наименование Больших пространств.

При этом каждая держава, участвующая в таком разделе мира, должна получить собственную сферу влияния, которая представляет собой территориально, экономически и политически самодостаточную систему, способную удовлетворять свои потребности собственными ресурсами. Только так, по мнению Хаусхофера, можно свести к минимуму вероятность войн, главной причиной которых является борьба за новые территории и ресурсы.

При таком варианте раздела «мирового пирога» Соединенным Штатам, согласно хаусхоферовской схеме, должны достаться оба американских континента, Германии — большая часть Европы и вся Африка, Японии — Австралия и Океания.

Если немецкие ученые уделяли основное внимание исследованию процессов становления и роста государств, то представители англо-американской

геополитической школы акцентировали внимание на другой проблеме. Предметом их первоочередных интересов были способы борьбы за мировое господство.

Главным нервом такой глобальной борьбы, полагали англо-американские геополитики, во все времена является противостояние континентальной (евразийской) и морской (прибрежной) цивилизаций, противостояние континентальной и морской мощи, теллурократии (власти суши) и талассократии (власти моря). Именно это фундаментальное противоречие, согласно классикам американской геополитической школы, всегда определяло характер международных отношений.

Еще в конце XIX века А. Мэхэн предлагал изучать логику мировой истории сквозь призму борьбы морских и континентальных государств за господство в мире. Он даже выделил особую «зону конфликта» — участок пространства между 30-й и 40-й параллелями, изобилующий заливами и островами, изрезанными сложными линиями береговой черты — где суша и океан как бы проникают друг в друга. Именно здесь, полагал Мэхэн, неизбежно сталкиваются интересы ведущих морских и континентальных держав, которые в его время олицетворяли Британская и Российская империи.

Американский адмирал, будучи представителем «океанской» страны, конечно, проводил идею об определяющем влиянии морской мощи на исторический процесс. Он считал, что контроль над Мировым океаном, необходимый для завоевания глобального господства, может быть обеспечен в результате прочного военно-политического альянса Великобритании и США. Только такой альянс даст океанской цивилизации возможность навсегда отбросить континентальные государства в глубь суши, лишив их серьезного влияния на мировую историю и политику.

Исследуя мировые процессы в контексте борьбы морской и континентальной держав, британский гео-

граф Х. Макиндер в 1904 году сформулировал еще одну геополитическую закономерность: все важнейшие исторические события, влияющие на судьбы мира, в течение нескольких последних тысячелетий происходят не где попало, а в определенных географических регионах, располагающихся на границе вокруг континентального пространства Евразии. Это пространство получило название «географической оси истории», которую позже стали называть областью Хартленда (сердцем мира).

Развивая эту схему, Макиндер выдвинул идею деления мира на три региона: «осевой регион» (pivot area), «страны внутреннего или окраинного полумесяца» (lands of inner or marginal crescent) и «страны внешнего или островного полумесяца» (lands of outer or insular crescent).

«Осевым регионом», согласно этой концепции, является огромная континентальная часть Евразии, фактически совпадающая с границами Российского государства в XIX—XX веках. За пределами «осевого региона» располагается большой «внутренний полумесяц», который образуют Германия, Австрия, Турция, Индия и Китай. Дальше находится «внешний полумесяц», в который британский географ включал Британию, Южную Африку, Австралию, Соединенные Штаты, Канаду и Японию.

Предложив такую геополитическую структуру мирового пространства, Макиндер выявил главную закономерность классической геополитики: с географической точки зрения все государства в своей политической стратегии обречены на постоянное маневрирование «вокруг осевого государства, которое всегда является великим». Какие бы политические союзы ни создавали правительства и вожди, какие бы конкретные вопросы региональной политики ни служили для них формальным поводом, стратегической точкой отсчета для всей мировой политики всегда будет оставаться непримиримая борьба за «сердце мира», обладание которым есть ключ к мировому господству.

Формула мирового господства

Знаменитый английский геополитик утверждал, что в XX веке ведущим морским державам — Великобритании и США — для достижения мирового господства необходимо решить главную задачу: не допустить возможного союза ведущих континентальных держав Хартленда — России и Германии. А для этого между ними нужно создать буферную зону, своего рода «санитарный кордон» из восточноевропейских государств.

После Октябрьской революции этот замысел был воплощен британским министром иностранных дел лордом Джорджем Керзоном в решениях Парижской мирной конференции, которая подвела итоги Первой мировой войны.

С учетом политических реалий начала XX века Макиндер так сформулировал закон мирового господства: «Кто контролирует Восточную Европу, тот господствует над Хартлендом, кто господствует над Хартлендом — тот контролирует Мировой остров, кто контролирует Мировой остров — тот господствует над миром». Грандиозные битвы Второй мировой войны и последовавшее за ней глобальное противостояние США и СССР в войне «холодной» во многом подтвердили правоту этой теории.

Американские геополитики, в целом признавая схему Макиндера, несколько видоизменили ее ключевую формулу в соответствии со своей заокеанской точкой зрения. В обновленном виде эта геополитическая теория была сформулирована Николасом Спайкменом, который вслед за британским геополитиком ядро евразийского континента именовал Хартлендом, но периферию Евразии (макиндеровский «внутренний полумесяц») предложил называть Римлендом, то есть окраинной землей, полагая, что именно она является ключом к глобальному владычеству.

Римленд — место постоянных войн, район извечного столкновения различных цивилизаций — есть, на взгляд Спайкмена, важнейший геополитический ре-

гион мира, поэтому он изменил формулу Макиндера следующим образом: «Кто контролирует Римленд — тот господствует в Евразии; кто господствует в Евразии — тот контролирует судьбы мира».

По сути эта схема почти не отличается от классических построений Макиндера, но ее идеологическая форма была для американских политиков чрезвычайно важна: в ней путем геополитической подмены обосновывался совершенно новый взгляд на значение современных государств. Получалось, что с точки зрения политической географии не Россия, а именно США занимают центральное положение в мире, так как через Атлантический и Тихий океаны они граничат с Римлендом, а через Северный Ледовитый океан — с Хартлендом. А значит, и контролировать судьбы мира сподручнее всего именно американцам.

Для этого, по мнению Спайкмена, США должны были прежде всего установить прочный контроль над Римлендом, окружающим, подобно петле, огромный континентальный массив Евразии. Именно эта задача и стала доминантой внешнеполитического поведения США во время «холодной войны»: практически вся евразийская периферия была покрыта сетью американских военных баз, обеспечивших решающее влияние США в ключевых географических точках региона.

Путь к мировой гегемонии, ныне предлагаемой Соединенными Штатами всему человечеству под маской «глобализации по-американски», был начат Вашингтоном еще в середине прошлого столетия с установления контроля над Римлендом...

Геополитика ядерного века

После Второй мировой войны, в связи с бурным развитием авиации и космонавтики, которые в военном отношении значительно уменьшили геополитические выгоды островных государств, и особенно в связи с появлением ядерного оружия, были приняты попытки модернизировать традиционные представления классиков геополитики. Получили по-

пулярность идеи о том, что в ядерный век технология сменяет географию в качестве основного фактора геополитики, что в борьбе за военное превосходство значение естественно-природных особенностей планеты изменяется вместе с ростом технологических возможностей человека.

Попытку внести коррективы в традиционные геополитические представления с учетом реалий ядерной эпохи предпринял в 1952 году англичанин А. Северски. В основе его концепции лежало разделение мира на два больших «круга воздушной мощи», центрами которых являлись индустриально развитые регионы Советского Союза и Соединенных Штатов. Зона советской «воздушной мощи» покрывала большую часть Евразии, а зона США — обе Америки. Ключ к мировому господству, по мнению Северски, будет в руках у того, кто сумеет контролировать воздушное пространство обоих этих стратегических регионов.

Самую обстоятельную геополитическую концепцию эпохи биполярного мироустройства разработал американский ученый Саул Коган. Он предложил различать геостратегические регионы, которые характеризуются общностью хозяйства, систем коммуникаций и идеологии; и более мелкие единицы — геополитические районы, которые отличаются географической близостью, общностью образа жизни, истории и культуры.

В итоге у Когана получилось два геостратегических региона: «зависящий от торговли морской мир», ядром которого являются США, имеющие прямые выходы к трем океанам, и «евразийский континентальный мир», ядром которого является промышленный район СССР: европейская часть Союза, Урал, Западная Сибирь и Северный Казахстан. Американский геостратегический регион включает в себя, по схеме американского геополитика, четыре геополитических района. Советский — два: собственно русский Хартленд в совокупности с Восточной Европой и восточноазиатский континентальный регион.

Южную Азию Коган выделил отдельно, полагая, что она потенциально обладает качествами самостоятельного геополитического региона и может со временем им стать. Сегодня, по мере бурного роста экономической и военной мощи Китая, это предположение американского геополитика становится все более реальным...

Впрочем, при более тщательном рассмотрении новых теорий нетрудно заметить, что и А. Северски, и С. Коган, и другие представители англо-американской школы геополитики в своих теоретических построениях основывались на концепциях Макиндера и Спайкмена и ничего принципиально нового не предлагали. Это, видимо, и дало основание американскому геополитику Х. Болдуину заявить в 1970 году, в самый разгар «холодной войны»: «Геополитическая концепция Макиндера — Спайкмена в основном останется правильной и в будущем»...

Самую основательную попытку пересмотреть положения классической геополитики в ракетно-ядерную эпоху предпринял представитель французской школы геополитики генерал Пьер Галуа. И сделал он это уже на излете биполярного мироустройства в 1990 году, когда было опубликовано его сочинение «Геополитика. Истоки могущества». Следуя традиции французской геополитики, П. Галуа четко отделяет геополитику как от географического детерминизма, так и от политической географии.

Современная геополитическая теория, в отличие от классической, на его взгляд, должна расширить число элементов, которые принимаются в расчет при составлении различных моделей и схем мировой геополитики. К традиционным параметрам — географическому положению, ландшафту, климату, численности населения, наличию транспортных артерий и т. п. — нужно добавить новые, прежде всего наличие оружия массового поражения и средств его доставки. Обладание таким оружием, по мысли Галуа, уравнивает силы владеющих

им государств, независимо от их территориальных характеристик.

Помимо суши, моря и воздушного пространства в качестве важнейшего параметра современной геополитики французский ученый называет космическое пространство. Серьезным новшеством является то, что к числу основных элементов современной геополитики Галуа относит возможность целенаправленного управления массовым сознанием и поведением людей. Ее содержание во многом определяют возрастающая роль средств массовой информации и коммуникации, особенно электронных, а также наличие детально разработанных технологий по программированию общественного мнения.

В отличие от большинства американских ученых, Галуа демонстрирует более трезвый взгляд на ближайшие перспективы развития человечества. Его не вдохновляют утопии наступающего либерального рая, которые рисуют Фрэнсис Фукуяма и прочие сторонники мондиализма. Если ведущие державы будут и дальше проводить прежнюю эгоистическую политику, говорит Галуа, мир будущего так и останется не миром гармонии и согласия, но миром разбалансированности и беспорядка.

Концепция Галуа и по времени появления, и по содержанию является переходной между геополитическими построениями ракетно-ядерной эпохи и геополитикой эпохи глобализации. Впрочем, по его мнению, несмотря на изменение параметров и элементов, сущность геополитики остается неизменной.

Из лагеря глобалистов нередко доносятся восклицания, мол, глобализация изменяет все укоренившиеся представления о политике, в том числе о контроле над пространством. Теряют смысл привычные представления о мировом господстве, о противостоянии морских и континентальных держав. А территориальная экспансия и вовсе является верным признаком архаичного мышления. Словом, послушать их — гло-

бализация чуть ли не отменяет необходимость геополитики.

Безусловно, рост взаимозависимости в области экономики и финансов, тенденции экономической интеграции неизбежно приведут к изменениям в сфере политики и культуры. Это вещи, очевидные для любого мало-мальски грамотного марксиста. Экономический базис во все времена определял и всегда будет определять политическую и идеологическую надстройку.

Рост производительных сил, приводящий к качественным изменениям в производственных отношениях, неизбежно приведет в итоге к кардинальным переменам во всей системе государственно-политического, духовно-нравственного и культурного устройства общества. Однако открытым и дискуссионным остается вопрос о том, какими будут эти перемены.

Тут следует остановиться на одном важном моменте. Некоторые противники глобализации склонны трактовать этот процесс как злокозненный умысел неких тайных сил, целенаправленные действия мировой закулисы. Мы не собираемся ставить под сомнение само существование тайных сил, претендующих на управление миром. Деятельность таких организаций, как американский Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб и Трехсторонняя комиссия (Трилатераль), куда входят очень влиятельные политики и бизнесмены и действия которых покрыты завесой таинственности, — наглядное тому свидетельство.

Бесспорно, эти силы сегодня пытаются извлечь максимальную выгоду из глобализации и реализовать на практике сценарий «глобализации по-американски». Однако из этого не следует, что глобализация — явление полностью рукотворное. Нужно отдавать себе отчет: процессы глобализации носят объективный характер, часто они происходят независимо от наших желаний и намерений.

Тот, кто не понимает этого факта, обречен остаться Дон Кихотом от политики. И даже если его борьба

с глобализацией будет благородной по своим целям и справедливой по содержанию, реального влияния на политические процессы она оказать не сможет. Нужно понять тенденции и закономерности глобализации как объективного процесса развития производительных сил и производственных отношений. Только тогда можно создать стратегию вхождения России в новую эпоху с наименьшими потерями.

* * *

Как же воздействуют набирающие обороты процессы глобализации на геополитику?

Первое, о чем можно с уверенностью говорить, — качественный рост влияния средств массовой информации на геополитические процессы. Сегодня геополитические воззрения у значительной части общества формируются через СМИ, главным образом электронные. Телевизионный репортаж из «горячей точки» при помощи удачно подобранного видеоряда и тщательно расставленных акцентов формирует у населения заданный журналистом образ региона, народа или страны.

Масс-медиа в современном обществе начинают играть уже не вспомогательную роль, как это было ранее, но становятся самостоятельным геополитическим фактором, способным оказывать самое существенное влияние на исторические судьбы народов. Нам это должно быть понятно как никому. В эпоху «перестройки» и в ходе развала СССР наш народ на себе испытал, какую огромную роль играет информация в установлении контроля над территорией.

Захват всех основных советских СМИ прозападной русофобской группировкой, массированная обработка общественного мнения под лукавым лозунгом «гласности» сыграли далеко не последнюю роль в ускорении процессов дезинтеграции как в Советском Союзе, так и в международном социалистическом содружестве.

Создание виртуального «образа врага» в лице нашего народа и государства привело к ликвидации социалистического лагеря и к распаду СССР. Расходы США на поддержку «перестройки» и «гласности» окупились сторицей: геополитический противник был повержен.

Усиление влияния массового сознания на все стороны жизни современного общества, на которое обратил внимание еще испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет, о геополитических последствиях которого писал Галуа, в эпоху глобализации начинает играть все более заметную роль. В геополитике возрастает значение психологического фактора. Спецоперации по целенаправленному изменению общественного мнения с использованием новейших средств телекоммуникации и тонких способов воздействия на массы начинают играть не меньшую роль, чем военная угроза или экономический шантаж.

Достаточно вспомнить 1993 год: прямую трансляцию расстрела Дома Советов и демократический шабаш на экране, буквально «заразившие» антисоветской и русофобской истерией всю страну. История повторилась в 1996 году: антикоммунистическая истерия в период президентских выборов, целенаправленное запугивание населения «грядущими репрессиями» достигли невиданного напряжения.

Цели таких акций очевидны: подавление у народа воли к сопротивлению, сохранение власти, разрушение традиционных культурных и духовных ценностей нации. Неудивительно, что непосредственное участие в этих событиях принимали заокеанские советники российских правителей, ибо США, как никто, были заинтересованы в полном и окончательном ослаблении своего векового геополитического противника.

Но все же главная особенность современной геополитики не связана с глобализацией прямыми причинно-следственными связями. Речь идет о разрушении системы биполярного устройства мира и по-

пытках США и НАТО создать систему однополярного глобального миропорядка.

Причинами гибели СССР являются не только и даже не столько внешние, сколько внутренние факторы. Конечно, враждебные действия США и всего «океанского» геополитического блока сыграли свою роль, но все-таки не они, а перерождение и предательство верхушки КПСС стали решающим фактором крупнейшей геополитической катастрофы XX века. Американцы же лишь использовали в своих интересах выгодную геополитическую конъюнктуру, приложив после крушения Советского Союза максимум усилий, чтобы в одиночку продиктовать остальному миру правила «нового мирового порядка».

Соединенные Штаты *uber alles*

В начале XX столетия, как только Соединенные Штаты начали превращаться в одну из ведущих империалистических стран, идеологи американского гегемонизма заявили о притязаниях Америки на господство во всем мире.

Историк Б. Адамс еще в 1901 году в статье «Новая индустриальная революция» провозгласил неизбежность грядущего столкновения с Россией. Он писал, что осуществление планов американского мирового господства требует прежде всего установления гегемонии и контроля над Евразийским континентом, а это неминуемо приведет к конфликту с Россией. Адамс безапелляционно заявлял, что «в мире нет места двум центрам богатства и империи. Один организм должен победить и уничтожить другой. Слабый организм должен погибнуть... Американцы должны понять, что это будет война не на жизнь, а на смерть — борьба уже не против отдельной нации, но против целого континента».

Продолжая традиции Адамса и других идеологов американского гегемонизма, в 80-е годы XX века Р. Кохейн и Дж. Най разработали теорию «гегемонической стабильности». Под гегемонией Кохейн пони-

мал такой порядок международных отношений, когда одно государство — разумеется, Соединенные Штаты — «является достаточно сильным, чтобы утверждать основные правила, регулирующие межгосударственные отношения, и обладает волей поступать таким образом».

Однако в то время на пути к вождеденной мировой гегемонии США стояли СССР и его союзники. После окончания «холодной войны» начался пересмотр американского внешнеполитического курса, ориентированного ранее на стратегию геополитического «сдерживания».

Новую стратегию, в которой США выступили с откровенными претензиями на мировое господство, одними из первых, как и следовало ожидать, озвучили Г. Киссинджер и З. Бжезинский. Киссинджер заявил, что после «холодной войны» США остались «единственной сверхдержавой, которая обладает возможностью вмешательства в любой части земного шара». Бывший американский госсекретарь, правда, говорил и о сложностях на пути американского мирового господства.

Другие политики идут в своих выводах еще дальше. Так, к примеру, координатор от США в Комитете НАТО по Восточной Европе и России А. Страус в 1997 году опубликовал на страницах журнала «Полис» статью, в которой заявлял об однополярном мире как о свершившемся факте. Страус даже утверждал, что однополярность является «конечной точкой эволюции», а наступление эпохи однополярного мира просто «отмечено печатью неизбежности». Гегемонии США, по заявлению Страуса, нет и не будет абсолютно никакой разумной альтернативы, кроме всеобщего хаоса.

Ему вторит другой известный американский политолог Т. Грэхем: «У США попросту нет соперников по всем параметрам власти — военному, экономическому, финансовому, культурному — и таковых не видно даже на горизонте. В результате возможности США

формировать меняющийся мировой порядок огромны как никогда».

Словом, в современных геополитических условиях некоторые влиятельные американские политики поддались соблазну использовать в корыстных, клановых интересах объективные тенденции глобализации. На таком фоне весьма показательно, что линия на установление американской гегемонии на планете не зависит от того, кто находится в данный момент в Белом доме: демократы или республиканцы. Это консолидированная стратегия всей американской элиты, уверовавшей в свое право бесконтрольно распоряжаться судьбами остальных народов и государств.

Такое прискорбное заблуждение привело к тому, что в последние десятилетия развитие человечества стало крайне однобоким. Опыт показывает: система мироустройства, предлагаемая Соединенными Штатами, основана на вопиющем социальном и национальном неравенстве. Такая система заведомо обречена на неустойчивость. Однако у американцев, похоже, уже имеется свой рецепт преодоления протеста миллионов «новых пролетариев», униженных и оскорбленных. Так, известный гарвардский экономист Т. Фридман предлагает решить проблему просто, без лишних сантиментов: мир должен быть укреплен «наличием американской мощи и желанием Америки использовать эту мощь против тех, кто стал бы угрожать системе глобализации... Невидимая рука рынка никогда не будет работать без невидимого кулака».

Сегодня этот кулак, однако, хорошо видим всем. В военной области он угрожает непокорным огромной мощью НАТО. В финансовой — грозит долговой удавкой со стороны Международного валютного фонда и Всемирного банка. Используя эти международные структуры как орудия своей экспансионистской политики, США даже Организацию Объединенных Наций пытаются превратить в один из институтов собственной гегемонии, в инструмент «глобализации по-американски».

Кризис ООН, подрыв вековых устоев и основополагающих принципов международного права, в частности принципов государственного суверенитета, нерушимости границ и невмешательства во внутренние дела государств, — таковы первые злые плоды построения однополярного мира. Агрессивные действия против Югославии и Ирака недвусмысленно указывают, в каком опасном направлении будут развиваться события на международной арене, если мир пойдет на поводу у американских идеологов глобализма.

Показательно, что даже в самих США далеко не все пребывают в восторге от планов осуществления «глобализации по-американски». От иллюзий, связанных с претворением в жизнь этого замысла, предостерегает, в частности, влиятельный политолог К. Уолтц в своей статье «Глобализация и американская мощь».

Экономическая и финансовая глобализация, утверждает он, ведет к тому, что мировая экономика становится все более взаимозависимой и интегрированной. Механизм управления такой системой становится все сложнее. Некоторые американцы, не без иронии пишет Уолтц, искренне уверены, что именно Соединенные Штаты призваны выполнять функцию этого глобального механизма управления, а другие государства должны быть им за то глубоко благодарны. Один британский дипломат по этому поводу саркастически заметил, что «о существующем в мире желании жить в условиях американского лидерства можно прочесть только в Соединенных Штатах. Во всех других частях мира можно прочесть об американском высокомерии и односторонности».

Действительно, если население земного шара составляет сейчас около 6,8 миллиарда человек, то численность США — немногим более 300 миллионов (примерно 4,5 % от общего числа проживающих на Земле). Причем большая часть жителей планеты прекрасно понимает, что гегемония США — угроза националь-

ным интересам не только традиционных соперников и конкурентов Америки.

Серьезное беспокойство проявляют и европейские союзники Соединенных Штатов. Не случайно и Бжезинский, и Киссинджер, и другие «архитекторы» современной американской геополитики так много говорят о необходимости сохранения «атлантистской солидарности» после окончания «холодной войны».

Одновременно американцы недвусмысленно предупреждают: «американские интересы стали слишком значительны для того, чтобы забота о них была оставлена европейцам». Они готовы поддерживать единую Европу только в обмен на свою доминирующую роль на континенте. Поэтому «важным пунктом трансатлантической повестки дня является развитие новых отношений между Евросоюзом и США, которые отразят признание Европой за Соединенными Штатами привилегированного статуса внутри Евросоюза».

Итак, идеологи «глобализации по-американски», которую один из критиков очень метко охарактеризовал как «привилегированный глобализм за счет демодернизации и примитивизации жизни народов», для обоснования американского гегемонизма активно используют геополитическую аргументацию. В современной политической практике США и НАТО используется весь перечень закономерностей, выявленных классиками геополитики в течение двух последних столетий. Характерно, что все это делается под шумок лукавых разглагольствований о «демократизации» и «гуманизации международных отношений».

Вспомним: Ф. Ратцель и Р. Челлен еще в начале XX века утверждали, что стремление к территориальной экспансии в сфере военно-политического влияния является доминантой государственной политики. В официальной американской пропаганде такие воззрения называют «проявлением отсталости и архаичности мышления». Однако задумаемся: чем можно объяснить упорное продвижение НАТО на Восток,

расширение сети военных баз США на Ближнем Востоке и объявление огромных пространств разрушенной советской сверхдержавы районами своих «жизненных интересов»?

А. Мэхэн и Х. Макиндер уже столетие назад сформулировали учение о том, что противостояние континентальной и морской держав есть главный нерв мировой борьбы за преобладание на планете. Официальная позиция Вашингтона сегодня отвергает такое деление. Но при желании можно без труда заметить, что США, оставаясь бесспорным лидером «океанской», «атлантической» цивилизации Запада, чрезвычайно нервно реагируют на любые признаки военного или политического сближения России с другими державами Евразии, будь то Индия, Китай или Иран.

Не отказались американцы и от борьбы за контроль над русским «сердцем мира». Стремление к установлению контроля над Хартлендом, к чему призывали еще Х. Макиндер и Н. Спайкмен, сегодня проявляется в том, что Вашингтон, не стесняясь, почти открыто всеми средствами поддерживает политический раскол на территории бывшего СССР, сея рознь и подозрительность между Россией и остальными странами СНГ, особенно между Россией и Украиной, Россией и Казахстаном. А почему? Не потому ли, что воссоединение этих стран в рамках нового военно-политического союза неминуемо восстановит наш почти что утерянный ныне контроль над «географической осью истории»?

Однако сколь бы ни были искусны идеологи и практики однополярного мироустройства, у них ничего не получится. Построение планетарного Pax Americana — дело гиблое. Похоже, даже Бжезинский и Киссинджер не верят в то, что мировое господство США продлится долго. «В конце концов, — пишет Бжезинский, — мировой политике непременно станет все больше не свойственна концентрация власти в руках одного государства».

Многополярный мир

По мнению многих ученых, аналитиков и политологов, на смену биполярному миру, рухнувшему вместе с окончанием «холодной войны», должен прийти многополярный мир. Дело в том, что ресурсы даже такой богатой страны, как США, ограничены, а значит — сохранить гегемонию в длительной перспективе американцам не удастся. Но главное не это. Неизбежность многополярного мироустройства зиждется на более фундаментальном основании.

Однополярность, или, что то же самое, мировая гегемония одного государства, противоречит логике исторического процесса. Еще основатель французской геополитики П. Видаль де ля Бланш выдвинул тезис о том, что сам человек, а не только географическая среда, должен рассматриваться в качестве важного геополитического фактора. Русские геополитики Ф. Тютчев, В. Ламанский, В. Семенов-Тянь-Шанский и другие тоже рассматривали культурные и религиозные факторы как важнейшие предпосылки для надежного контроля над пространством.

Показательно, что современные американские авторы, в случае необходимости активно использующие идеи классиков геополитики, откровенно игнорируют весьма продуктивную концепцию «Большого пространства». Идеологическим предлогом для этого служит тот факт, что автором одной из наиболее популярных версий концепции был немецкий ученый К. Хаусхофер, запятнавший свое имя сотрудничеством с нацистами.

Но истинная причина такого нарочитого невнимания, конечно, иная. Дело в том, что сама мысль о возможности создания нескольких экономически и политически самодостаточных регионов в корне подрывает всю теоретическую базу современной американской версии глобализации.

Что касается России, то нам, говоря о «Больших пространствах», целесообразнее обращаться не к Хаусхоферу, а к нашему отечественному ученому, за-

долго до него выдвинувшему эту замечательную идею. Речь идет о русском мыслителе Н. Данилевском. В своей знаменитой теперь работе «Россия и Европа» (1869) он рассматривал Россию как особый культурно-исторический тип, отличный от других, в том числе и от европейского, романо-германского.

Задолго до Хаусхофера русский мыслитель предлагал выделить на планете три региона, причем в качестве критерия брал не только физико-географические признаки.

Данилевский полагал, что власть и влияние в мире должны быть разделены между тремя активными деятелями всемирной истории: Европой, Славянством и Америкой: «Сообразно их положению и общему направлению, принятому их расселением и распространением их владычества, — власти или влиянию Европы подлежали бы преимущественно Африка, Австралия и южные полуострова Азиатского материка; Американским Штатам — Америка; Славянству — Западная, Средняя и Восточная Азия, т. е. весь этот материк за исключением Аравии и обоих Индийских полуостровов». Иными словами, подход Данилевского к определению границ Больших пространств носил комплексный характер, он прекрасно понимал, что самый надежный контроль над территорией может обеспечить цивилизационная близость народов.

Таким образом, исторически сложившееся деление человечества на различные культурно-исторические типы, или, как принято говорить сегодня, на различные цивилизации, является фундаментальной основой установления многополярного мироустройства. А значит, Россия, как центр восточно-православной евразийской цивилизации, должна целенаправленно собирать вокруг себя цивилизационно близкие народы и терпеливо выстраивать новое российское «Большое пространство», в котором внутренние противоречия будут сняты на основании нового синтеза тысячелетних духовных традиций и научно-технических достижений XXI века.

Самые дальновидные представители англо-американской геополитической школы уже обратили внимание на цивилизационный подход. Американский ученый Самуэль Хантингтон в своей знаменитой книге «Столкновение цивилизаций и передел мира» пишет, что «Западу пришло время оставить свои иллюзии относительно универсальности и заняться укреплением, сплочением и повышением жизнеспособности своей цивилизации среди всех прочих. Не в его интересах вмешиваться без разбору в конфликты других народов».

Многие критикуют Хантингтона за его концепцию конфликта цивилизаций, причем нередко с морализаторских позиций, мол, конфликт цивилизаций — это плохо. Но изъять конфликтность из истории глупо и невозможно — все равно что запретить смену времен года.

Азы диалектики гласят: развитие происходит через борьбу противоположностей, борьба противоположностей абсолютна, тогда как единство относительно. Поэтому задача ответственных политиков заключается не в ликвидации конфликтности в международных отношениях как таковой, что невозможно, а в тщательном выстраивании баланса интересов и недопущении перехода конфликтов в «горячую» стадию.

Однако события последних лет наглядно показывают, что Запад готов без колебаний применять военную мощь там, где того требуют интересы «нового мирового порядка».

Глава третья

КОМУ — ВОЙНА, КОМУ — МАТЬ РОДНА...

Слуга тиранов, страж свободы...

«Золотой миллиард» утверждает свое господство на планете, не брезгуя откровенным насилием, постоянно демонстрируя готовность решительно подавлять любую оппозицию в угоду своим глобальным интере-

сам. Агрессивная политика западных стратегов глобализации резко обостряет региональные конфликты, грозит вовлечь мир в полномасштабную мировую «войну цивилизаций» с непредсказуемым исходом.

Военная сила как инструмент насилия и принуждения во все эпохи была призвана решать различные формы одного и того же вопроса — вопроса о власти. Меняется лишь масштаб претензий: если «рядовой» мафиозный босс готов удовлетвориться властью, которую обретает, скажем, благодаря «теневому» контролю над некоторым сектором прибыльного бизнеса, то Вашингтону с его глобальными амбициями и власть требуется тоже глобальная, в масштабах всей планеты.

Различается и нравственное содержание вооруженного насилия. Когда в 1945 году Красная Армия штурмовала Берлин, она несла на своих знаменах святые лозунги борьбы за свободу и независимость тысячелетней России, выступавшей в то время в державной оболочке Советского Союза. Когда натовские армады в 1999 году бомбили беззащитный Белград, они пытались кровью мирных сербов решить экономические и геополитические задачи кучки мировых финансовых воротил, рвущихся к господству над миром.

* * *

Исторический опыт позволяет выделить несколько основных функций военной силы в соответствии с задачами, которые она призвана решать.

Внутриполитическая функция военной силы ориентирована на решение так называемых «внутрисистемных» конфликтов, то есть на завоевание и удержание политической власти в рамках исторически сложившихся суверенных государств. Именно эту функцию выполняли в Древнем Риме преторианцы, а в октябре 1993-го в России — наемники-танкисты из Кантемировской дивизии, безжалостно расстрелявшие Дом Советов.

Внешнеполитической функцией военной силы является решение «межсистемных конфликтов», то есть, пользуясь ленинским определением, участие в переделе мира между основными центрами сил, сложившихся в данную историческую эпоху. Такую задачу решали греко-персидские войны во времена античности, арабские завоевания раннего Средневековья, войны Наполеона на заре капиталистической эпохи и гитлеровская агрессия, ознаменовавшая «расцвет» мирового империализма. Сегодня — это основная функция вооруженных сил США и блока НАТО.

Во всех случаях геополитические функции военной силы заключаются в завоевании и удержании контроля над сушей, морем, воздухом, космосом. Ради этого римские легионеры из века в век раздвигали границы своей великой империи, ради этого английские, французские, испанские войска вели жестокие войны за обладание заморскими колониями, ради этого лихие казаки Ермака Тимофеевича «замиряли» бескрайние сибирские просторы Евразии, а «холодная война» второй половины XX столетия переместилась даже в безвоздушное пространство космических глубин.

Не менее важной во все времена была и экономическая функция вооруженного насилия: удушение вражеской экономики и создание наиболее благоприятных условий для своей всегда считалось важнейшим залогом скорой и полной победы. Расцвет Древней Руси, контролировавшей знаменитый торговый путь «из варяг в греки», упадок средневековой Генуи после турецкой оккупации средиземноморских проливов, неудавшаяся «континентальная блокада» Наполеона и недавняя нефтяная война в Персидском заливе недвусмысленно свидетельствуют об огромном значении этого аспекта военных операций.

Но нынешняя эпоха — эпоха всесторонней глобализации и обостренной борьбы за передел мира — в новых условиях имеет специфику. Она связана с тем, что сегодня все исторически сложившиеся функции вооруженной силы архитекторы «нового мирового по-

рядка» пытаются совместить в глобальной военной политике США. Эта политика, давно претендующая на планетарный масштаб, является важнейшим орудием, с помощью которого человечеству пытаются навязать вопиюще несправедливую модель «глобализации по-американски».

«Большая дубинка» планетарной диктатуры

Стремление Соединенных Штатов к глобальному военному превосходству вызревало последовательно, начиная чуть ли не с конца XVII века, а во второй половине XX столетия в Вашингтоне уже открыто провозгласили свою заветную цель: достижение безусловного «глобального лидерства», то есть глобальной, общепланетарной диктатуры. Важнейшей опорой такого однополярного мироустройства архитекторы НМП считают военное насилие, которое для благозвучия в последние годы маскируют различными лукавыми терминами наподобие «принуждения к миру» и «гуманитарной интервенции».

Отправной точкой этого процесса можно считать так называемую «доктрину Монро», выдвинутую пятым президентом США Джеймсом Монро еще в 1823 году. Доктрина, результат растущего военного и экономического могущества Америки, опиралась на ключевую идею разделения мира на две основные зоны влияния — европейскую и американскую. Под лозунгом «Америка для американцев!», прикрываясь лицемерной «заботой» о «беспрепятственном развитии стран Латинской Америки», США поставили своей целью любыми путями вытеснить европейские державы из Западного полушария и занять там доминирующее военно-политическое положение.

За соответствующим «научным обеспечением» подобных притязаний дело не стало. Теория «естественных границ», доктрина «политического тяготения» и концепция «американской системы» утверждали мнимые права Соединенных Штатов на исключительность их положения по отношению к странам Центральной

и Южной Америки. «Доктрина Монро» стала первой идеологической конструкцией, обосновавшей наличие «жизненных интересов» США за тысячи миль от их собственной территории.

Первый результат удачного практического применения доктрины — аннексия Техаса, принадлежавшего Мексике. Соединенные Штаты рвались к побережью Тихого океана, прекрасно понимая важнейшее стратегическое значение прибрежной полосы. На этом пути их не остановили ни война с Мексикой, ни противодействие Англии, стремившейся сохранить под своим контролем Орегон — обширную область на северо-западном океанском берегу, ни возможные осложнения в отношениях с Испанией и Россией, также имевших там свои территориальные интересы.

Именно в 1845 году, в разгар этих событий, в Соединенных Штатах была сформулирована доктрина «предопределения судьбы» («Manifest destiny»), ставшая важнейшей мессианской и идеологической основой американского гегемонизма. В ее рамках превосходство американцев над остальными нациями и народами Земли рассматривалось как самим «Богом предопределенное».

В середине XIX века начинается активное военнополитическое освоение Соединенными Штатами Тихого океана. Отправляется ряд исследовательских и военно-морских экспедиций. Происходят «открытие» Японии commodором Перри (1854) и подписание крайне выгодного для США соглашения, а также заключение договора Америки с Китаем (1858). Активно идет проникновение на Гавайский архипелаг, Филиппины и другие тихоокеанские острова.

30 марта 1867 года Россия и США подписали договор о продаже Аляски. Пользуясь ослаблением России после Крымской войны и шантажируя ее военным давлением, американцы сумели заключить его на крайне выгодных для себя условиях. За огромную территорию площадью 577 390 квадратных миль Соединенные Штаты заплатили всего 7,2 миллиона долларов золо-

том. Вся вторая половина XIX века, особенно его последние десятилетия, ознаменовалась дальнейшей активизацией внешней политики США.

Действуя в духе «доктрины Монро», Соединенные Штаты упорно стремились к господству в Западном полушарии. Выдвинутая в 1895 году «доктрина Одни» (по имени государственного секретаря Р. Одни, ее разработавшего и предложившего) фактически провозглашала основой американской внешней политики готовность без колебаний применять военную силу для вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран.

Конечным результатом такого вмешательства должны были стать полное вытеснение европейских держав из этого региона и установление безраздельного господства США, которое после реализации «доктрины Одни» и поныне никем не оспаривается.

Кто владеет морем, тот владеет миром...

Первая официальная концепция глобального американского экспансионизма появилась в конце XIX столетия в виде доктрины «морской мощи». И это не случайно, ибо с течением времени военная составляющая играла в американской политике все большую роль.

Географическое положение Соединенных Штатов, господствовавших на североамериканском материке, между двумя океанами, предопределило «океанское» направление их глобальных притязаний. Ощущая себя по отношению к остальному миру «большим островом», американцы быстро оценили принципиальную важность морских коммуникаций для завоевания мирового господства.

История распорядилась так, что в XX веке США суждено было постепенно принять из рук дряхлеющего британского льва многовековую эстафету океанской имперской традиции.

Довольно долго — до тех пор, пока границы мирового политического процесса совпадали с границами

Евразии, — роль островной империи, носительницы и защитницы основ и ценностей торговой «морской» цивилизации, принадлежала Англии, противостоявшей континентальной мощи России (с конца XIX века и Германии). Когда же мировые горизонты расширились настолько, что серьезное влияние на политические процессы в мире стали оказывать события, происходившие в Новом Свете, «большой остров» Америки мало-помалу заступил в глобальном политическом механизме на место маленького английского островка.

Процесс этот требовал идеологического и военно-стратегического оформления. Основой для него стала так называемая «доктрина морской мощи», сформулированная на исходе прошлого столетия американским адмиралом Альфредом Мэхэном. Главным лозунгом доктрины стало категорическое утверждение «Кто владеет морем — тот владеет миром!», впоследствии определившее все военно-политические программы США в XX веке.

Мэхэн стал одним из главных идеологов силовой американской экспансии. В его изложении программа обеспечения глобального американского лидерства вполне конкретна: создание мощного военного флота, основание в различных частях света крупных военно-морских баз и воспитание у населения соответствующего «национального духа».

В области гуманитарных наук основой для мировоззренческого обеспечения американского экспансионизма в конце XIX века стали теории так называемой «англосаксонской школы» (университет Дж. Гопкинса) о превосходстве англосаксов над остальными народами. Согласно им именно англосаксонский мир сумел создать все лучшее, чем обладает человечество. И теперь на Соединенных Штатах лежат «право» и «обязанность» распространить эти «выдающиеся достижения» по всему миру.

Для подкрепления этих мнимых прав США развили невиданные темпы милитаризации экономики.

В 1883 году они приступили к коренной модернизации военно-морского флота на новой технической основе. А через 10 лет американский флот занимал уже не 12-е, как в начале модернизации, а 5-е место в мире, уступая по мощи только флотам Англии, России, Германии и Франции.

Столь быстрый рост позволил США усилить экспансию. Постоянное экономическое и политическое давление на Гавайи завершилось в 1893 году присоединением островов к Соединенным Штатам, обретшим таким образом плацдарм для усиления влияния на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. В 1990-х годах к США был также присоединен еще ряд тихоокеанских островов: Самоа, Фиджи и другие. В результате испано-американской войны 1898 года, развязанной американцами под предлогом «освобождения» Кубы, к Соединенным Штатам отошли Филиппины, Пуэрто-Рико и Гуам. Сама Куба оказалась фактически полуколонией США.

К концу XIX века территория США выросла в 10 раз. По основным экономическим показателям страна вышла на 1-е место в мире, опередив все европейские державы. Начало XX столетия стало для США неким водоразделом, рубежом, на котором окончательно определился переход к «океанской» политике глобального экспансионизма.

Начало широкомасштабному переходу внешней политики США к откровенной имперской практике положил Теодор Рузвельт, президент Соединенных Штатов с 1901 по 1908 год. Сами американцы прямо называют его «первым империалистом». Доктрина Т. Рузвельта, получившая красноречивое название политики «большой дубинки», предполагала решимость Вашингтона применять военную силу уже не только против своих латиноамериканских «клиентов», но и против европейских держав.

Одновременно с этим все более пристальное внимание Соединенных Штатов продолжали привлекать страны Юго-Восточной Азии. Политика «открытых

дверей», активно внедрявшаяся американцами в начале XX века в Китае и Корее, имела целью облегчить им проникновение в эти страны и вытеснить оттуда европейцев и японцев. Главной своей опорой американцы продолжали считать военную силу. Так, в 1907 году для демонстрации усилившейся американской морской мощи в Тихий океан была отправлена большая эскадра военно-морских сил США.

Мало-помалу началось проникновение даже в такие далекие от Америки регионы мира, как Северная Африка и Ближний Восток. Здесь США прежде всего привлекали Египет, Турция и Персия. В отношениях с Турцией, например, для решения ряда вопросов, затрагивавших американские интересы, США прибегли к привычному средству — провели в 1903 году у берегов Османской империи (в Сирии) внушительную демонстрацию своей военно-морской мощи.

Начавшаяся в 1914 году в Европе Первая мировая война непосредственно не затрагивала интересов США. Объявив нейтралитет, американцы использовали его статус для активной наживы на кредитах и военных поставках в воюющую Европу. Только к началу 1917 года, когда анализ соотношения сил воюющих сторон показал неизбежность поражения немцев, Соединенные Штаты не могли удержаться от соблазна вступить в войну на стороне заведомых победителей. Тем более что после ее окончания предстоял существенный передел мира, от которого американцы жаждали получить максимальную выгоду.

20-е и 30-е годы прошлого столетия характеризуются постепенным, последовательным и неуклонным военным проникновением Америки во все уголки земного шара. В Европе Соединенные Штаты стремились к восстановлению германской мощи (план Дауэса) в противовес Англии, Франции и Советскому Союзу. В Латинской Америке продолжали политику диктатора в духе «большой дубинки». В Китае, поддерживая Чан Кайши, противодействовали усилению японского влияния, одновременно активно строя в своих ти-

хоокеанских владениях сеть военных баз — опорных пунктов силовой экспансии.

Вступление в декабре 1941 года (после разгрома в Перл-Харборе тихоокеанского флота США) во Вторую мировую войну стало для Соединенных Штатов тем Рубиконом, перейдя который, они решительно и безоглядно устремились к борьбе за мировую гегемонию.

Первоначально войну встретили в Америке с большой настороженностью. Объединенный комитет начальников штабов вооруженных сил США, ответственный за выработку военной стратегии, в 1941 году не исключал даже возможности поражения и потери государственной независимости. Однако довольно скоро решительное преобладание в Соединенных Штатах получили круги, воодушевленные открывавшимися перспективами грандиозного передела мира в духе *Rex Americana*.

Росту американского гегемонизма способствовали теснейшие связи Вашингтона с Лондоном. Переход США к политике глобальной экспансии не прошел бы так гладко, если бы Великобритания не делилась столь щедро с Соединенными Штатами своим огромным имперским опытом. Англия оказала американцам помощь в областях военной, политической, организационно-технической, особенно ценной при создании разветвленной сети спецслужб и налаживании взаимодействия всех частей огромного имперского государственного механизма.

После окончания Второй мировой войны американцы добились беспрецедентного роста своего влияния во всем мире. США не только закончили войну с наименьшими потерями по сравнению с остальными ее участниками, но и оказались в максимально выгодном положении для утверждения глобальной гегемонии. В Европе повержена Германия, в Азии — Япония. Англия, Франция и другие европейские державы (традиционные конкуренты Соединенных Штатов во внешнеполитической области) настолько ослабили в

результате пятилетнего кровопролития, что не могли оказывать сколь-либо серьезного сопротивления растущей силе Америки. Созданные за время войны мощнейшие вооруженные силы США получили ядерное оружие, монополия на которое была равнозначна мандату на бесспорное мировое господство.

В сложившихся условиях единственным серьезным противником США, единственным существенным препятствием на ее пути к безусловному глобальному лидерству стал Советский Союз.

Дважды предатели

Революция и Гражданская война в России (1917—1921) особенно ярко высветили вековую враждебность Запада в целом (и Соединенных Штатов в частности) российской государственности и русской мощи. Американцы забыли все: активную поддержку, оказанную когда-то Россией становлению молодого американского государства, собственные благодарности и уверения в вечной дружбе — ведь впереди замаячила чрезвычайно соблазнительная возможность сокрушить русского колосса, избавиться от опасного геополитического конкурента и расчистить себе дорогу к мировому лидерству.

США и Запад оказались предателями дважды. До революции 1917 года, еще будучи союзниками Российской империи, они всячески поощряли на ее территории деятельность антиправительственных либеральных группировок, приветствовали «демократическую» оппозицию в Думе, практически содействовали организации и проведению Февральской буржуазной революции (точнее было бы назвать ее государственным переворотом). Затем, когда несшая основную тяжесть войны Россия оказалась таким образом вброшенной в водоворот жесточайшей и кровопролитнейшей смуты, они предали своих «демократических друзей» и приложили немалые усилия для ее расчленения и устранения с мировой политической арены в качестве единого, мощного, централизованного государства.

И лишь железная воля партии большевиков да величайшее напряжение всех народных сил смогли остановить неминуемую катастрофу. Мы заплатили за свою независимость безмерную цену: разруха, голод, нищета, трагедия кровоточащего разрыва исторической преемственности русского бытия.

В январе 1918 года Соединенные Штаты выдвинули обширный план последовательного переустройства мира, получивший название «14 пунктов президента Вильсона». Этот план, в частности, предполагал:

1-й пункт — провозглашение принципа «открытых договоров» и запрещение тайной дипломатии, то есть подведение всех дипломатических процессов международной политики под контроль стран-победительниц, в первую очередь США;

2-й пункт — «свобода морей», то есть устранение лишних барьеров на пути комплексного и интегрированного развития единой «океанской» цивилизации Запада;

3-й пункт — равенство условий торговли, то есть практика «открытых дверей», обеспечивающая богатым американцам преимущество перед их западноевропейскими конкурентами;

4-й пункт — сокращение вооружений, то есть стремление США ослабить Японию и Англию, обладавших тогда военным превосходством;

5-й пункт — «беспристрастное решение колониальных вопросов», то есть передел поделенного в пользу победителей;

6-й пункт — право России «принимать независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики», то есть гарантия ее приема в Лигу Наций «при том образе правления, который она для себя изберет».

На первый взгляд очень благородно, не правда ли? Все это очень напоминает те заявления, которые не устают и сегодня делать западные лидеры, говоря о будущей роли России в глобальном мире. Но — не будем торопиться.

Смысл «шестого пункта» детально разъяснил представитель государственного департамента США Д. Миллер в специальном меморандуме для английского министерства иностранных дел. Он сообщил, что «формулировка президента Вудро Вильсона не рассматривает вопроса о русских территориях с точки зрения единой России и никоим образом не препятствует рассмотрению вопроса об отдельных районах или образованиях в России». Фактически это означало курс на отторжение от Российской империи не только Польши и Финляндии, но Эстонии, Латвии, Литвы и Украины.

Дальнейшие откровения Миллера выходят за рамки самого смелого воображения. «Кавказ придется, вероятно, рассматривать как часть проблемы Турецкой империи»; «Среднюю Азию отдать под протекторат какой-нибудь европейской державе»; даже в Великобритании и Сибири должны быть созданы самостоятельные и «достаточно представительные правительства».

Пункты с 7-го по 13-й в плане Вильсона касались послевоенного положения Германии, Франции, Балкан, Австро-Венгрии, Ближнего Востока, Аравийского полуострова и стран Персидского залива. 14-й пункт предусматривал создание Лиги Наций, которая должна была стать сверхгосударственным координирующим органом глобальных перемен.

В американском плане оказалось лишь одно слабое звено: Россия не пожелала умирать тихой «естественной смертью» в соответствии с волей заокеанских сценаристов и закулисных стратегов.

Главным результатом Второй мировой войны стало образование двух сверхдержав — СССР и США, сосредоточивших вокруг себя два крупнейших геополитических блока: «океанский» Запад и «континентальный» Восток.

Американцы остро почувствовали угрозу своим гегемонистским планам. Практически сразу после окончания войны Соединенными Штатами был взят курс на достижение решающего военного превосходства

над Советским Союзом. СССР в его новом державном качестве воспринимался американцами как главная угроза их глобальным интересам и самому существованию «свободного мира». Следствием такого мировоззрения стал 45-летний период «холодной войны», закончившийся в 1985—1991 годах поражением СССР и распадом советской сверхдержавы в результате предательства высшего руководства страны.

Политика «холодной войны» была впервые публично обоснована Уинстоном Черчиллем в его знаменитой речи в Фултоне (США) 5 марта 1946 года. Черчилль открыто потребовал создания англо-американского военно-политического союза для борьбы с «мировым коммунизмом во главе с Советской Россией». На самом деле речь шла о необходимости уничтожения мощного геополитического конкурента, России, которая была неприемлема для Запада равно в монархической, коммунистической и любой иной форме.

Черчилль, впрочем, был не первый, кто призвал к крестовому походу для решения «русского вопроса». Годом раньше президент США Гарри Трумэн в своем послании Конгрессу подчеркнул, что победа во Второй мировой войне поставила американский народ перед лицом «постоянной и жгучей необходимости руководства миром». В другом послании президента Конгрессу, датированном 12 марта 1947 года, фактически содержалась внешнеполитическая доктрина Соединенных Штатов, направленная на реализацию этой «жгучей необходимости» путем силового вытеснения СССР с тех позиций, которые он занял в результате победы в Великой Отечественной войне.

«Доктрина Трумэна» стала отправной точкой послевоенной внешнеполитической эволюции Америки, которая в самом общем виде может быть разделена на **шесть этапов**.

Первый этап — своеобразное «головокружение от успехов» (1945—1948). Наличие ядерной монополии создало у США иллюзию всемогущества, способности самостоятельно, не учитывая мнения даже союзни-

ков, решить в свою пользу многовековой спор о глобальном лидерстве. Президент Трумэн недвусмысленно заявил, что «не поколеблется принять решение на применение атомной бомбы, если на карту будет поставлено благосостояние Соединенных Штатов».

В соответствии с «доктриной Трумэна» было разработано несколько сценариев ведения войны против СССР. Все они предполагали одностороннее и «превентивное» использование Соединенными Штатами ядерного оружия для разгрома Советского Союза.

Из года в год росло количество предлагаемых для использования ядерных боезарядов. В 1947—1948 годах атомной бомбардировке предполагалось подвергнуть 15—20 наших городов, а согласно плану «Дропшот», разработанному к 1949 году, на советские объекты должны были обрушиться уже 300 атомных бомб. К этому времени, однако, стала ясна безосновательность столь радужных надежд. Главный удар по ним нанес Советский Союз, создавший в 1949 году собственное ядерное оружие.

Второй этап эволюции американской военной политики стал результатом осмысления новых геополитических реальностей. Он занял всего два года (1948—1949). Его главный результат — военно-политическое оформление «океанского» геополитического блока, завершившееся созданием блока НАТО.

Третий этап охватил 1950-е годы. Его концепцию определили три основных фактора:

1. Принятый в начале 1950 года «план СНБ-68» (курс на первоочередное увеличение военной мощи США), предусматривающий затраты на вооружение в размере до 20 % национального дохода.

2. Официально провозглашенная стратегия «масшированного возмездия», исходящая из наличия решающего преимущества США над Советским Союзом в ядерных вооружениях и средствах их доставки.

3. Форсированное развитие НАТО, чьи вооруженные силы только за период с 1949 по 1952 год увеличились в четыре раза!

Но к концу 1950-х годов стало ясно, что СССР сумел найти адекватный ответ на американскую стратегию массированного возмездия. В России были созданы межконтинентальные баллистические ракеты. Впервые за всю историю Соединенных Штатов их территория перестала быть неуязвимой. Осознание этого простого факта вызвало шок у всего американского общества, что потребовало пересмотра устоявшихся военно-политических концепций.

Четвертый этап американской военной политики приходится на 1960-е годы. Начался он с пересмотра прежних постулатов в пользу стратегии «гибкого реагирования». В ее основу с учетом растущей мощи стран социалистического лагеря был положен отказ от «массированного возмездия» и переход к «дозированному» применению силы «соразмерно с масштабами возникшей опасности». На деле это означало признание американским руководством того факта, что США утратили возможность безнаказанно утверждать свое «глобальное лидерство» прямым военным путем.

На том, однако, дело не кончилось. Глобальный баланс сил продолжал меняться не в пользу США. В начале 1960-х годов они превосходили Советский Союз по ядерным средствам доставки в 10 раз; к концу десятилетия это превосходство исчезло. В 1961 году валовой национальный продукт США втроекратно превосходил объединенный западноевропейский и японский; через 15 лет эти показатели сравнялись. Необходимость нового пересмотра военно-политической концепции становилась очевидной.

Пятый этап пришелся на 1970-е годы. Была выдвинута так называемая «доктрина Никсона», опиравшаяся на новую военно-политическую стратегию «реалистического устрашения». В ее основу были положены три главных принципа: стремление сохранить превосходство в стратегических ядерных силах; требование значительного увеличения вклада союзников в «противостояние коммунистической агрессии»; при-

знание необходимости переговоров с Советским Союзом.

Шестой этап американско-советского соперничества связан в первую очередь с именем Р. Рейгана. Тенденция последовательного роста советского влияния в послевоенный период не на шутку встревожила транснациональную торгово-финансовую олигархию, главный двигатель «глобализации по-американски». По этой причине данный этап прошел под знаком резкого усиления антисоветизма.

«Америка вновь должна поверить в себя!» — этот лозунг Рейгана вместе с его определением СССР как «империи зла» ярче всего отразил изменение стратегического курса США. Начались активные поиски нереализованных экономических возможностей, способных обеспечить Штатам технологический отрыв в гонке вооружений.

Но удача подкараулила американцев совсем не там, где они ждали. К концу 1980-х годов Советский Союз, находившийся в зените державной мощи, был попросту предан переродившейся верхушкой партийной номенклатуры.

Пиррова победа дяди Сэма

Победа в «холодной войне» была воспринята Западом как сигнал к форсированной реализации своих глобальных планов. Но однополярность, при которой США обретают монополию на управление миром, несовместима с существованием крупных суверенных государств. Вряд ли эти суверенные государства согласны добровольно поступиться своим суверенитетом в пользу закулисных архитекторов НМП. Поэтому военный аспект утверждения нового миропорядка в последнее десятилетие приобрел едва ли не главное значение.

Началом силовой фазы глобализации можно считать войну в Персидском заливе (1991), в ходе которой было задействовано почти полтора миллиона человек, 10 440 танков, свыше 12 300 артиллерийских

систем, около 3000 боевых самолетов и 2000 вертолетов, более 200 военных кораблей. Затем последовали удары по боснийским сербам (сентябрь 1995), вновь по Ираку (сентябрь 1996), по Судану и Афганистану (август 1998), по Югославии. За два с половиной месяца натовской агрессии на Югославию было совершено 35 000 воздушных налетов и сброшено 22 000 тонн бомб. В марте 2003 вновь последовало вторжение США и их союзников в Ирак.

Главной целью всех этих акций было практическое подтверждение американской заявки на мировое господство, которое вскоре получило и свое официальное оформление. Так, в докладе министра обороны США президенту и конгрессу, сделанном в 1997 году, недвусмысленно утверждалось: «Мы не хотим борьбы на равных, мы хотим иметь возможности, которые обеспечат нам решающее преимущество».

Такого преимущества, по мысли авторов доклада, можно достичь путем «усиления постоянного военного присутствия на заморских территориях... превосходством в информационной сфере... созданием национальной системы ПРО», а также предотвращением «смещения дружественных США правительств оппозиционными силами». Пентагон без обиняков рекомендует Белому дому «не ограничиваться деятельностью по защите мира и стабильности на всей планете», но проводить активную экспансионистскую «стратегию вовлеченности в мировые дела».

Такой акцент на военно-политических аспектах обеспечения американских претензий на мировое господство характерен не только для Пентагона. В декабре 2001 года Национальным советом по разведке США был подготовлен доклад под названием «Глобальные тенденции до 2015 года». В этом документе перед США и их союзниками ставится задача «осуществить стремительную технологическую революцию, одновременно поддерживая военный потенциал, позволяющий... решать проблемы, возникающие по обеим сторонам разделенного мирового пространства...

когда выгоды, приносимые глобализацией, получат далеко не все».

Политика «принуждения к глобализации» с опорой на военную силу стала, по сути, официально признанной и утвержденной политикой Вашингтона. Причем военные операции США и их союзников приобретают со временем все более ярко выраженный террористический характер. Так, если удельный вес жертв среди мирных жителей составил в Первой мировой войне 5 %, во второй — 50 %, то в корейской войне (1950—1953) жертвы гражданского населения возросли уже до 84 %, в войне во Вьетнаме они составили около 90 %, а в ходе агрессии НАТО против Югославии превысили и этот показатель.

Зная это, вряд ли стоит удивляться тому, что 11 сентября 2001 года бумеранг террористической войны вернулся и ударил по самим Соединенным Штатам. Теперь уже мало кто сомневается, что победа Запада в «холодной войне» второй половины XX века имеет все шансы стать настоящей «пирровой победой». Международные эксперты уже заговорили о том, что война с международным терроризмом «вряд ли будет короче или дешевле, чем 40-летняя «холодная война», которая обошлась Западу в 10 триллионов долларов».

Глава четвертая

ГЛОБАЛИЗМ И «НОВЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ»

Третья мировая...

Сегодня на планете фактически разгорается Третья мировая война. В политическом и социологическом лексиконе появляется все больше новых терминов и эпитетов для характеристики отдельных ее этапов. Сначала она была «холодной», потом — «прохладной», затем — «теплой». И вот теперь, вместе с наступлением глобализма, она стремительно переходит в открыто горячую фазу.

Много уже сказано о том, что глобализация есть война нового типа. Сегодня, однако, мы видим, что и обычная, «горячая» война является непрямым спутником империалистической глобализации. Человечество сидит на пороховой бочке, вокруг которой вспыхивают все новые и новые искры. И любая из них может привести к тому, что цепная реакция насилия захлестнет весь земной шар.

Если кто-то и сомневался до сих пор в правомерности отождествления империалистической глобализации с войной, то варварская воздушная атака на американские города 11 сентября 2001 года и столь же варварская агрессия США против Афганистана и Ирака рассеяли последние иллюзии относительно благотворности для человечества «нового мирового порядка», насаждаемого богатейшими империалистическими странами.

Капитализм демонстрирует полную неспособность обеспечить человечеству мир и спокойствие. Внутренние противоречия «нового мирового порядка» обостряются, и он стремительно перерастает в новую мировую войну.

В эпоху «глобализации по-американски» стирается грань между насильственными и ненасильственными методами империалистической политики. Крупная международная финансовая спекуляция уносит не меньше жизней, чем атомная бомбардировка. Однако ее организаторы («финансовые алхимики», по выражению международного спекулянта Сороса) не только не объявляются военными преступниками, но позиционируются уважаемыми деятелями и претендуют даже на роль учителей человечества.

Выдающийся русский ученый-патриот А. А. Зиновьев свидетельствует: «Незадолго до своего возвращения в Россию я встретил одного из известных деятелей “холодной войны”. И он мне прямо сказал: “Мы вас, русских, уничтожим — но только гуманными методами”».

Запад настаивает на своем «праве» убивать мирное население «гуманно» и «цивилизованно» — «всемирным разделением труда», «свободой торговли», финансовыми диверсиями, долговой кабалой, экономическими санкциями, блокадами, голодом, наркотиками, СПИДом, «планированием семьи», духовным растлением, «точечными» и «ковровыми» бомбардировками, на худой конец. Но, упаси Господи, не так грубо, «негуманно» и «нецивилизованно», как были уничтожены шесть тысяч обитателей нового Вавилона на Манхэттене.

События 11 сентября 2001 года вывели на авансцену мировой политики еще одну глобальную силу, используемую в борьбе за передел мира, — международный терроризм. Это придало международным отношениям не только новую идейно-политическую и геополитическую многомерность, запутанность, но и опаснейшую для судеб мира остроту. Наиболее ярко это проявляется сегодня в России, на Ближнем Востоке, на территориях США и ряда других западных стран.

Но было бы ошибкой причислять международный терроризм к антиглобалистским силам. В таком отождествлении заинтересован прежде всего сам империализм в целях пропагандистской дискредитации растущего во всем мире антиглобалистского движения. На деле же, как подчеркивал Фидель Кастро, террор всегда использовался врагами человечества в качестве орудия для того, чтобы сокрушить и подавить борьбу народов за свое освобождение. Он никогда не может быть орудием по-настоящему благородного и справедливого дела.

Трактовка современных событий как новой мировой войны обязывает ко многому. Обе предыдущие мировые войны завершались революциями, знаменовавшими собой крупнейшие сдвиги в социально-экономическом и политическом соотношении сил на мировой арене. Речь, стало быть, идет ни много ни мало как об определении перспектив новой социальной революции.

Есть войны, выход из которых может быть только революционным. Революция есть ответ на угрозу, которую несет война человеческой цивилизации и культуры. Революциями завершаются именно те войны, те схватки социальных хищников, которые угрожают разрушить основы человеческой цивилизации и культуры. Революция есть ответ человечества на попытку втянуть его в процесс саморазрушения, когда человечество стоит перед альтернативой: либо втянуться в сватку социальных хищников, либо свергнуть их, обуздать.

Если мы применяем к глобализации понятие войны не в переносном и метафорическом, а в прямом и научном смысле этого слова, то и анализ этой войны должен быть строго научным и объективным.

Война есть продолжение политики мирного времени иными, насильственными средствами, — этот тезис был и остается незыблемым по сию пору. Можно много говорить о новых формах и методах ведения войны, но ее суть останется нераскрытой, останутся неясными пути антивоенной борьбы, если не будут найдены ответы на целый комплекс вопросов: каково экономическое и социальное содержание политики, продолжением которой является данная война? Чья это политика? Какие новые средства насильственного продолжения политики принесла с собой война? Какое место среди этих средств занимает комплекс явлений, именуемый международным терроризмом?

Лишь ответив на эти вопросы, можно искать ответ на главный вопрос: как бороться с войной вообще и, в частности, с одним из ее самых бесчеловечных порождений — современным терроризмом. Здесь многое окутано наукообразным туманом, скрывающим истинную суть явлений. После 11 сентября возникла масса спекуляций на темы о мировом геополитическом, расовом, этническом и религиозном противостоянии и, наконец, о начале «битвы цивилизаций» и новом «крестовом походе».

Сегодня становится все более очевидным, что ключевые задачи творцов «нового мирового порядка» следующие.

1. Добиться открытого, юридически закрепленного выстраивания мира в «пирамиду подчинения». На вершине ее будут находиться США, рядом, но чуть ниже, их союзники, а в самом низу — государства «третьего мира». Там же останутся прозябать Россия, Украина, Белоруссия, республики Закавказья, Средней Азии, другие постсоветские страны.

2. Создать уже не теневую, а открытую наднациональную структуру власти, подчиненную США. Власти по своей сути диктаторской, враждебной миллиардам жителей планеты.

3. Установить контроль над мировыми источниками энергии и сырья. Подчинить себе финансовую систему, и тем самым взять в свои руки всю экономику планеты.

4. Осуществить военный разгром стран, пытающихся защищать свои национально-государственные интересы. Расправиться с лидерами, которые противостоят американской гегемонии.

5. Жестко контролировать информационные потоки. Навязать миру свою систему ценностей. Подавить всех инакомыслящих под предлогом причисления их к террористам.

6. Полностью и окончательно блокировать Россию как силу, способную противостоять таким планам. Сделать это, в том числе, за счет военного присутствия НАТО на территории бывших республик СССР. Воспрепятствовать геополитическому и национальному возрождению постсоветского региона.

7. Запустить «качели террора», создав атмосферу страха и отчаяния. Лишить тем самым человечество воли и способности к борьбе за свои права, за лучшую жизнь.

Цель глобализма ясна — пройти асфальтовым катком по всем национальным различиям, приве-

сти все и вся к единым стандартам и знаменателю. Вместо сближения и взаимообогащения стран и народов — полный слом. Причем нет смысла искать какие-то идеологические, культурные, религиозные, национальные, расовые, цивилизационные и даже геополитические соображения. Все это не более чем инструменты и средства для достижения или прикрытия других задач. Истинное намерение — экономическое, политическое, культурно-информационное господство узкого круга «избранных» над остальным человечеством, эксплуатация трудовых и природных ресурсов Земли исключительно в собственных корыстных интересах.

Эта цель объединяет империалистических хищников, невзирая на различия между ними. Теория о «превосходстве арийской расы» не помешала Гитлеру заключить стратегический союз с милитаристской Японией.

Империалистическая глобализация есть борьба за порабощение, раздел и передел мира, его ресурсов. Это борьба объединенного империализма против мировой «периферии», борьба различных империалистических группировок между собой.

Война, которую ведет мировой империализм («золотой миллиард») против остального, угнетенного и эксплуатируемого, человечества, не затихает уже полтора столетия и принимает все более изощренные и жестокие формы. Как и при любом грабеже, бандиты сначала отбирают у своих жертв имущество, а затем начинают делить добычу. И дележ подчас более жесток и кровав, чем ее отъем.

Сегодня существует гигантский разрыв в уровне социально-экономического развития между странами «золотого миллиарда» и остальным человечеством. По данным ООН, 3,5 миллиарда человек на Земле не имеют возможности тратить ежедневно даже 2 доллара. Архитекторы «нового миропорядка» заинтересованы в том, чтобы этот разрыв не только сохранялся, но и возрастал.

Но являет ли собой этот обращенный против «третьего» мира общий империалистический фронт нечто абсолютно единое и монолитное? Ряд обстоятельств свидетельствует о том, что это не так.

«Новый империализм»?

Не так давно возникла и укрепилась иллюзия, будто мировой империализм един, а эпоха межимпериалистических противоречий и уж тем более войн канула в Лету. Однако даже самое поверхностное рассмотрение свидетельствует об ином. В условиях господствующего капиталистического способа производства ограниченность мировых ресурсов предполагает не только их неравномерное распределение между эксплуатируемыми и эксплуататорами, но и конкуренцию за них в среде самих эксплуататоров. Обе мировые войны произошли в XX веке из-за обострения межимпериалистических противоречий.

До поры до времени эти противоречия оставались как бы на втором плане, могли быть скрыты и не выходить на поверхность. Во всяком случае, не принимать форму вооруженной борьбы между ведущими империалистическими группировками. И ясно, почему. На пути империалистического глобализма и мондиализма стояла мировая система социализма, которая в течение многих десятилетий сдерживала империалистическую агрессию, сберегла миллионы жизней на Земле. Но после того как объединенным империализмом была одержана победа в «холодной войне», межимпериалистические противоречия неизбежно должны были выйти и вышли на первый план.

Именно об этом все мы основательно подзабыли, хотя и внутренние противоречия никуда не исчезли. Крушение Советского Союза могло их только обострить, но никак не сгладить.

Сегодня на поверхность мировых событий и войн всплыл международный терроризм.

Самое странное в этой войне то, что до сих пор никто, даже США, подвергшиеся самой мощной атаке

«международного терроризма», не смогли вразумительно сформулировать его настоящие, а не бутафорские цели. Только невнятные рассуждения о каких-то кровожадных злодеях, которые из чистой мизантропии взрывают весь мир.

И никому не приходит в голову сообразить, что если эта версия верна, то всему миру пора задуматься не о злодеях, а о себе.

Ненавидящие весь свет маньяки были и будут всегда. Однако они всегда были и остаются одиночками. Но нынешняя война такова, что ее не по силам развязать одиночкам. Здесь видны усилия огромной разветвленной, предельно законспирированной и строжайше дисциплинированной организации. У этих террористов, несомненно, есть вполне «рациональные» цели, их идейное обоснование и воля к их претворению. Поэтому новая мировая война есть продолжение борьбы за передел мира, которую разные империалистические группировки ведут между собой.

В силу многих обстоятельств российская левая и патриотическая мысль в последние годы уделяла преимущественное внимание анализу традиционного «театра военных действий». Теперь настало время обратить внимание и на новый ТВД.

Гипотез о природе «нового империализма» высказано уже немало, и ни одну нельзя сбрасывать со счетов. Сложность анализа в том, что он не заявляет о себе открыто и предпочитает действовать чужими руками. Ясно лишь то, что он располагает колоссальным финансовым и организационным потенциалом.

Как только речь заходит о реальных экономических аспектах происходящего, трубадуры всяческих «анти-террористических операций» как в рот воды набирают. Послушать их, выходит, что терроризм вообще не имеет конкретных целей, он — воплощение абсолютного зла и беспричинной мести.

Однако оставим такие мотивы терроризма голливудским триллерам, хотя не исключено, что они играют свою роль, особенно на уровне индивидуального

поведения конкретных исполнителей тех или иных терактов. Но и этого достаточно, чтобы искать «новую силу» не вне, а внутри империалистической системы.

В современном мире четко просматриваются несколько узлов межимпериалистических противоречий.

Противоречия между группировками в рядах «старого империализма», внутри «золотого миллиарда». Существует несколько центров экономического господства, конкурентная борьба между которыми ведется с нарастающим ожесточением. Это Северная Америка, Европейский союз, ряд стран Юго-Восточной Азии. Этому географическому треугольнику соответствует треугольник финансовый: «доллар — евро — иена». Весьма мощную и особую по своим интересам группу образуют ведущие нефтедобывающие страны, включая Россию.

Противоречия между национальным и транснациональным капиталом в его рафинированном виде, очищенном от какого бы то ни было национального содержания и территориальной, географической привязки. Ведь капитал как экономическая категория абсолютно космополитичен, в его природе не содержится ничего, что побуждало бы его уважать чьи бы то ни было интересы, кроме собственных.

По мере концентрации и транснационализации капитала в мире складывается некая новая космополитическая «элита», для которой национально-государственные интересы Америки ничуть не дороже национально-государственных интересов Афганистана или Ирака. И если этой «элите» по каким-то причинам будет выгодно бомбить США или Западную Европу, она это сделает без колебаний.

Ответом на эту угрозу является сильная ксенофобская расистская и неофашистская струя под «патриотическими» лозунгами во внутриполитической жизни практически во всех странах «золотого миллиарда». «Гражданская милиция» в США, к которой принадлежал самый известный американский террорист Ти-

моти Маквей, партия Ле Пена во Франции, аналогичные ей партии в других европейских странах. Это тоже своеобразный антиглобализм, но откровенно реакционного, фашистского толка.

Противоречия между экспортерами, больше всего выигрывающими от глобализации мировой экономики, и производителями, ориентированными на внутренний рынок.

Противоречия по линии «новая экономика» — «старая экономика» внутри любой экономически развитой страны.

Противоречия между капиталом реальным и капиталом фиктивным, спекулятивным. О силе последнего свидетельствует хотя бы тот факт, что объем сделок на международных финансовых рынках в десятки раз превышает объем мировой торговли.

Противоречия «легального» бизнеса и бизнеса «нелегального» (рэкет, наркоторговля, работоторговля). Транснациональная организованная преступность достаточно сильна, чтобы претендовать на свою долю власти.

Перечень внутри- и межимпериалистических противоречий можно было бы продолжить. История движется по спирали, которая в данном случае более похожа на порочный круг. Как будто возвращаются времена, предшествовавшие Первой мировой войне. Период внутриимпериалистической консолидации сменяется периодом внутриимпериалистической конфронтации. Все взаимосвязано, и из этого переплетения рождается некий «новый» империализм, применяющий арсенал нетривиальных средств борьбы, в том числе и террор.

Мир превращается в арену ожесточенной схватки двух кровавых хищников — империализма «старого» и империализма «нового», условно говоря: глобального милитаризма и глобального терроризма. Каждый из них хочет поделить мир по-своему. Именно отсюда исходит сегодня главная угроза миру и безопасности.

Подробный анализ каждого из узлов позволяет не огульно, а обоснованно представить себе экономическое и социальное «лицо» организатора терактов. В них могли быть заинтересованы многие силы, и притом далеко не все указывает на «арабский след».

Все громче, хотя и анонимно, заявляет о себе некая новая — более молодая, более хищная и наглая, более изощренная и изобретательная империалистическая группировка, претендующая на более весомый кусок пирога, а может быть, и на весь пирог. Эта мощная анонимная сила (нечто вроде «огненосных творцов» из романа братьев Стругацких «Обитаемый остров») полна решимости сокрушить Соединенные Штаты в том виде, в каком они сегодня существуют. Удар направлен не по военной машине США, а по их экономической, социальной и технологической инфраструктуре.

Перед лицом этой смертельной для себя угрозы «старый империализм» поспешил объявить ее «угрозой всему цивилизованному человечеству». И это верно, но только совсем в другом смысле, не в том, как трактуют США: действительной угрозой человеческой цивилизации и культуре является нынешняя схватка двух империалистических хищников — «старого» и «нового». И реальным избавлением от данной угрозы является борьба человечества против обоих хищников.

Что может противопоставить этим атакам официальная Америка? Только немедленные, производящие впечатление на обывателя ответные действия. Срочно найти и сурово покарать преступников! Вот и приходится «искать кошельки не там, где потеряли, а там, где светлее». Словом, необходимо эффектное, грандиозное шоу.

Всем, а уж американским генералам в первую очередь ясно, что никаких проблем, связанных с терактами 11 сентября, «антитеррористическая операция» Соединенных Штатов в Азии не решает и решить в принципе не может. С точки зрения борьбы с терро-

ризмом вся эта операция целиком и полностью бессмысленна. Она может лишь усилить акции противодействия. Во-первых, реальные силы террористов базируются вовсе не в Афганистане, не в Ираке и вообще не в какой-то конкретной стране. Во-вторых, «ковровыми» бомбардировками победить терроризм невозможно, ибо тот действует в совершенно иной плоскости.

Стало быть, бросок США и НАТО на Афганистан и Ирак — «из другой оперы». Это демонстрационные акции прежде всего для внутреннего пользования. Американские власти можно понять. Ведь им ничего не остается кроме как ломать комедию. Обыватель видел дымящиеся развалины Всемирного торгового центра, поэтому ему нужно показать такие же дымящиеся развалины — око за око! Ведь правда о подлинной сути событий настолько неприглядна, что открывать ее обывателю нельзя.

События в Афганистане и Ираке жестко определили вектор политики, навязываемой планете на обозримую эпоху. Война США против исламского мира является шагом, логически вытекающим из решений вашингтонской сессии Совета НАТО в 1999 году. Начат слом ялтинской системы, всего послевоенного баланса сил в мире. Речь идет о ликвидации ведущей роли ООН и Совета Безопасности как гарантов этой системы. Провозглашается право НАТО вторгаться в любую страну, которая чем-либо не устраивает этот блок.

Цинизм такой политики проявляется уже в том, что даже террористические акты, унесшие тысячи жизней в Нью-Йорке и Вашингтоне, американская верхушка пытается с максимальной эффективностью использовать для решения своей главной задачи — завоевания абсолютного мирового господства.

Новая война преследует цели, не имеющие отношения к борьбе с терроризмом. С какой стороны ни взглянуть, это ярко выраженная империалистическая, несправедливая война.

Активное участие России в этой войне на стороне США чревато для нашей страны тяжелыми последствиями. Основная наша ошибка — стремление любой ценой войти в «клуб грабителей». Но там, во-первых, Россию не ждут. Если это внутренняя разборка, то Россия будет просто стерта в порошок между жерновами противоборствующих сторон. А во-вторых, «клуб грабителей» исторически обречен, и участие России в войне на его стороне противопоставляет ее всему человечеству.

Две империалистические войны, которые вела Россия — Русско-японская и Первая мировая — закончились революциями. У народа просто не было иного выхода перед лицом национально-государственного краха, кроме свержения тех, кто привел страну на край гибели. Втягивание России еще в одну империалистическую войну закончится тем же — падением правящего режима.

Одна из главных военных проблем новой эпохи — так называемая асимметричность военных конфликтов, которая может заставить пересмотреть многие устоявшиеся в конце прошлого века взгляды на военную мощь государства и эффективность применения вооруженной силы. Ярчайший пример такой «несимметричной» войны — кампания по борьбе с «международным терроризмом», развязанная Америкой и ее союзниками в ответ на взрывы в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года.

В этот день практически мгновенно по самому мощному государству мира был нанесен удар стратегического масштаба, в котором вообще не были задействованы вооруженные силы и средства борьбы. А чтобы создать хотя бы видимость адекватного ответа на этот ошеломляющий удар, Соединенным Штатам пришлось создавать военную коалицию, куда вошли десятки государств; концентрировать за тысячи миль от собственной территории гигантскую группировку военно-морских и военно-воздушных сил; тратить десятки миллиардов долларов на афганскую войну;

серьезно скорректировать свою внешнюю политику по целому ряду геостратегических направлений. И все это, во всяком случае, пока, так и не привело Америку к достижению тех целей, которые были заявлены ею сразу после сентябрьской катастрофы.

Основные отличия «несимметричных» войн новой эпохи по сравнению с «классическими» вооруженными конфликтами прошлого таковы:

преимущественно межцивилизационный, а не межгосударственный характер конфликтов. Сегодня в Афганистане это противостояние наиболее радикального, религиозно-пассионарного крыла исламской цивилизации Западу с его псевдорелигией безграничного эгоизма и грубых чувственных страстей;

применение новых, неожиданных, невоенных форм и средств насилия. Еще совсем недавно, например, никто не мог предположить, что в таком качестве можно использовать гражданскую авиацию и почтовую связь;

тайный характер руководства, организации и политических целей по крайней мере одной из воюющих сторон. Организаторы взрывов 11 сентября, например, не только не заявили о себе, но и не сформулировали открыто целей своей борьбы;

неспособность обычного, даже самого современного и высокоточного оружия поразить врага, наносящего удары тайно, изнутри, используя социальную, экономическую и политическую структуру противника. Крылатые ракеты бесполезны против террористов, рассылающих заразу в почтовых конвертах, отравляющих водохранилища или взрывающих себя в гуще гражданского населения;

неприменимость привычных правовых норм. В «несимметричной» войне нет «официальных» воюющих сторон, здесь не с кем вести переговоры и заключать мир, не от кого принять капитуляцию в случае победы и т. д. Да и как определить, что победа состоялась?

Двойное дно технотронной цивилизации

Особую озабоченность внушает практически неограниченная возможность применения в военных целях так называемых технологий двойного назначения (ТДН).

В мире вновь созрела ситуация для применения оружия массового поражения. Более того, доступность разных типов оружия не снижается, а, наоборот, расширяется при переходе за некоторый порог поражающей силы. Самые опасные средства (радиационные, химические, бактериологические) оказываются более доступными, чем обычные типы оружия (стрелкового, артиллерии, бронетехники и т. п.).

Инфраструктура современных мегаполисов напичкана производственными и научно-исследовательскими объектами, представляющими неограниченные возможности для ведения радиационной, химической или бактериологической войны современного уровня. И мир уже испытал на себе глобальное, хотя и непреднамеренное применение радиационного оружия — Чернобыльскую катастрофу.

При нынешней глобальной напряженности и соответствующем состоянии умов каждая производственная, энергетическая и транспортная авария внимательно анализируется с точки зрения возможности создания аналогичной ситуации в целях политической борьбы. Воздушная атака на Нью-Йорк показала, какой разрушительный потенциал может быть в подобных случаях задействован.

Общепризнанна необходимость строгого контроля над созданием, развитием и распространением ТДН. Здесь, кстати, США — во главе, причем не только из соображений безопасности, но и для борьбы с конкурентами. Но возможности контроля без изменения социально-экономических условий крайне ограничены, ведь одним из наиболее общих законов развития капиталистического способа производства является тенденция к превращению производительных сил в разрушительные.

Сегодня безопасность заключающих в себе колоссальный убийственный потенциал ядерных, энергетических, химических, биотехнологических производственных комплексов не может быть полностью обеспечена ни чисто полицейскими, ни сугубо инженерными средствами. Эта проблема имеет ярко выраженный социально-экономический и социально-психологический характер. А между тем общественное сознание с каждым днем преодолевает один за другим барьеры морального и психологического неприятия все более разрушительных видов оружия.

Уже в основе Чернобыльской катастрофы лежала глубокая деформация «человеческого фактора» — неадекватность поведения персонала, отсутствие самокритичности и самоконтроля, потеря инстинкта самосохранения и сохранения рода. Операторы современного «социального Чернобыля» демонстрируют психологическую деградацию во всевозрастающих масштабах. Поэтому планируемые США ответные силовые акции, идеология которых восходит к приснопамятной «политике канонеров» столетней давности, могут лишь усугубить ситуацию и породить новые акции «непропорционального мщения», не направленного на достижение рациональной цели.

Снятию моральных запретов способствует масса факторов: от бомбардировок мирного населения до подстрекательских, смакующих насилие публикаций прессы и особенно телепередач.

Как в Средневековье публичные казни не способствовали искоренению преступности, а, наоборот, вели к ожесточению нравов, прямая трансляция Манхэттенской катастрофы вызвала у многих зрителей не шок и не негодование, а явно нездоровое любопытство, которое может лишь подтолкнуть к подражанию. Да и вообще, мы не отклонимся далеко от истины, если скажем, что Манхэттенский теракт был загодя спланирован не в горных афганских пещерах, а именно американскими триллерами, фильмами ужасов и катастроф.

Эта, казалось бы, пошлая и ирреальная «развлекуха» имела точную психологическую цель — смести все и всяческие моральные барьеры на пути шествия нищезанесенного «сверхчеловека», но по иронии истории она ударила по создателям и бездумным потребителям этих глубоко преступных «зрелищ», ничем не отличающихся от фашистской пропаганды. И страны, где даже сомнение в гитлеровских преступлениях уже является уголовным преступлением, все это бездумно потребляли!

Такова логика «развития» общества саморазрушения: от «Махэттенского проекта» (именно так назывались работы по созданию атомной бомбы) — к Манхэттенской катастрофе.

Необходимо искать новые, всеобъемлющие ответы на поставленные жизнью вопросы безопасного развития человеческого рода в гармонии с обществом и природой. Крупнейший вклад в этот поиск внес научный руководитель ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, безвременно и трагически ушедший от нас академик В. Легасов, который сформулировал качественно новую концепцию безопасности.

Наряду с очевидными грозящими человечеству опасностями военно-политического, технологического и экологического порядка он выделил еще одну существенную угрозу, связанную с отчуждением все большего числа людей от управления экономикой и производством, с непомерной перекачкой интеллектуальных ресурсов из гуманитарной в техническую сферу, с потерей обществом нравственных правил и ориентиров, с распространением вследствие этого наркомании, проституции, новых болезней.

Предупреждения Легасова о новых угрозах по сей день поняты и учтены очень немногими, а определенный им социокультурный аспект безопасности и по сей день остается, если судить по поведению политиков, недоступным большинству.

Это доказывает, что ТДН распространены не только в технологической сфере. Одна из важнейших в

современном мире технологий двойного назначения — СМИ, особенно эфирные и сетевые.

Уж кто-кто, а «акулы пера» отлично сознают, что тезис о прессе как «только зеркале» и «независимом выразителе свободного общественного мнения» не более чем миф для одурачивания обывателя. Пресса всегда была инструментом власти. А бурное развитие телекоммуникационных технологий превратило СМИ в особую ветвь власти уже не в переносном, а в прямом смысле слова. Но беда в том, что эта власть нелегитимная — самопровозглашенная и самоуправная.

Электронные СМИ являются мощным оружием массового воздействия, фактически средством ведения войны самого новейшего и опасного типа — концептуальной. И это требует жесткого контроля над ними со стороны общества. Существуют же строгие правила хранения и использования охотничьего оружия или промышленной взрывчатки, уголовное наказание за их применение не по назначению. А в отношении электронных СМИ — лишь расплывчатые гражданско-правовые нормы.

Например, любому, даже непосвященному человеку, ясно, что медицина относится к сфере ТДН, поэтому в праве существует мера ответственности, в том числе уголовной, за незаконное врачевание. Мера разумная и оправданная, но как только ее пытаются применить к «инженерам человеческих душ», начинается вселенский вой. «Мы только отражаем действительность, но не формируем ее!» — вопят деятели, хорошо знающие, что дело обстоит ровно наоборот.

Мировое сообщество стоит перед необходимостью крупнейшей, действительно глобальной «переоценки ценностей». Рано или поздно ему придется признать, что «технологии двойного назначения» существуют не только в науке и технике, но и в сфере социальных отношений, и они не менее опасны и разрушительны. Глобализация это ярко подтверждает. Характеризуя ее как нового типа войну, можно предложить такую пред-

варительную дефиницию: это война с применением в качестве оружия «социальных технологий двойного назначения». Необходимо признание целого ряда социальных институтов такими же ТДН, как ядерная энергетика или гражданская авиация. И установить над ними жесткий контроль.

Глава пятая

ГЛОБАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Новое орудие глобализма

Одной из форм ведения войн нового типа стал международный терроризм. Изобретено и совершенствуется новое оружие, перед которым вся колоссальная военная машина «старого империализма» оказалась бессильной и бесполезной.

Что заставляет думающих людей настаивать на том, что современный международный терроризм есть орудие империалистического глобализма?

Не секрет, что террористический акт 11 сентября истолкован и воспринят многими, как сторонниками, так и противниками глобализации, как акт революционный, как справедливый удар по империализму, глобалистским амбициям Соединенных Штатов Америки и их союзников. Но так ли это? Отнюдь!

Терроризм как средство революционной борьбы давно показал свою неэффективность и бесперспективность. Подобные жесты отчаяния не могут привести к освобождению человечества, к слову «нового мирового порядка». Однако терроризм зарекомендовал себя эффективным средством в другом. Реальная история современного международного терроризма в целом и отдельных террористических группировок в частности свидетельствует о том, что они есть порождение империалистической политики, орудие, с помощью которого достигается сразу несколько целей:

дискредитация освободительного движения;

борьба со странами, социально-экономическими системами и политическими режимами, мешающими осуществлению планов установления НМП;

использование терроризма как оружия для межимпериалистических «разборок».

Терроризм в его современной форме имеет глубокие социальные корни — это порождение крайней нищеты и безысходного отчаяния угнетенных масс, вынуждающих людей на крайние формы протеста. Целые народы обречены на нищету и вымирание. Вот вам питательная среда для самых диких эксцессов.

Но вместе с тем эти дикие эксцессы являют собой неотъемлемую оборотную сторону бесчеловечных эксплуататорских отношений, извращенную форму высвобождения социальной энергии масс. Поэтому в качестве оружия борьбы трудящихся за социальное и национальное освобождение терроризм давно уже обнаружил свою полную бесперспективность и негодность, о чем свидетельствует хотя бы опыт русских народовольцев и эсеров. Зато он продемонстрировал высокую эффективность в прямо противоположном плане: как средство «канализации» социального протеста в ложное русло. И в этом качестве из индивидуального и адресного терроризм превратился в массовый и безадресный, в орудие устрашения и деморализации народных масс эксплуататорскими классами.

Это и мафиозный террор — «эскадроны смерти» латиноамериканского образца и т. п. Это и фашистский террор, непосредственно перерастающий в геноцид. Это и государственный терроризм, применяемый «великими» империалистическими державами против целых стран и народов. Это и международный терроризм — угоны самолетов, взрывы и пр., играющие роль страшилки для обывателя и нередко прямо инспирируемые западными спецслужбами для оправдания их вмешательства во внутренние дела других государств.

Но нужно четко различать: одно дело, в чьих реальных интересах совершаются подобные широко-

масштабные теракты, и совсем другое — из какой социальной, национальной и религиозной среды вербуются исполнители.

Как любая антинародная сила, терроризм нуждается в благопристойном идеологическом прикрытии — социальном, национальном, религиозном и т. п. Иначе невозможно рекрутировать на свою сторону достаточное количество «пушечного мяса». Поэтому нужно всегда видеть разницу между вожаками и обманутыми народными массами. К чувствам, верованиям и даже предрассудкам масс мы обязаны относиться с уважением. Но тех, кто бессовестно эксплуатирует эти качества людей в своих корыстных целях, надо беспощадно разоблачать.

Террористическая среда вовсе не обязательно мусульманская и арабская. В поисках новых добровольных «камикадзе» и «шахидов» американцам не надо обращать свои взоры только за океан. Известно, например, что в США время от времени случаются массовые немотивированные убийства, совершенные озверевшими от «американского образа жизни» мажорами.

Если бы современный терроризм был только жестом отчаяния, незрелой формой освободительного движения, его, как говорится, «детской болезнью», вопрос о нем решался бы значительно проще и теоретически, и политически. Революционное движение вообще, и русское особенно, давно и однозначно определило свое резко отрицательное отношение к террору как форме революционной борьбы.

Именно империализм в первую очередь заинтересован в том, чтобы отождествить революционные и национально-освободительные движения с международным терроризмом. Это позволит ему на «законных» основаниях повсеместно преследовать борцов за социальное и национальное освобождение. Но и прогрессивные силы попадут в коварную политическую и идейную ловушку, если признают в террористах борцов за свободу.

Нет, настоящие народные революции так не делаются. Чтобы не попасть в ловушку, следует осознать, что современное явление, именуемое «международным терроризмом», — одна из новых страшных угроз, которые несет человечеству именно империалистическая глобализация. Это ее неизбежный спутник и один из многих практикуемых мондиализмом методов всемирного геноцида.

Международный терроризм есть оборотная сторона, изнанка мирового империализма — порождение, прямое продолжение и неотъемлемая часть «нового мирового порядка», империалистического глобализма. «Цивилизованное человечество», «международное сообщество» и прочие благоглупости сегодня не более чем псевдонимы империализма, возглавляемого Соединенными Штатами.

Да, терроризм — страшная угроза человечеству. Но империализм не менее страшен. Более того, это угроза первичная. Главный международный террорист сегодня — США. Примеров откровенно террористических действий США хоть отбавляй.

Кроме того, только полные профаны могут не понимать, что все террористические организации так или иначе находятся под контролем западных спецслужб. И тот, кто закрывает на это глаза, есть либо лицемер, либо страус, прячущий голову в песок.

Не менее пошлы и бесполезны причитания о недопустимости «двойных стандартов» в оценке фактов вооруженной борьбы. Вспоминается, как российское руководство просило Америку признать, что чеченские сепаратисты — такие же террористы, как и люди бен Ладена. Такие же, да не такие! Ведь чеченские боевики действовали и действуют в ущерб России, а, следовательно, в соответствии с американскими интересами. Выходит, для США они не террористы, а повстанцы.

Полностью солидарны с таким подходом и западноевропейские страны, демонстративно пропускающие мимо ушей все требования Москвы о выдаче извест-

ного чеченского сепаратиста и террориста А. Закаева. Авторам подобных просьб невдомек, что «двойные стандарты» — это и есть конкретно-исторический, социальный и классовый подход, без которого политика превращается в бессистемную трепологию об «общечеловеческих ценностях».

Терроризм и законные методы ведения вооруженной борьбы

«Террор» и «терроризм» — термины крайне одиозные и демонизированные (причем не всегда бескорыстно) в современную эпоху. Чтобы охарактеризовать ту или иную вооруженную акцию как терроризм, то есть уголовное преступление, необходим конкретный правовой анализ каждого отдельного случая. В разных условиях одна и та же акция может быть расценена и как терроризм, и как диверсия, лежащая в русле действий партизанской войны.

Кто такая Зоя Космодемьянская, героически отдавшая свою юную жизнь за Советскую Родину? Террористка или партизанка? Фашисты повесили ее как террористку. Так что решающий признак терроризма как уголовного преступления — не в формах вооруженного насилия, а в его социальном и политическом содержании. И здесь «двойные стандарты» не то что нежелательны, но, наоборот, крайне необходимы.

Мы против терроризма как уголовного преступления. Но убийство насильника в ситуации необходимой самообороны не есть уголовное преступление. Насилие вообще далеко не всегда признается уголовным преступлением.

Сам по себе терроризм есть не более чем одна из форм ведения вооруженной борьбы наряду, например, с войной. И в качестве таковой формы он обладает рядом специфических черт. Однако в оценке конкретных актов террора должны учитываться не только эти черты, но и конкретные социальные цели, социальное и политическое содержание того или иного акта. Лишь такой комплексный подход позволяет верно судить о существовании любого явления.

Так, русские социал-демократы (и большевики, и меньшевики) в полемике сначала с народовольцами, а позже с эсерами многократно заявляли и подчеркивали: «Мы против терроризма как средства ведения революционной борьбы. Но не потому, что нам жаль погибших царских сатрапов, а потому, что такое средство не ведет к победе, а, наоборот, препятствует ей». Словом, «мы пойдем другим путем».

Не помогут понять и уяснить суть происходящего банальные и лицемерные фразы о том, что решать политические проблемы, добиваться политических целей военно-силовыми методами нельзя. Ну а как быть, если сторона, к которой предъявляются требования, плевать хотела на «политические средства»?

Поборникам прогресса не стоит зарекаться от применения насилия против социальной реакции, угрожающей существованию человечества. И категорически недопустимо огульно подводить любое вооруженное выступление за национальное и социальное освобождение под юридическую категорию терроризма, то есть уголовного (политического или военного) преступления. Если стоять на точке зрения, не допускающей актов возмездия, это значит страдать «юридическим кретинизмом» самого примитивного пошиба.

Вот очевидный пример. В годы Великой Отечественной войны белорусские партизаны в точном смысле слова терроризировали немецко-фашистских оккупантов. Вызовет ли у кого-то этот факт нравственное отторжение, моральный протест и требование юридического преследования? Ясно, что такое можно ожидать только со стороны крайних лицемеров, намеренно путающих все моральные и правовые понятия. Такого рода террор, когда земля горит под ногами у агрессора, у оккупанта, не противоречит нравственному чувству нормального человека и гражданина. А если переложить аналогичную коллизию на землю Палестины, что получится?.. Приравнивать борцов за

национальное освобождение к международным террористам — значит глумиться над истиной и здравым смыслом. Это значит злонамеренно смешивать понятия террора с партизанской войной и диверсиями, признаваемыми международным правом законными методами ведения войны.

Террор и война, терроризм и милитаризм — ближайшие социально-политические родственники. Роднит их то, что в основе обоих явлений лежит убийство (увечье) противника без суда и следствия. Различие же заключается в том, что если война преимущественно нацелена на уничтожение живой силы противника, то основной целью террора являются запугивание и деморализация противника. Террор есть устрашение посредством насилия. Понятно, что грань между террором и войной весьма зыбка и подвижна — война может нередко переходить в террор на сословной, классовой, религиозной, национальной, расовой основе и наоборот.

Особенно известен в истории классовый террор, которым сопровождаются гражданские войны, — террор революционный и контрреволюционный. Некоторые полагают, что поскольку гражданская война — война классовая, она не знает линии фронта в традиционном смысле слова. Подобно тому, как на «обычной» войне всякий, находящийся по другую сторону линии фронта и одетый во вражескую форму, подлежит уничтожению или взятию в плен, в гражданской войне всякий, принадлежащий к враждебному сословному, классовому лагерю, подлежит уничтожению или пленению.

Такой взгляд на сущность классовой борьбы пытались культивировать примкнувшие к Великой Октябрьской социалистической революции мелкобуржуазные элементы. Так, например, М. Лацис (Судбарс), в 1918 году видный чекист Восточного фронта, писал в казанском журнале «Красный террор» о критериях, по которым подлежит уничтожению классовый враг: «Не ищите в деле обвинительных улик о

том, восстал ли он против совета оружием или словом». Главное, по его мнению, принадлежность данного индивида к дворянскому или купеческому словию...

Кстати, нынешние обличители «ужасов большевистской революции» узнали об этих словах, как и вообще о существовании этого малотиражного журнала, исключительно из 37-го тома Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Однако умолчали о том, что подобные взгляды встретили не одобрение, а резкий отпор Ленина и были названы им нелепостью.

Даже в условиях Гражданской войны нелепо судить о ком-то лишь по его принадлежности к враждебному классу. Человек виновен только в том случае, если совершил конкретное преступление. Таков принцип любой законности, а тем паче законности революционной. В нем Ленин был убежден и твердо отстаивал его на практике. Ровно через год после революции, 8 ноября 1918 года, в условиях разгорающегося пожара Гражданской войны VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов принял постановление о революционной законности, в основу которого была положена записка Ленина «Набросок тезисов постановления о точном соблюдении законов». Ввиду того, что именно вопрос об отношении большевиков к законности подвергся наибольшему извращению, этот ленинский документ заслуживает быть воспроизведенным здесь полностью:

«I. Законность должна быть повышена (или строжайше соблюдаема), ибо основы законов РСФСР установлены.

II. Экстренные меры войны с контрреволюцией не должны ограничиваться законами при условиях:

(а) точное и формальное заявление соответствующего советского учреждения или должностного лица о том, что экстренные условия гражданской войны и борьбы с контрреволюцией требуют выхода из предела законов;

(b) немедленное сообщение такого заявления в СНК, с копией для местных и заинтересованных властей.

III. При всех конфликтах или трениях, или недо-разумениях, или спорах о пределах ведомства и тому подобное между должностными лицами или учреждениями Советской власти — все эти лица и учреждения обязаны немедленно составить самый краткий протокол с обязательным указанием даты, места, имен должностных лиц или названия учреждения и кратчайшего указания (не изложения) сути дела. Копия протокола обязательно передается другой стороне.

IV. Такие же краткие протоколы обязано составить каждое должностное лицо или учреждение Советской власти, если любой гражданин Республики обжалует какое бы то ни было мероприятие (или волокиту...) этого должностного лица или учреждения. Копия обязательно сообщается жалующемуся гражданину, а другая высшему учреждению.

V. За явно неосновательное, грубым злоупотреблением являющееся, требование протокола грозит преследование по суду.

VI. Отказ в выдаче протокола с ясно написанной фамилией должностного лица является тяжким преступлением по должности».

Слуга двух господ

Взаимопроникновение спецслужб и террористических организаций вплоть до их сращивания — один из неизбежных спутников и отличительных признаков терроризма. Немало тому примеров знает отечественная история.

Кем был, например, агент-provокатор Азеф, руководитель боевой организации партии социалистов-революционеров — представителем Охранного отделения в рядах эсеров или представителем эсеров в охранке? Но кем бы ни был Азеф, боевая организация являлась орудием в руках охранки, которая решала свои собственные задачи, не имевшие ничего обще-

го с задачами эсеров. Такие, например, как убийство Столыпина руками агента Киевского Охранного отделения Богрова.

Судьба всех тайных террористических организаций одна — рано или поздно они превращаются в оружие (чаще слепое, нередко и зрячее) в руках спецслужб, в оружие провокации и достижения грязных целей. Спецслужбы овладевают террористическими организациями как путем проникновения в них, так и путем их создания. Террористы всегда действуют так или иначе под контролем спецслужб. Бен Ладен, например, объявленный Белым домом главным врагом всего рода человеческого, обрел свою нынешнюю мощь не без американской помощи.

Ливийский лидер Муамар Каддафи как-то заметил, что Усама вовсе не «террорист номер один», как его пытаются представить западные СМИ, он всего лишь «агент ЦРУ номер один». В исламском мире Каддафи — человек весьма осведомленный. Он знал, что говорил. Для такого утверждения есть все основания.

Отправной точкой феерического взлета карьеры бен Ладена стала борьба против советского военного присутствия в Афганистане. Тогда, в начале 1980-х годов, при покровительстве главы саудовской спецслужбы Турки аль-Фейсала, молодой Усама, разбогатевший на строительных подрядах, стал создавать в различных странах Ближнего и Среднего Востока вербовочные пункты для набора моджахедов, готовых воевать с «Красным Шайтаном» в Афганистане. За спиной аль-Фейсала уже тогда маячила тень ЦРУ, в дальнейшем активно поддерживавшего все антисоветские начинания исламских фундаменталистов.

Организация бен Ладена первоначально получила название «Мактаб аль-Хидмат» (МАХ), в переводе — «Бюро обслуживания». Ее центральный офис был открыт в Пакистане, в Пешаваре. Уже в самом начале Усама потратил на становление МАХ 45 миллионов долларов. Организация делилась на два отдела: «Бейт

аль-Ансар» и «Бейт аль-Каида», которые занимались идеологической и военной подготовкой наемников-добровольцев.

Чтобы оценить размах деятельности МАХ, достаточно сказать, что только через одно нью-йоркское отделение этой организации было завербовано более 200 человек, в основном американцев арабского происхождения. При вербовке каждому наемнику вручалось на личные расходы 180 долларов. Ежемесячная «зарплата» боевика составляла от 300 до 1500 долларов. Для большинства нищих жителей Пакистана, Йемена или Иордании это было огромной суммой.

Вскоре, уже под прямым патронажем Вашингтона, бен Ладен создал региональную «благотворительную» организацию, получившую название «Исламский фонд спасения». Фонд этот, по расчетам ЦРУ, должен был стать одним из главных проводников исламского экстремизма суннитского толка. Таким образом, по мысли стратегов из Лэнгли, Америка убивала сразу двух зайцев: усиливала антисоветское идеологическое влияние в Афганистане и республиках Средней Азии, одновременно вытесняя из этого региона влияние враждебного США шиитского Ирана.

Наконец в конце 1980-х годов на базе «Исламского фонда спасения» и была создана организация под названием Аль-Каида (Основа), которую теперь Вашингтон объявил своим главным врагом! Вот уж, воистину, тот случай, к которому в полной мере приложима известная поговорка: нечем заняться — создай себе проблему и затем героически преодолевай ее последствия...

Аль-Каида вобрала в себя все структуры и ресурсы прежних организаций бен Ладена. Пользуясь благосклонностью ЦРУ, она очень быстро переросла региональные рамки и распространила свою деятельность на весь мир.

Радикальные исламские «революционеры», целые фундаменталистские группировки со всех концов земли устремились под гостеприимный кров бен Ла-

дена. Сам он провозгласил, что намерен «пожертвовать свое богатство рыцарям, которые никогда меня не разочаровывали, которые никогда не насытятся смертью. Они сражаются с улыбкой, простые люди в мирной жизни и демоны на войне...».

После вывода советских войск из Афганистана и последовавшего затем распада СССР агрессивная политика США стала вызывать в мусульманском мире все большее раздражение. В результате американские спецслужбы очень быстро утратили контроль над своим бывшим ставленником, и Аль-Каида отправилась в самостоятельное плавание.

Но неудача с бен Ладеном мало чему научила покровителей экстремистов из ЦРУ. В Лэнгли по-прежнему считали, что мусульманский фундаментализм должен сыграть важную роль в борьбе США за мировое господство.

С помощью своих «отмороженных» подопечных американцы пытались осуществить одновременно несколько задач. Считалось, например, что наличие радикальных мусульманских организаций, постоянно угрожающих собственному правительству, обвиняющих его в предательстве и продажности, поможет сделать более сговорчивыми политические элиты в тех странах исламского мира, где они тяготеют к светской форме правления и западным ценностям.

Другой важной задачей, в решении которой должны были помочь Вашингтону религиозные фанатики и беспринципные террористы, стало «утверждение геополитического плюрализма на постсоветском пространстве», или, проще говоря, максимальное ослабление российского влияния в странах СНГ. Ну и, наконец, разжигание межрелигиозной вражды казалось спецам из ЦРУ подходящим средством для стимулирования в нашей стране сепаратизма. Таким образом предполагалось связать Россию изнуряющими внутренними конфликтами и практически устранить ее от решения ключевых вопросов международной политики и нового мироустройства.

Примерами этой безумной политики напичкана вся политическая история США конца XX века. Так, скажем, в Алжире (в то время как боевики из так называемых Вооруженных исламских групп путем жестоких терактов и массовых убийств мирных жителей стремились развязать кровавую гражданскую войну, а государственная власть, как могла, сдерживала их натиск) официальный Вашингтон не раз устами президента Клинтона осуждал «нарушения прав человека алжирскими властями». Неудивительно, что в середине 1990-х годов в различных изданиях, выпускавшихся исламистами (в Египте, например), можно было найти самые положительные, восторженные оценки внешнеполитической деятельности США, связанной с проблемами радикального ислама.

Америка усиленно раздувала пожар фундаментализма повсюду, где только считала это соответствующим своим «национальным интересам». Именно покровительство Соединенных Штатов боснийским мусульманам, чей лидер Алия Изетбегович неоднократно провозглашал самые радикальные лозунги, спровоцировало многолетнюю и кровавую боснийскую войну. Прямая защита Вашингтоном террористов из албанских исламистских организаций стала причиной беспрецедентно циничной агрессии НАТО против православной Сербии, породила македонский кризис, привела к провозглашению независимости Косово.

В Чеченском конфликте Вашингтон тоже сознательно занял антироссийскую позицию поощрения сепаратистов. Террористы Басаева и Хаттаба взрывали в Москве дома, убивали мирных жителей — стариков, женщин и детей, а в Госдепе США открыто принимали эмиссаров «независимой Ичкерии» и не переставали бубнить о необходимости «политических переговоров» с бандитами. Надеясь на собственную неуязвимость, США пытались извлечь максимальную пользу из взаимного ослабления своих главных геополитических конкурентов. Что из этого вышло, весь мир увидел 11 сентября 2001 года...

Чечня — генеральная репетиция

Особая историческая судьба России предопределена тем, что в силу своего географического положения и размеров, многонациональности и многоконфессиональности, она сосредоточивает в себе противоречия, свойственные миру в целом. Причем эти противоречия Россия переживает подчас раньше, чем остальной мир.

В современной России борьба кланов с применением террористических методов — бытовое, повседневное явление. Чеченская война стала миниатюрной внутрироссийской моделью этой новой мировой войны. Социально-экономическое содержание обеих чеченских войн — то же, что и процессов, происходивших в России в целом. Это борьба за раздел и передел собственности. Разница лишь в формах борьбы, а не в сути. Такая же бандитская разборка с максимальным вовлечением в нее государственных силовых структур.

В то время как организаторы такой политики отсиживались за высокими заборами под защитой вооруженной до зубов охраны, рекой лилась кровь ни в чем не повинных людей. Варварские взрывы в Каспийске, Владикавказе, Буйнакске, Волгодонске, Москве, трагедии в Беслане и в Театральном центре на Дубровке, страшные теракты в метро унесли сотни жизней.

Реальные причины воцарившегося в стране невиданного террористического и криминального беспредела — следствие либерально-демократических преобразований, которые продолжаются до сих пор. Тот же чеченский «сепаратизм» взращен и вскормлен правящим режимом.

Много толков было о том, что действующих в России террористов направляют и финансируют из-за рубежа. Кое-кто с радостью ухватился за эту версию, предпочитая сделать ее основной. И это явное лукавство. Заграничный след реален, но только не следует превращать его в спасительную индульгенцию для правящего режима. Международные бандиты хлыну-

ли в Россию не наобум, а только после того, как убедились, что почва для них взрыхлена и удобрена.

Пока не преодолены глубокие социальные причины терроризма, справиться с ним невозможно. Свидетельство тому непрекращающиеся террористические акты на Северном Кавказе, в частности, разгул терроризма в Дагестане и в других регионах страны. Например, по данным Прокуратуры РФ, в Северо-Кавказском федеральном округе в 2010 году число экстремистских преступлений выросло более чем в четыре раза.

В этой связи полезно обратиться к опыту Франции — последней европейской страны, пережившей в начале 1960-х годов массированную атаку политического терроризма. Террористическую войну вела так называемая Секретная армейская организация (ОАС), протестовавшая против предоставления независимости Алжиру. Ее костяк составляли профессиональные военнослужащие Иностранного легиона (не только французы, но и многочисленные наемники из других стран), имевшие огромный опыт ведения боевых действий в Алжире и Индокитае.

После провала путча в Алжире в 1961 году ОАС перешла к тактике массового террора как в Алжире, так на территории Франции. Пик террористических актов пришелся на 1962 год. Практически ежедневно в местах массового скопления людей — кафе, кинотеатрах, универмагах — гремели взрывы пластиковых бомб. Были моменты, когда в Париже взрывалось до трех — четырех таких бомб ежедневно.

Ответные действия французских властей могут считаться образцом ведения антитеррористической борьбы. При этом функционирование всех конституционных демократических институтов власти было сохранено. Президент, правительство и парламент взаимодействовали в обычном режиме. Чрезвычайное положение не вводилось.

Да, конечно, все французские спецслужбы действовали в высшей степени слаженно, профессио-

нально и предельно жестко, в результате чего ОАС была полностью разгромлена уже к концу 1962 года. Однако успех был достигнут не только благодаря работе сугубо силовых ведомств. Он был бы абсолютно недостижим без целого ряда пропагандистских, политических и социальных мероприятий президента де Голля. К ним в первую очередь следует отнести следующие:

1. Активнейшая контрпропаганда в рядах противника и среди населения, апеллирующая к фундаментальным общенациональным ценностям и национальной гордости французов. В критические моменты — введение элементов цензуры в СМИ.

2. Эффективная социальная помощь составлявшим главную питательную среду для террористов нескольким миллионам алжирских французов, вынужденных переселиться из Алжира на историческую родину. Трудоустройство, жилье, пособия и т. д.

3. Политика экономического роста, усиление государственного регулирования экономики вплоть до национализации ряда ключевых отраслей промышленности, прежде всего в сфере машиностроения и высоких технологий.

4. Укрепление обороноспособности страны, масштабная модернизация вооруженных сил, оснащение их новейшими типами вооружений. Именно в эти тревожные и нестабильные годы была создана французская атомная бомба.

5. Укрепление внешнеполитической независимости и государственного суверенитета Франции. Именно в 1966 году Франция вышла из военной организации НАТО, из состояния «холодной войны» с Советским Союзом и восстановила с ним традиционные дружественные отношения.

6. Четкая и честная опора верховной власти на народное мнение и волеизъявление. Де Голль не только сформировал конституционные устои демократии, но и уважал их. Несмотря на формальную сверхавторитарность конституции Пятой республики, дающей

президенту огромные полномочия, правительство всегда формировалось парламентским большинством. Крупные государственные мероприятия выносились президентом на одобрение референдума. И когда в 1969 году одно из его предложений не получило народной поддержки, де Голль добровольно ушел в отставку, обеспечив законную демократическую передачу власти своему преемнику.

Вот вам практически готовая программа борьбы с экстремизмом и терроризмом!

Но наших поклонников «достижений мировой цивилизации» она, естественно, не интересует. Поэтому раковая опухоль сепаратизма и терроризма только разрастается. Активно действуют могущественные силы, заинтересованные в дальнейшем разжигании войны в Кавказском регионе, наживающие на ней несметные прибыли.

Что можно сделать в подобных обстоятельствах?

Не просто рубить «вершки», то есть пресекать терроризм силовыми средствами. Гораздо важнее выпалывать «корешки» — устранить его социальную базу и причины.

Где искать корни терроризма?

Сказанное выше полностью применимо к общемировой ситуации. Никакие силовые акции США и их союзников, сколь бы мощными и продолжительными они ни были, не смогут искоренить терроризм. Борьба с международным террором станет эффективна только если будет направлена на искоренение глубинных причин, порождающих это страшное явление. Сами причины, вызвавшие в течение последнего десятилетия всплеск международного терроризма, можно разделить на глобальные, геополитические, экономические, правовые, расовые и религиозные.

Важнейшей глобальной причиной современного кризиса является беззастенчивое и агрессивное стремление Запада к мировому господству, попытка Вашингтона навязать всему человечеству несправед-

ливую, дискриминационную модель «глобализации по-американски».

Главной геополитической причиной нынешнего разгула международного терроризма стал развал СССР, вызвавший фундаментальную дестабилизацию всей мировой системы безопасности и породивший, с одной стороны, «вакуум влияния» на огромных пространствах, тяготевших ранее к советскому геополитическому блоку, а с другой — опасные иллюзии США о возможности форсированного достижения единоличного «глобального лидерства».

Экономической основой глобальной нестабильности современного мира является искусственно насаждаемый и поддерживаемый Западом беспрецедентный разрыв в уровне социально-экономического развития между странами «золотого миллиарда» и остальным человечеством. В основе этой беспрецедентной несправедливости лежит крайне неравномерный доступ различных стран и народов к природным, информационным и иным ресурсам развития. Уже сейчас граждане так называемых «развитых стран», составляющие менее 20 % мирового населения, потребляют более 70 % производимой на планете энергии, 75 % обработанных металлов и 85 % деловой древесины.

Международно-правовые причины разразившегося кризиса тоже вполне очевидны. Это в первую очередь демонстративное попрание Соединенными Штатами норм международного права, которые стесняют их глобальные имперские амбиции и мешают американским «ястребам» осуществлять незаконно присвоенные себе функции «мирового жандарма».

Наиболее пагубную роль играет игнорирование американцами и их союзниками по НАТО Устава ООН, неприкрытое упование на «право силы», позволяющее им произвольно «назначать» суверенные, независимые страны «изгоями» и объявлять источниками международного зла целые народы. Плоды такой безответственной политики в полной мере уже ощути-

ли на себе Ливия и Иран, Судан и Сомали, Югославия и Македония, Ирак и Афганистан.

Не менее губительное воздействие на систему международной безопасности и стратегической стабильности оказывают расширение НАТО на Восток. Это дает России полное основание считать, что Запад во главе с США осознанно и целенаправленно производит последовательный демонтаж всей международно-правовой системы, на которой базировалась наша национальная безопасность еще со времен разгрома фашизма. Оставить такую угрозу без внимания российское руководство не имеет права — это было бы преступлением перед собственным народом.

Не являются секретом расовые причины ненависти, которая питает международный терроризм. Подавляющее большинство народов и государств сегодня считает главным источником расовой дискриминации и ксенофобии США и западные страны, веками проводившие политику нетерпимости и апартеида по отношению к покоренным племенам своих обширных колоний.

Главной религиозной причиной глобальной нестабильности является агрессия бездуховного западного либерализма, враждебного нравственным ценностям и святыням всех без исключения мировых религий. Спросите православного священника или мусульманского муллу — они в один голос скажут вам, что именно Запад является главным растлителем душ их разноязыкой паствы.

Удивительно ли, что такая экспансия Запада порождает ответную реакцию, которая в некоторых исламских странах, в условиях повальной нищеты и политической нестабильности приобретает крайние, экстремистские формы?

Оба хуже!

Действительную угрозу государственной и территориальной целостности России представляет не отдельно взятый терроризм, а схватка центральных и

региональных криминально-олигархических кланов. Именно они, а вовсе не народы, ведут междоусобную, в точном смысле слова, империалистическую войну за раздел и передел России.

Мировая ситуация ничем принципиально не отличается от внутрироссийской. США втягивают весь мир в такую же авантюру, в какую втянута Россия на Кавказе. Ближайшая внешнеполитическая задача — остановить втягивание России в новые войны в ущерб ее коренным геополитическим интересам.

Объединяться с империализмом против терроризма — такой же абсурд, как объединяться с северным магнитным полюсом против южного. Пока существует империализм, будет существовать и терроризм. И никакие военные схватки между ними, никакая «победа» империализма над терроризмом не принесут человечеству ни мира, ни справедливости, ни благополучия. Наоборот, человечество все дальше будет втягиваться в новую мировую войну, пока не поймет, что оба дерущихся — в равной мере его смертельные враги.

Вопрос не в том, «на чью сторону встать — на сторону террористов или на сторону НАТО», как в свое время ставил его президент США Буш. Он публично заявлял, что «гнев подсказал правильное решение: каждая страна должна сделать выбор — либо она с нами, либо с террористами». Но проблема в другом — как изменить мировые общественные отношения, чтобы из них не рождались такие уродливые и смертельно опасные для человечества явления, как государственный терроризм США и НАТО, как дикие акции экстремизма — симптом наступления нового варварства. Силы мира и прогресса обязаны обратиться против них обоих, как близнецов-братьев. Их борьба — это симптом саморазрушения глобализма и мондиализма.

Именно с этих позиций может быть сформулирована задача для России, да и для всего человечества, не дать втянуть себя в процесс саморазрушения «нового мирового порядка» в качестве «пушечного мяса».

Всякое иное решение прямиком ведет к глобальной катастрофе.

Вот тот действительно реальный оселок, на котором испытываются сила и идейная зрелость нарастающего антиглобалистского движения. Оттого, как пройдет оно, это испытание, зависит судьба человечества на десятки и сотни лет вперед.

Да, антитеррористический фронт жизненно необходим человечеству. Но нужно при этом понимать: он может быть только антиимпериалистическим. Или его не будет вовсе.

Раздел третий

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Глава первая

ВЫБОР ПУТИ

«Двухполюсный» мир недавнего времени опирался на неустойчивое равновесие противостоящих социально-экономических систем — мирового империализма и мирового социализма. И, как ни парадоксально, этот реальный баланс, основанный на глубокой внутренней конфронтации, был более прочен и более перспективен для мирного, ненасильственного развития человечества, разрешения его противоречий, чем мнимый «баланс», основанный на лицемерных декларациях о приверженности «общечеловеческим ценностям». Первый был основан на действительной силе, а второй не основан ни на чем существенном, что принималось бы во внимание в мировой политике. Ведь именно социализм как мировая сила не позволил процессу империалистической глобализации полностью свернуть на фашистскую дорожку.

Глобализм — это псевдосближение и псевдоединство. На самом деле он культивирует раскол и антагонизм, в первую очередь в экономике и политике. Недаром же он метко назван «новым апартеидом». Глобализм — единство мира неорганическое (грубое,

механическое), поэтому для его поддержания у империализма все чаще не находится иных средств, кроме насилия. Насилие и войны вытекают из внутренней природы глобализма.

Сегодня этот процесс создал на планете качественно новую обстановку. Ныне быстро меняется содержание международных отношений и мировой политики, меняются их субъекты. Новизна ситуации в том, что современные международные отношения и мирохозяйственные связи — это уже не только отношения между государствами и блоками государств.

Суверенные национальные государства, а также их экономические, политические и военные блоки не являются более единственными субъектами мировых отношений, мировой политики. На арену выходят новые «игроки». Наряду с государствами в мире энергично действуют не знающие государственных или культурно-цивилизационных границ глобальные силы со своими интересами, далеко не всегда совпадающими с интересами отдельных государств. Более того, сами национальные государства все чаще выступают на международной арене не в качестве суверенных субъектов международных отношений, а как орудия в руках этих глобальных сил. Происходит эрозия государственного суверенитета. Это касается не только стран-пролетариев, но и стран-эксплуататоров, не исключая США.

Цель глобалистов: нагнетая психоз и перманентную военную истерию в мире, гарантировать Западу полное превосходство и привилегированное положение.

Стремительно стали расти порожденные и выпестованные Западом силы разрушения и фанатичной ненависти. Они тоже готовы на любое преступление во имя самоутверждения. И в этом качестве нужны Западу как оправдание его гегемонистской политики, насильственной глобализации мира.

Потому каждый честный человек сегодня задается вопросом: что сделало возможным сползание человечества к новой катастрофе — к новой мировой войне?

Как ее избежать? Чем можно предотвратить глобальное закабаление мира? Обречено ли человечество на печальную судьбу, уготованную ему западными творцами «нового мирового порядка» и обслуживающими их интересы идеологами? Ответ однозначный: нет! В истории не бывает фатальных неизбежностей.

Да, глобализация — это объективный, необходимый процесс, сопровождающий человечество на всем протяжении истории. Но вместе с тем это процесс общественный, протекающий в деятельности и взаимоотношениях индивидов, социальных групп, слоев, классов, наций, цивилизаций. Он связан непосредственно с их целями и интересами. И это диктует особую методологию его изучения, овладеть которой можно лишь обратившись к классическому марксистско-ленинскому теоретическому наследию.

Марксист, писал Ленин, «не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость».

Развивая этот тезис, Ленин пришел к выводу огромной принципиальной важности: пути реализации исторической необходимости «по природе своей» многообразны. История задает преимущественно вопрос не о том, «быть или не быть», а о том, «как именно быть». Она не знает однозначного, заранее жесткого predetermined развития событий. Одному и тому же объективному процессу могут давать содержание разные общественно-экономические формации. Одну и ту же необходимость могут определять разные классы и социальные группы. И в зависимости от этого крупнейшие общественные проблемы могут разрешаться разными путями. Общественная борьба ведется из-за того, какой именно из этих путей развития возобладает.

Что такое современные глобальные проблемы — явление, возникшее из «прогресса вообще», или оно связано с вполне определенными общественными от-

ношениями? Этот вопрос тщательно обходится и замывается буржуазными теоретиками глобализации. Откуда, например, происходит хищнический, расточительный характер современного индустриального производства, ведущий к ресурсному и экологическому кризису? Присуща ли эта особенность «производству вообще» или она вытекает из подчинения материального производства рыночным законам извлечения максимума прибыли, законам накопления капитала, не знающего пределов в своем стремлении к возрастанию?

Глобальные проблемы — общие для всего человечества. Однако порождены они не всем человечеством, взятым как целое, а конкретной социально-экономической формацией — капитализмом, группой наиболее развитых капиталистических стран. Так возникает следующая дилемма. Либо все человечество должно отдуваться за капитализм, решая за свой счет его проблемы, либо сам капитализм превратится для человечества в проблему, угрожающую его благополучию и даже существованию.

Во второй половине XX века мировая общественность осознала и закрепила это прозрение в декларациях международных форумов, в первую очередь на конференции ООН в Рио-де-Жанейро 1992 года: распространение на весь мир западной модели производства и потребления невозможно ввиду ресурсных и экологических ограничений. Из этого бесспорного факта следует, что, поскольку западная модель в глобальном масштабе нереализуема, человечеству следует искать иной способ существования и развития. Назовем этот гипотетический способ «устойчивым развитием» — термином, столь же широким и нейтральным, как и глобализация. Но что дальше?

А дальше оказывается, что из одного бесспорного факта могут быть сделаны и делаются совершенно разные, даже диаметрально противоположные социальные и политические выводы. Концепция устойчи-

вого развития может иметь совершенно разные интерпретации.

Один из возможных выводов исходит из того, что Мальтус был в принципе прав: «закон убывающего плодородия почвы» непреложен, второе начало термодинамики универсально. Поэтому решение состоит в том, что западная модель производства и потребления должна быть сохранена только в странах «золотого миллиарда», а остальному миру придется пойти на жертвы. Идеи Римского клуба сводятся в конечном счете к идее количественного сдерживания развития производительных сил в прежних качественных, капиталистических, рамках. Таким образом, безудержный буржуазный прогрессизм, бесконечная потребительская гонка имеют своей изнанкой глубокий исторический и технологический пессимизм, выражением которого и служит концепция «конца истории».

Другой возможный вывод заключается в том, что западная модель производства и потребления должна быть преодолена, снята. Общественный прогресс должен обрести качественно новое измерение.

Вариантов развития, обусловленных противоположными социально-классовыми интересами, на мой взгляд, всего два.

Первый сводится к ограничению или даже прекращению роста уровня мировой экономики при консервации нынешней структуры производства, распределения и потребления. Он рассчитан на то, чтобы увековечить деление человечества на «золотой миллиард» и эксплуатируемую им периферию, установить глобальное господство развитых капиталистических стран с помощью «нового мирового порядка».

Второй путь предполагает неуклонное повышение уровня благосостояния всего населения Земли при обязательном сохранении глобального экологического равновесия на основе качественного изменения производительных сил, способа производства и потребления, гуманистической переориентации научного и технологического прогресса.

Человечество на протяжении всей своей истории движется к единству, к интеграции. Это естественный, преодолимый процесс. И не менее естественно, что на разных исторических этапах интеграция принимает разные, в том числе и альтернативные, формы. История знает тому не один пример.

Глобализация в том виде, в каком ее пытаются реализовать сегодня творцы «нового миропорядка», — с Интернетом, Международным валютным фондом, «золотым миллиардом» привилегированных потребителей и «гуманитарными интервенциями» НАТО — явление сравнительное молодое. Будучи порождением научно-технической революции, оно возникло на ее гребне во второй половине XX века.

Возможно, нынешние архитекторы «нового мирового порядка» искренне уверены, что, перекраивая мир по своим либеральным лекалам, они, подобно языческим богам-демиургам, творят новую Вселенную, идут, как первопроходцы, новыми, неизведанными путями. Но это не так.

По ходу исторического развития человечества рождались и умирали великие империи, расцветали и гибли могучие культуры, достигали вершин величия и славы государства и народы, обращаясь затем в прах. Эти могучие цивилизации, эти обширные культуры потому и остались в нашей памяти, потому и заслужили у потомков название великих, что каждая из них предлагала человечеству свой универсальный проект устройства. Таковы, к примеру, древнеперсидский, македоно-эллинистический, римско-имперский, халифатский, западно-христианский, монгольский, восточно-христианский и другие проекты глобализации...

Каждый из этих проектов прошлого опирался на ограниченную экономическую и техническую базу и стремился распространить свое влияние лишь на доступную и обозримую (в определенной эпохе) часть мира, или Ойкумену, как говорили древние греки. Но только расширение Ойкумены до пределов земного

шара придало интеграционным процессам подлинно глобальный характер и превратило уже весь мир, а не ограниченную его часть, в арену соперничества альтернативных путей глобализации.

История социальной и политической борьбы XX века наглядно продемонстрировала, что на современном этапе интеграция человечества может происходить в двух разных формах — в форме империалистической глобализации и в форме социалистической интернационализации, которые противоположны друг другу практически во всех сферах и измерениях общественной жизни: в экономике, в политике, в международных и межгосударственных отношениях, в государственном строительстве, в жизни наций, в науке, в культуре и искусстве и т.д.

Соперничество этих двух форм (тенденций) и образует ключевое содержание современного исторического процесса. Начало новой альтернативы было положено победой Великой Октябрьской социалистической революции в России. Она открыла человечеству перспективу пути в социалистическом, коммунистическом направлении.

Таким образом, глобализация — процесс неоднозначный и многовариантный. Однако разобраться в этих вариантах невозможно, если оставаться на уровне понимания глобализации, господствующем в современной западной литературе.

Согласно историко-материалистическому пониманию общественного прогресса, основной и определяющей мировой тенденцией, пронизывающей все ступени развития человеческого общества, движущей силой его все более глубокой и всесторонней интеграции является процесс обобществления труда.

Сущность данной экономической категории всесторонне освещена в трудах Маркса и Ленина. Ряд ее аспектов применительно к современной эпохе мы попытаемся выяснить.

Весомейший вклад в усиление обобществления труда вносит капиталистический способ производ-

ства. Более того, капитализм сам создает предпосылки для дальнейшего продолжения этого процесса уже иным, свободным от эксплуатации человека человеком и классового антагонизма, путем. Как формулирует этот тезис Ленин, «обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма».

Итак, наиболее общее определение совокупности современных явлений, обозначаемых термином «глобализация»: капиталистическая форма обобществления труда, достигшая всемирного масштаба.

Историческая миссия капитализма состоит в том, что он ликвидирует изолированность, ломает перегородки и тем самым создает объективные предпосылки развития всесторонних связей и отношений между народами. Но вместе с тем он накладывает на них свою глубокую печать. Все больше проявляет себя тенденция к замене многообразия общественных связей и отношений одной-единственной универсальной связью — денежной. «Буржуазия, — сказано в “Манифесте коммунистической партии”, — не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного “чистогана”».

Капиталистический способ производства создает материальные предпосылки подлинно всемирной, «глобальной», истории. Но дальше — неизбежная развилка. Между империалистическим глобализмом и социалистическим интернационализмом есть существенная, принципиальная разница. Ибо глобализм строится на всевластии капитала, а интернационализм — на всевластии труда.

Однако существуют альтернативные формы обобществления труда. В современную эпоху оно может происходить либо в форме все более жесткого под-

чинения труда капиталу, либо в форме освобождения труда из-под власти капитала.

Глубочайшее, всемирно-историческое содержание этой альтернативы станет ясно, если вспомнить, что в марксистском понимании категории труда и капитала по своему содержанию значительно шире их традиционной узко экономической интерпретации. Труд есть прежде всего родовой признак человека, способ его существования, развития — индивидуального и общественного. Его сущностью является не простая затрата энергии, а творчество. Так, согласно К. Марксу, всеобщий труд есть «всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение».

Капитал же — это овеществленный, мертвый труд, приобретший денежную стоимостную форму и господствующий над трудом живым. Закон его развития — беспредельное количественное нарастание, лишенное какой-либо качественной определенности. Капиталу в принципе безразлично, благодаря какому именно виду труда он возрастает — производству лекарств или фабрикации наркотиков. Поэтому историческое противостояние труда и капитала имеет очень глубокий сущностный характер и охватывает не только экономические, но практически все важнейшие аспекты человеческой жизни.

Глобализация несет в себе зародыш, материальную возможность перехода к новому, более справедливому общественному укладу. Но чтобы эта возможность превратилась в действительность, ее надо освободить от нынешней, капиталистической общественной оболочки.

Необходимы:

коренная смена существующей капиталистической модели производства и потребления;

формирование принципиально нового технологического уклада, нового типа производительных сил человечества;

преодоление идеала «всеобщего потребления» и потребительского образа жизни.

Человечество оказалось на развилке истории. Но мир вовсе не обречен двигаться в русле сценариев западных творцов «нового мирового порядка».

Если провести чисто формальное, сугубо поверхностное сличение доктрин, может показаться, что апологеты империалистической глобализации, «нового мирового порядка» и приверженцы социалистического и коммунистического будущего человечества проповедуют схожие ценности и идеалы. В самом деле, в обеих системах видное место занимают сближение народов и наций, стирание государственных границ. Немудрено: и там, и там в конечном счете проявляются наиболее фундаментальные тенденции развития производительных сил и мировой экономики, перерастающей ограниченность и обособленность — национальную, государственную, культурную. Объективная основа этого движения — обобществление труда, идущее в процессе развития как производительных сил, так и производственных отношений. Обобществление, перешагивающее через национальные и государственные границы.

Социальный прогресс всегда преодолевает прежние формы общественного устройства, ломает старое. Но ломать можно по-разному, и не всякая ломка старого есть прогресс. Можно ломать действительно отжившее, мешающее движению вперед. Но в безудержной погоне за «новым» можно сломать и фундаментальные, непреходящие основы существования человека и общества. Капиталистический прогресс чем дальше, тем больше перешагивает эту принципиальную, опасную грань. Созданные капитализмом могучие производительные силы превращаются при переходе через эту грань в силы разрушения. Причем разрушения не только материального, но и духовного.

Еще полтора века тому назад К. Маркс вскрыл эту диалектику перехода прогрессивной работы капитализма в свою противоположность в блестящих статьях о британском владычестве в Индии, разрушавшем

местный патриархальный строй: «Все, что английская буржуазия будет, вероятно, вынуждена осуществить в Индии, не принесет свободы народным массам и не улучшит существенно их социального положения, ибо и то и другое зависит не только от развития производительных сил, но и от того, владеет ли ими народ. Но что буржуазия непременно будет делать, — это создавать материальные предпосылки для осуществления как той, так и другой задачи. Разве буржуазия когда-нибудь делала больше? Разве она когда-нибудь достигала прогресса, не заставляя как отдельных людей, так и целые народы идти тяжким путем крови и грязи, нищеты и унижений?»

Искусственное затягивание капиталистического господства сверх отведенных ему логикой истории сроков приводит к тому, что тяжкий путь крови и грязи остается, а прогресс исчезает. И тогда движение капиталистической цивилизации вырождается в то, что можно назвать антиисторическим прогрессизмом. В безудержную гонку за новизной ради новизны, в которой каждая вновь достигнутая ступень зачеркивает предыдущую, ведет к утрате исторической традиции и преемственности. Историческое, то есть полноценное, развитие глубоко отличается от поверхностного мелькания моды на одежду, автомобили, «стиль жизни», «идеи». Все может стать предметом быстротекущей моды, но далеко не все выдерживает превращения в моду.

Ничего худого нет в моде на одежду и прически. Серьезные же идеи и ценности от превращения в моду выхолащиваются и гибнут. И это прямое следствие господства капиталистического способа производства, безразличного к объективному существу и ценности любого предмета и любого дела — лишь бы оно приносило прибыль. Эта мертвящая тенденция лежит в фундаменте глобализма, «нового мирового порядка».

И глобализация, и интернационализация — суть пути объединения человечества, сближения народов,

государств, экономик, культур. Но интернационализация — это объединение в интересах всего трудящегося человечества, в интересах равноправного самобытного развития народов, повышения их благосостояния, взаимообогащения культур. А глобализация — это объединение в интересах «золотого миллиарда», направленное против интересов большинства человечества, против самобытного развития народов.

Глава вторая

ГЛОБАЛИЗМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

Судьба национального

Центральным моментом, определяющим различие между глобализмом и интернационализмом, является их разное и противоположное отношение к национальному, как особому явлению, играющему огромную, часто ключевую, роль в жизни человечества.

Среди всех проблем общественного развития национальные вопросы всегда были самыми деликатными, затрагивающими самые чувствительные струны человеческой души. Здесь люди, как правило, наименее объективны, в наибольшей степени подвержены воздействию, так сказать, «коллективного бессознательного». И это нередко вынуждало теоретиков и политиков прибегать к недомолвкам и иносказаниям. Но нигде так не нужна полная ясность, как в национальном вопросе. Ведь спекуляция на национальных чувствах, использование их в качестве прикрытия узкокорыстных социальных интересов — старый и почти беспроектный прием всех эксплуататоров.

Под оболочкой национальных чувств очень часто скрываются национализм и шовинизм, которые насаждаются эксплуататорами для того, чтобы увести народы от стремления к свободному развитию своей культуры и государственности. Но попробуйте объяснить человеку, что его патриотизм и чувство нацио-

нального достоинства бессовестно эксплуатируются кем-то в нечистых эгоистических целях, — и вы сильно рискуете быть побитым камнями.

Как нащупать ту грань, что отделяет национальный рассудок от национального предрассудка? Быть может, именно колоссальная сложность этой задачи и горький опыт неудач приводили в отчаяние многих революционеров и реформаторов, начиная с апостола Павла, заставляя мечтать о тех заоблачных временах, когда не будет уже «ни эллина, ни иудея». Или приходиться к выводу, что интересы одних народов соответствуют целям общественного прогресса, а интересы других — в корне ему противоречат...

Мы рассматриваем «национальное» как естественно-историческую категорию, которая охватывает собой все, что придает качественную определенность большим человеческим общностям, их культуре и языку, психическому складу, верованиям, традициям, привычкам, государственным и другим социальным институтам, превращая эти человеческие «общности» в народы и нации. Природа национального была и по сей день остается предметом жарких научных дискуссий. Разброс мнений здесь очень велик — от полного растворения национального в социальном, до признания его чисто природно-биологическим явлением.

Конечно, национальное существует и проявляет себя только в человеческом обществе, но оно и не делится без остатка на производственные отношения. Это всегда подчеркивала марксистско-ленинская теория. В частности, работы Ф. Энгельса и И. В. Сталина по языкознанию убедительно опровергли вульгарно-социологическое понимание национального как идеологической надстройки над экономическим базисом, возникающей на одних этапах его развития и бесследно исчезающей на других.

Базис, бесспорно, накладывает на национальное свою печать. Так, например, язык различных классов и социальных слоев неизбежно несет на себе

явственный след социально-классовых различий и противоречий. Но всегда ли это идет языку на пользу? Каждый знает, что далеко не всегда. Всевозможные, рожденные общественным разделением труда социальные и профессиональные жаргоны могут язык обогатить, а могут и изувечить. Общественные отношения придают языку определенную историческую форму и вместе с тем сковывают его. Свободное развитие народной, национальной языковой стихии объективно требует освобождения от этого социального гнета.

Мы видим сегодня, как подавляется русское национальное начало во всех сферах жизни, в первую очередь в языковой. Например, во что уже превращен русский язык в эфире и на улице, благодаря «приобщению к мировой цивилизации»? В некую разновидность «пиджин-инглиш» — языкового суррогата, сфабрикованного в свое время английскими колонизаторами для общения с прислугой из «отсталых народов».

Бывают социально-экономические условия, сковывающие и извращающие национальное развитие, угрожающие самому существованию национального. И бывают условия, раскрепощающие национальное, открывающие простор его свободному развитию.

В наше время это различие проявляется особенно ясно и наглядно — в противостоянии двух путей мирового развития: глобализации и интернационализации. Хотя в основе обоих лежит общая объективная тенденция к сближению народов, осуществляется она в разных формах, разными и даже противоположными путями развития национальных отношений, национального сознания, национальных культур.

Глобализм отрицает национальное как нечто безнадежно устаревшее и мешающее его победному шествию. Транснациональные корпорации (олицетворение глобализма) суть учреждения сверхнациональные, наднациональные, вненациональные, анациональные.

В противоположность глобализму интернационализм даже этимологически резко отличается от него. Интернациональный — значит межнациональный, то есть ни в коем случае не отменяющий и не зачеркивающий национальное. Без национального нет и не может быть интернационального. И наоборот, интернационализм немыслим без патриотизма. Интернационализм вырастает на основе взаимодействия и сотрудничества народов, взаимообогащения культур и языков, кооперации национальных экономик.

Для глобализма же все эти взаимодействия — самый опасный противник. Если интернационализм способствует национальному развитию, органически включая в себя патриотизм, то глобализм обедняет и коверкает национальное, «укладывая» его в две взаимодействующие пары — космополитизм и шовинизм, друг без друга не существующие.

В мире есть масса охотников по наивности или по злему умыслу отождествлять интернационализм с космополитизмом, а патриотизм — с шовинизмом. Однако на деле космополитизм антагонистично противоположен интернационализму, так же как и шовинизм антагонистично противоположен патриотизму.

Какая судьба уготована нациям при социализме и при капитализме? Программная цель коммунизма — уничтожение классов и, следовательно, преодоление классового раскола нации. Даже ранние фазы социалистического развития нацелены на ликвидацию эксплуатации и классовых антагонизмов, на последующее стирание существенных социально-экономических различий между дружественными трудящимися классами одной нации, одного государства. А разве устранение классового раскола нации не открывает широкую дорогу к подлинному национальному единению и свободному национальному развитию?

Социализм нацелен на ликвидацию почвы, на которой возникают межнациональные противоречия и антагонизмы. Ведь питающие их национализм и шо-

винизм — не что иное, как классовый интерес эксплуататорского меньшинства нации, незаконно драпирующийся в тогу общего национального интереса. Социализм создает предпосылки сближения наций на основе сотрудничества и взаимообогащения, но не ведет к национальной и культурной унификации. Не изоляция, а всестороннее социальное, экономическое, культурное общение свободных равноправных наций — таково условие их самобытного развития.

Капитализм же, хотя и требует для своего развития образования национального государства, отождествляет национальный интерес с интересом господствующего класса, эксплуататорского меньшинства нации (что хорошо для «Дженерал Моторз», то хорошо для Америки). Пытаясь увековечить классовое разделение общества, он пытается увековечить тем самым и раскол нации. Разделяя мир на нации-эксплуататоры и нации-пролетарии, он разжигает межнациональные противоречия.

Если под этим углом зрения посмотреть на историю капитализма, то она окажется историей того, как социальные и экономические отношения, социальные и экономические вопросы обряжаются в одежды национальных отношений и национальных вопросов. Национальное же сводится до сиюминутного социального и экономического. Но национальное значительно старше капитализма и переживет его. Капитализм сковывает и извращает национальное развитие. Поэтому сегодня главная свобода национального развития — в отделении его от капиталистической формы.

То же касается и развития национальных культур. Проблема защиты национальной и культурной идентичности, самобытности никогда еще не стояла так остро, как сегодня. На повестке дня не консервация на уровне «старины», а защита права на свободное развитие. Взаимодействие с иными культурами ему не только не препятствует, но, наоборот, способствует.

Социалистический интернационализм как раз и предполагает взаимодействие и взаимообогащение национальных культур. Глобализм же кровно заинтересован в культурной и языковой унификации на крайне пониженном, максимально примитивном уровне. Здесь культура и язык превращаются не более чем в функцию капитала, так как и сам человек, его личность превращены в функцию капитала, в один из «моментов» его кругооборота. «Культура» капитализма сводится к рекламе, навязыванию образа жизни как комбинации потребностей.

Втянутая в такой кругооборот личность необратимо деформируется, примитивизируется. Глобализм формирует некий новый, «глобальный язык» (преимущественно на основе английского), который все больше и больше примитивизируется. Англоязычные вкрапления не обогащают, а обедняют национальные языки, способствуют не расширению, а сужению их лексической и понятийной базы.

Глобализм — это даже не ассимиляция одной национальной культуры другой. Это подчинение всех национальных культур единому, пониженному космополитическому и, по сути, антикультурному стандарту. Формирование на их месте масскультуры, нацеленной на превращение человека в функцию капитала, на полное вытравление из человека всего того, что мешает или просто не требуется для исполнения этой функции.

Поэтому «глобалистская культура» — это ни в коем случае не культура Запада, если иметь в виду под этим понятием почти трехтысячелетнюю европейскую культурную и научную традицию, берущую начало в античном мире. Сегодня в мировом духовном пространстве столкнулись не Запад и Восток, а культура и антикультура, в равной мере враждебная как западной, так и восточной культурной традиции. Ленинский тезис о борьбе «двух культур», существующих в каждом классово-антагонистическом обществе, сегодня актуален как никогда.

Современное российское общество ныне являет собой арену, на которой эта борьба протекает в наиболее острых формах. И в то же время она ярко окрашена в неповторимые, исконно русские тона и как бы продолжает спор, который длится уже третье столетие.

Сегодня очевидно, что пресловутый тезис о «возвращении в цивилизацию» есть воспроизведение наихудших черт и традиций космополитического западничества: «Россия — страна изначально дикая, варварская, выпавшая из истории цивилизованного человечества». Но и противостоявшее западничеству крыло «славянофильства», которое защищало экономическую отсталость и крепостнические порядки под видом защиты национальной самобытности, было ничуть не лучше.

Русская революционно-демократическая мысль в лице ее ярчайших представителей — Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского — указала пути демократического разрешения вопроса, явила пример верного понимания русского национального характера. Особые черты русского народа эти люди видели в непримиримости ко всяким половинчатым, фальшивым решениям, в горячем стремлении вырваться из старого, крепостнического ярма без подчинения новому рабству буржуазной цивилизации, в трезвой способности отбирать лучшее среди достижений современной культуры, не поддаваясь внешним эффектам, обманчивой видимости комфорта и благополучия.

Эти черты с наибольшей полнотой воплощены в «феномене Пушкина». Его гениальное творческое наследие показало и доказало: культура только тогда становится подлинно национальной и народной, когда достигает мирового, интернационального значения, становится органичной составляющей мировой культуры.

В советской истории спор повторился еще раз в новых социальных и значительно более драматичных политических формах. Образно выражаясь, это была

борьба советского интернационализма против троцкизма как предтечи, как особой, псевдореволюционной формы глобализма, отрицавшего какую-либо национально-культурную ценность России и ее народов, видевшего в нашем Отечестве всего лишь «охапку хвороста» для разжигания пожара мировой революции.

Сегодня утверждение о необходимости продолжить самобытный путь нашего исторического развития сталкивается с не менее ожесточенными нападками современных глобалистов. Только и разницы, что теперь они прикрываются не ультрареволюционной фразой, а либерально-космополитической терминологией. Кричат не о невозможности построения социализма «в отдельной стране», а о невозможности существования России вне рамок «глобальной цивилизации».

Впрочем, суть от этого не меняется: и старые, и новые «сокрушители» России отрицают саму возможность самостоятельного «российского пути» в рамках многополярного мира. И те и другие видят в России лишь плацдарм для достижения целей, чуждых интересам нашей страны и нашего народа.

Империалистическая глобализация становится фактором, разрушительно действующим на всемирную историю, на интернациональную мировую культуру, как плод взаимодействия самостоятельных и самобытных культур. Она создает свою, космополитическую культуру, которая навязывается всем извне и «сверху», разрушая национальные культуры и замещая их абстрактными «общечеловеческими», а на деле — сугубо буржуазными ценностями атомизированного индивида.

Образуемое такого рода индивидами «гражданское общество» — не всемирное общечеловеческое состояние, а именно буржуазное общество, возводящее свои специфические отношения и ценности в ранг абсолютных и вневременных общечеловеческих. Поэтому на самом деле за рамками гражданского общества

остается большинство, подобно тому, как за пределами античных обществ, античных демократий оставалась огромная масса рабов, этих, по определению Аристотеля, «говорящих орудий».

Но если без античного рабства не было бы мировой культуры, то современное изощренное рабство уже не является необходимым условием развития цивилизации. Наоборот, оно стало тормозящим фактором. Приоритет личности перед обществом — не более чем декорация, ширма, за которой скрывается тоталитаризм потребительского общества. Царящая в нем демократия есть демократия для немногих привилегированных слоев (по-нашему, номенклатуры). Как писал Достоевский, воочию познакомившись с образцовым для своего времени буржуазным политическим строем и госаппаратом Франции эпохи Луи Наполеона: «Что такое *liberte*? Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать все что угодно в пределах закона. Когда можно делать все что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно».

Здесь мы подходим к одному из ключевых вопросов современности, в котором позиции социалистического интернационализма и капиталистического глобализма также диаметрально противоположны — к вопросу о судьбе государства.

Коммунизм предполагает естественное постепенное «отмирание» или, лучше сказать, «засыпание» государства как особого, отделенного от общества аппарата публичной власти. По мере своего «засыпания» государство должно уступить место самоуправлению общества. Глобализм же предполагает форсированную ликвидацию национальных государств и их суверенитета ради усиления наднациональной власти, всемирного государства, мирового правительства.

Глобализация не устраняет внутренних противоречий, свойственных любому классовому государству,

но переводит их на более высокий уровень, доводит до мирового масштаба. Государство здесь отнюдь не «засыпает», но, наоборот, усиливает свои функции, особенно карательные, жандармские.

По мере отрыва такого государства от национальной, территориальной, «почвенной» основы все более обнажается его чисто классовая суть как машины политического господства и экономической эксплуатации. Это «всемирное государство» уже цинично загоняет в резервации целые страны и народы, душит долгами национальные экономики. Оно планирует геноцид и отдает приказы на «ковровые» бомбежки, стирая с лица земли города и деревни. Это государство вскармливает террористов, плодит агентов влияния и окутывает ложью всю планету. Оно присвоило себе право распоряжаться ресурсами всех стран и народов, карать любого лидера, защищающего национальные интересы. Очевидно, что это диктаторское и разбойничье государство. Вряд ли народы Земли согласятся быть заложниками такого государства, такого «нового мирового порядка».

Пути прорыва

Современная глобальная ситуация диктует человечеству задачу обеспечить справедливое и гармоничное развитие, преодолевая расточительный характер индустриальной цивилизации, переходя от принципа всеобщей эксплуатации к принципу всеобщего сбережения — природной среды, материальных ресурсов, труда. Возможность такого поворота заключена в объективных тенденциях развития производительных сил, в назревающем новом революционном перевороте в области производительных сил — переходе от индустриальных к постиндустриальным технологиям.

Однако выдвижение на первый план человека как главной цели производства вступает в глубокое противоречие с капиталистической формой прогресса и требуют качественного преобразования господствующих

ныне форм производства, распределения и потребления. На смену социально несправедливой, опустошительной для природы и разрушительной для личности человека потребительской гонке, на смену «сверхпотреблению» как функции производства и обращения капитала должно прийти гуманизированное, «очеловеченное» потребление в противоположность потреблению, искусственно созданному и распропагандированному, необходимому капиталу, но не человеку.

Естественные экологические ограничения диктуют обществу стратегию рациональной экономии, снижения расхода материальных ресурсов и энергии на душу населения. А это, в свою очередь, неизбежно потребует усиления общественного характера материального потребления. Суть его в том, что общество обязуется обеспечить каждому своему члену стабильный и достойный человека уровень индивидуального потребления и личного комфорта и вместе с тем постоянно повышающийся, все более многообразный уровень потребления в сфере общественного, коллективного бытия.

Решение подобной задачи предполагает глубокую реконструкцию всей бытовой инфраструктуры. Выход на принципиально новую ступень развития систем общественного транспорта, связи, информации, здравоохранения, питания, создание густой сети центров образования, творчества и отдыха, клубов, театров, парков, стадионов, музеев, библиотек и т. д.

Главный фундаментальный сдвиг должен произойти во взаимоотношениях производства и природы, что позволит преодолеть многие экологические противоречия и ограничения. Его суть в воссоединении существующих сегодня порознь производственных и природовосстановительных процессов в единый технологический процесс, органически встроенный в круговорот живой и неживой природы (к чему ближе всего земледелие).

Должно произойти уподобление производства процессам жизни и, тем самым, радикальное изменение

смысла трудовой деятельности человека: если до сих пор природа служила, казалось бы, вечным и неисчерпаемым базисом труда (индустриальный тип технологии), то теперь, наоборот, труд должен превратиться в основу сохранения и воспроизводства природной среды (постиндустриальный тип технологии).

В качестве главного критерия эффективности производства вводится безопасность как комплексное свойство человеко-машинных систем в единстве его технических, экологических, эргономических, социально-психологических и культурно-нравственных аспектов.

Конвейерное серийное производство уступает место гибкому автоматизированному производству, чем достигается возможность его максимальной индивидуализации, выпуска изделий на заказ, под конкретную потребность.

Повышается ресурс технических систем за счет закладываемой в них еще при проектировании возможности непрерывной модернизации, что позволит разрешить острую проблему «морального» старения, добиться значительной экономии производственных издержек.

На основе совершенствования транспортных и телекоммуникационных систем происходят рациональное рассредоточение производственных мощностей, деурбанизация среды человеческого обитания.

Плацдармом технологического прорыва будут служить:

дальнейшее совершенствование систем автоматизированного управления производственно-технологическими процессами, накопления, обработки и передачи информации (микроэлектроника, оптико-волоконная техника, большие и глобальные информационные сети, «искусственный интеллект»);

овладение новыми источниками энергии и средствами ее аккумуляции и передачи (управляемый термоядерный синтез, высокотемпературная сверхпроводимость);

овладение новыми методами переработки сырья и обработки материалов (когерентные излучения с высокой плотностью потока энергии, криогенная техника);

овладение новыми природными процессами (микробиотехнология, тонкая химия).

* * *

Технологический прогресс совпадает в своем социально-экономическом измерении с процессом реального обобществления труда, то есть усиления его коллективного характера, возрастания взаимосвязи различных отраслей и секторов производства, повышения его управляемости. Обобществление труда — «главная материальная основа неизбежного наступления социализма», изживания частной собственности и преодоления рыночной стихии на основе планового регулирования производства и подчинения его общенародным и глобальным целям, общественному контролю.

Политические преобразования в интересах трудящихся, сильное государство на основе народовластия, установление общественной собственности на средства производства ускоряют процесс, придают ему сознательный, планомерный характер.

Вместе с тем исторический опыт свидетельствует: неравномерное и многообразное течение технологического прогресса и происходящая отсюда неизбежная технологическая многоукладность обуславливают сохранение на достаточно длительный период экономической многоукладности, многообразия форм собственности: общественной, индивидуально-трудовой, а на некоторых уровнях и частной, их конкуренцию между собой на почве товарно-денежных отношений. Характерное же для раннего социализма стремление к формально-юридическому обобществлению (огосударствлению) недостаточно созревших для этого секторов народного хозяйства может оказывать на экономическое и социальное развитие не менее негативное

воздействие, чем искусственное сохранение частной собственности в тех отраслях, где она уже организационно и технологически изжита.

Это заставляет пересмотреть традиционные представления о скоротечности переходного периода к «полному», развитому социализму. Устойчивое развитие экономики требует, чтобы уровень юридического обобществления производства соответствовал уровню его реального организационно-технологического обобществления. Они образуют два встречных процесса и требуют от государства поддержания их разумного взаимного баланса.

Однако решающую роль в прорыве к постиндустриальным технологиям и обществу устойчивого развития сыграет высокотехнологичный и наукоемкий обобществленный сектор производства, планомерно регулируемый государством, власть в котором принадлежит трудящемуся народу.

Опыт раннего социализма

На заре Советской власти Ленин неоднократно повторял, что можно и должно «учиться социализму у организаторов трестов». С экономической точки зрения, социализм — это капиталистическая монополия, обращенная на пользу всему обществу, находящаяся под его контролем и переставшая в силу этого быть капиталистической. Однако этого еще очень мало, это лишь элементарная материальная предпосылка нового общества. Ведь всякая монополия неразрывно связана с унификацией, таит в себе возможность экономического застоя, социального загнивания и политического тоталитаризма.

Антиутопии Оруэлла, Хаксли, Замятина и множества других менее даровитых авторов рисуют картину не социализма, а перенесенные в будущее и доведенные до абсурда черты государственно-монополистического капитализма.

К сожалению, в силу целого ряда исторических причин в реальной практике социалистического

строительства эти черты получили немалое развитие. А в идеологии обрело широкое распространение принадлежащее одному из непримиримых оппонентов Ленина — А. Богданову — представление о том, что «идеальной моделью» социализма является «крупно-капиталистическое предприятие, взятое специально со стороны его трудовой техники». Было оставлено без должного внимания прямое предупреждение Ленина о том, что эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни конечной целью, а только ступенькой, необходимой для... дальнейшего движения вперед».

В конечном итоге все это привело к еще большему блокированию главной материальной и моральной основы социализма — общественной энергии и инициативы трудящихся, свободной самостоятельной организации народа, нарастанию элементов экономического и политического отчуждения.

В дальнейшем, когда проблемы непосредственного выживания страны были успешно разрешены и встала задача развития социализма на его собственной основе, было допущено еще одно грубое упрощение социалистической идеи.

Принципиально верный лозунг «максимального удовлетворения возрастающих потребностей трудящихся» остался на уровне абстрактного, внеисторического представления о человеческих потребностях, их связи со способом производства. Из поля зрения выпало то обстоятельство, что большинство потребностей не даны человеку «от природы», а носят общественный характер, определяются уровнем развития его способностей и служат ему для реализации их в окружающем мире. Вне такого понимания коммунистический принцип «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям» совпадает с буржуазным идеалом «сверхпотребления» и целиком обесмысливается.

Общественное богатство и прогресс были отождествлены с буржуазной формой «огромного скопления товаров» и их беспредельного умножения. Поэтому на практике весь пафос принятой в 1961 году III Программы КПСС оказался сведенным к задаче по существу некритического копирования западного общества потребления на том же самом производственно-технологическом базисе. Это, с одной стороны, обрекало социалистическую экономику на заведомо проигрышную роль ведомого, а с другой — лишило адекватной экономической основы две другие провозглашенные Программой задачи — формирование новых общественных отношений и воспитание нового человека, превратило их в задачи сугубо «идеологические», а потому нерешаемые.

Поэтому более правилен вывод Ленина: учиться коммунизму следует вовсе не у «организаторов трестов», а только на опыте всей мировой культуры, развивая ее, созидая более высокие и богатые формы человеческого общежития, чем «потребительское общество», преодолевая неизбывное мещанство буржуазного образа жизни.

И если мы хотим всерьез учиться коммунизму на опыте всей мировой культуры, на высших достижениях науки, мы обязаны двигаться вперед, глубоко осмыслить ряд новых факторов и тенденций, проявившихся во второй половине XX столетия. Ленинское определение империализма как высшей и последней стадии капитализма остается непреложным. Но современная ситуация этими ленинскими характеристиками уже не исчерпывается. Время властно требует творческого развития теории, создания эффективной научной методологии для оценки современного состояния человечества.

Сегодня очевидно, что Россия не устраивает архитекторов «нового мирового порядка» не только как главный носитель альтернативного капитализму социалистического пути развития, но и значительно шире — как древняя самобытная цивилизация, со сво-

ей самостоятельной системой духовных, нравственных, общественных и государственно-политических ценностей.

Одним из основных препятствий на пути глобализации по западному рецепту стратегии НМП считают русский народ с его тысячелетней историей, драгоценными национальными качествами соборности и державности, с его глубокой верой, неистребимым альтруизмом и решительным отторжением торгашеских приманок буржуазного либерально-демократического «рая».

Очередная стратегия Запада по завоеванию мирового господства на сей раз формируется в рамках геополитических доктрин, основанных на противопоставлении «океанской империи» США и атлантического Большого пространства «континентальной державе» России, по-прежнему контролирующей евразийское «сердце мира».

А это значит, необходимо обогатить ленинскую методику анализа НМП двумя важными подходами, уже показавшими свою эффективность в последние годы: геополитическим и цивилизационным. Собственно говоря, их применял и Ленин. Например, его широко известные слова о том, что «империализм ведет к усилению национального гнета», а «стремление монополии к господству» сопровождается «эксплуатацией все большего числа малых наций небольшой горсткой богатейших наций», вполне соответствуют современной картине агрессивной экспансии стран «золотого миллиарда», обогаещающих за счет остального человечества.

Понятия «цивилизация», «геополитика», «национальная самобытность», «традиционные ценности», «религиозные святыни», «культурно-исторический тип», «соборность», «державность» и многие другие, им подобные, должны стать для нас столь же привычными и бесспорными, как классические понятия «производительные силы», «классовая борьба» или «общественно-экономическая формация».

Только тогда мы сумеем создать серьезную научно-методологическую базу, соответствующую реалиям современного мира и способную стать мощным орудием подготовки комплексной стратегии возрождения Великой России. Тогда станет ясно, что в конце XX века произошло не крушение социализма как такового, а распад одной из его конкретно-исторических форм, оказавшейся излишне монополизированной и догматизированной и потому плохо приспособленной к решению задач в условиях стремительных мировых перемен. Более эффективная форма социализма уже вызревает на наших глазах, несмотря на яростное сопротивление гонителей.

Синтез ленинской методологии и наследия лучших отечественных мыслителей должен стать основой современного русского социализма и залогом возрождения великой социалистической державы.

Глава третья

К НОВОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ

Правящие круги исходят из того, что новое глобальное мироустройство в принципе уже сложилось и стало необратимым. Поэтому теперь для России главное — «успеть вскочить на подножку уходящего поезда», держать курс на «гармоничное вхождение» в уже готовый глобальный мир.

Но есть два основных возражения против этого курса.

Во-первых, в том глобальном мире, который кроится ныне по западным лекалам, достойного места для России нет и никогда не будет.

Во-вторых, говорить о каком-то необратимом завершении становления «нового мирового порядка» нет оснований. Вопреки всем заклинаниям идеологов глобализма «конец истории» не наступил и не наступит. С каждым днем становится все очевиднее, что «глобализация по-американски» — не единственно

возможный путь человечества в будущее. В мире все более мощно и активно проявляют себя иные экономические, социальные, политические и духовные тенденции, противостоящие глобализму. Борьба за то, каким быть миру в новом столетии, продолжается.

Мы, граждане России, не можем остаться в стороне от этой борьбы. Внутренние наши задачи неотделимы от внешних. Возродить Отечество, защитить государственную независимость, экономическую самостоятельность и национальную самобытность России возможно не в самоизоляции от внешнего мира, а только активным участием в широком интернациональном движении за новое, справедливое мироустройство.

То, что называется «мировой капиталистической системой», все более обособляется сегодня в виде транснациональной, космополитической, надгосударственной силы, не имеющей официального названия, но претендующей на роль мирового правительства. И никакого реального «баланса сил» в мире не будет, если этой глобальной космополитической силе не будет противопоставлена столь же глобальная интернациональная сила.

Кризис социализма и натиск глобализма

Всемирная альтернатива глобализму наиболее полно и адекватно воплощена в социалистической идее. Но последнее десятилетие XX века прошло под знаком глубокого кризиса мирового социализма и всего международного левого движения. Широко бытует мнение, что социализм как идея и как социальная система не прошел проверки временем, исчерпал свой творческий потенциал. Однако моя позиция заключается в том, что нынешний кризис социализма — это кризис роста, а не кризис упадка.

В истории уже случалось нечто подобное. В начале XX века вступление капитализма в стадию империализма в огромной степени видоизменило и расширило материальные предпосылки и социальную базу социализма. Вторая промышленная революция — переход от века пара к

веку электричества — не только подняла производительность труда, но и сделала производство более гибким и мобильным, изменила профессиональный и интеллектуальный облик рабочего. Монополистическая концентрация производства стала таким шагом в обобществлении труда, который значительно облегчал переход производительных сил в общественную собственность и организацию планомерного управления ими в интересах трудящегося большинства. Наконец, империалистическая колониальная экспансия по всему миру пробудила угнетенные народы, поставила их в ряды участников антиимпериалистической борьбы, превратила в стратегический резерв социалистического движения.

Но вместе с тем произошло то, что также нередко случается в истории, — идейное и политическое руководство «официального социализма» (социал-демократия, объединенная во Второй Интернационал) отстало от этого бурного роста. Реальности новой эпохи не побудили его к совершенствованию стратегии и тактики. Наоборот, социал-демократическое руководство, впечатленное «триумфальным шествием» капитала, все больше склонялось к гнилому компромиссу с ним, к политике «социального партнерства».

В таких обстоятельствах первое же серьезное обострение империалистических противоречий не могло не привести к моральному и политическому краху социал-демократии, который стал очевиден с началом Первой мировой войны, когда социал-демократические «верхи» практически всех европейских стран перешли на социал-империалистические позиции и благословили братоубийственную бойню.

Кризис социализма начала XX века породил гигантскую волну разочарования, безверия и отчаяния, окрашенную в различные идеологические цвета — от самой черной реакции (например, Муссолини был одним из вождей итальянской соцпартии, главным редактором ее газеты) до крайнего левачества. Ренегатское лизоблюдство и анархо-декадентский бунт — все это ядовитые продукты распада «официального

социализма» начала прошлого века. И только русский большевизм — ленинизм — выстоял среди хаоса. Ленинизм сумел учесть в теории и на практике реалии эпохи империализма, сплотить новые силы, совершить социалистическую революцию и положить начало новому, Третьему Интернационалу. Мировой социализм возродился в новом облике коммунизма.

Ныне мы переживаем аналогичный виток исторической спирали на новом уровне. Вступление империализма в стадию глобализма также весьма видоизменило и расширило материальные предпосылки и социальную базу социализма. И вновь «официальный социализм» отстал от движения истории.

Сегодня глобализм потому и чувствует себя всесильным и безраздельным хозяином планеты, что не встречает больше должного сдерживания. Развал СССР, разрушение социалистического содружества, реставрация капитализма в странах Восточной Европы, России и других республиках Союза серьезно ослабили противовесы, которые обеспечивали современной цивилизации относительные равновесие и стабильность.

Вина и ответственность за то, что у глобализма развязаны руки, лежат на партийно-государственной бюрократии, правившей в Советском Союзе, представители и наследники которой и поныне правят в России. Она цинично предала дело социализма, государственные интересы страны, национальные интересы народов. Людьми, равнодушными к будущему нашей страны, внимательно проанализирован как положительный, так и отрицательный опыт советского социализма, извлечены необходимые выводы и политические уроки.

Однако неправильно закрывать глаза и на то, что кризис мирового социализма не исчерпывается развалом Советского Союза и восточноевропейского социалистического лагеря.

Дала трещину интернациональная солидарность левых сил. Трудящиеся Советского Союза не получили морально-политической поддержки братьев по классу в борьбе против воцарения антинародных режимов и

реставрации дикого капитализма. Даже кровавый государственный переворот в России в октябре 1993 года не вызвал в мире ни бури народного возмущения, ни действенных акций солидарности.

Повсеместно ослабло влияние коммунистических партий и выросло влияние социал-демократии, пришедшей к власти во многих странах Запада. Однако социал-демократия все меньше оправдывает свое название. Окончательный ее поворот к реакции произошел весной 1999 года, когда политические лидеры, именующие себя «социалистами» и «демократами», открыто поддержали варварскую фашистскую агрессию НАТО против Югославии, а затем против Афганистана, не имеющую отношения к борьбе с международным терроризмом и направленную на укрепление военно-политической гегемонии глобализма.

В. И. Ленин в свое время указывал, что Первая мировая война стала возможной во многом благодаря тому, что лидеры Второго Интернационала, изменив делу международной солидарности трудящихся, благословили братоубийственную бойню. Европейская социал-демократия потерпела крах в 1914 году. Сегодня история повторяется. Мы вновь являемся свидетелями политического и морального краха верхушки нынешнего Социинтерна, скатившейся на откровенно империалистические позиции. Политика «социального партнерства» окончательно разоблачила себя как преступное соучастие в дележе добычи от ограбления других стран.

Развязывая одну войну за другой, глобалисты, похоже, забыли, что в прошедшем столетии практически все войны рано или поздно завершались народными революциями. Западу кажется, что с наступлением глобализма он изобрел средство перехитрить историю и остановить ее течение. Однако это заблуждение и притом очень опасное. И не только для тех, кто заблуждается. Чем дольше будет оттягиваться разрешение насущных проблем, тем более жестокими будут «муки родов» нового общества. Выдержит ли их человечество? Не превратится ли тогда «конец истории» из фигуры речи в реальное событие?

Человечество оказалось на пороге крупномасштабных потрясений во многом благодаря тяжелому кризису социализма как на Востоке, так и на Западе. Оттого, как скоро и на какой основе удастся его преодолеть, зависит будущее мира. Реально противостоять исходящей от глобализма угрозе способно только массовое движение трудящихся, организованное в национальном и международном масштабе.

Социальная база антиглобализма

Возрождение международного левого движения возможно: 1) путем расширения его социальной базы; 2) глубоким теоретическим осмыслением новых реальностей современной эпохи; 3) на платформе антиглобалистской борьбы; 4) путем объединения всех подлинно левых, подлинно социалистических сил; 5) на основе поддержки национально-освободительной борьбы народов против «нового мирового порядка», за свободное, демократическое и самобытное развитие всех народов мира.

Антиглобалистское движение набирает силу во всем мире. Вместе с тем его идейно-политическая платформа остается пока весьма размытой и неопределенной. Впрочем, иного трудно было бы ожидать — любое широкое общественное начинание проходит в своем развитии период идеологического «разброда и шатаний». Но и давать затянуться этому периоду нельзя. Единство действий должно обеспечиваться не только наличием общего противника, но и общим пониманием основных целей и задач борьбы. Или прогрессивные и истинно демократические силы объединятся и спасут этот снова охваченный безумием мир, или мы все погибнем. На повестке дня создание широкого союза антиглобалистов, своего рода антиглобалистского Интернационала.

Наступление глобализма существенно расширило социальную базу сопротивления всевластию капитала. Нужно только уметь выявить специфические черты этой силы, от сознательности, организованности которой зависит судьба всей планеты. Это, во-первых,

современный рабочий, или, говоря шире, производительный класс. Во-вторых, это национально-освободительные движения. В-третьих, — движения, борющиеся за спасение культуры от бездуховности, за спасение природы и ее ресурсов от хищнической эксплуатации.

Рабочий класс меняется по мере того, как меняется характер производительного труда. В ходе научно-технического прогресса, по мере повышения наукоемкости производства, усиления его автоматизации, роботизации, гибкости создание материального богатства все больше зависит не столько от непосредственного приложения труда и его продолжительности, сколько от мощности и масштабов организуемых и приводимых в действие трудом потоков вещества, энергии и информации. То есть в конечном счете — от степени научного овладения обществом и индивидом природными и технологическими процессами.

Производительный труд становится трудом преимущественно интеллектуальным. Поэтому в качестве главной основы производства и богатства начинает выступать «развитие общественного индивида» (Маркс). Меняется структура инвестиций. Главными становятся вложения в человека — в воспитание и образование, в науку и культуру, в социальную сферу и здравоохранение. Поэтому и мерой общественного богатства становятся уже не рабочее время и создаваемая в течение него меновая стоимость, а его сбережение, то есть свободное время как пространство, необходимое личности для непрерывного и всестороннего развития.

Изменение характера труда ведет к неуклонному повышению значения его творческих мотивов и стимулов. Из вынужденной необходимости или обязанности, остающейся еще в пределах буржуазного горизонта, очерченного протестантской этикой, труд постепенно превращается в самоцель. Приобретает самостоятельную потребительную ценность как естественный, наиболее соответствующий природе человека способ существования здорового организма, про-

цесс развития и реализации творческих способностей личности.

С изменением характера труда безвозвратно уходят времена, когда производству требовался частичный работник — человек-винтик. В современных передовых отраслях неуклонно возрастает удельный вес умственного труда. Научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, информационно-программное обеспечение становятся неотъемлемой, а нередко и ведущей частью производства. Ряды производственных работников все больше пополняются представителями научной и технической интеллигенции.

На этой основе постепенно складывается новое передовое ядро рабочего класса, включающее в себя работников производительного физического и умственного труда. Они объединены научной организацией производства и сознательной дисциплиной, современными технологическими процессами, требующими высокой степени координации трудовой деятельности, постоянного творчества, высокой специальной подготовки и общекультурного развития.

Современный передовой класс является носителем социального прогресса и выразителем общенародных интересов.

Это, во-первых, производители вещественного, высокотехнологического и наукоемкого продукта (hardware) — ученые, конструкторы, технологи, управляющие, квалифицированные рабочие, в деятельности которых преобладает умственный труд.

Это, во-вторых, производители невещественного, программного продукта (software), обеспечивающего функционирование производственных и информационных систем и социальной инфраструктуры. В деятельности этого отряда трудящихся в качестве ведущей производительной силы выступают наука, научное знание, высокое индивидуальное развитие самого работника.

Это, в-третьих, все те, кто обеспечивает воспроизводство самого человека как субъекта труда и обще-

ственной жизни, — воспитатели, учителя, преподаватели вузов, врачи, производители услуг в сфере развивающего досуга и т. д. Сегодня именно через их труд осуществляются главные производственные инвестиции — вложения в человека, в его индивидуальное развитие. Поэтому они также являются в полном смысле слова производительными работниками.

Во взаимоотношениях этого нового класса с капиталом особенно рельефно вскрывается тот факт, что эксплуатация имеет два аспекта: материальный и гуманитарный, духовный. Глобализация обнажает огромный пласт духовной эксплуатации труда капиталом. После того как трудящийся обретает определенный достаток, выясняется, что духовное обнищание — вещь не менее реальная, чем обнищание материальное. Человек превращается в «машину для потребления», в послушное звено в цепочке оборота капитала «деньги — товар — деньги».

Огромные усилия употребляются на то, чтобы скрыть от человека эту вторую сторону эксплуатации. Отсюда гигантская машина изощренного программирования человеческого поведения. Вместо воспитания личности — манипулирование сознанием, потребностями с помощью коммерческой рекламы и PR-технологий. Вместо систематического образования — узкопрофессиональное натаскивание, штампование «одномерного человека». Вместо высокого искусства — примитивный, механизированный шоу-бизнес, личностная, культурная и национальная унификация.

Это и есть информационно-культурный империализм, интеллектуальная и духовная унификация, приведение к единому примитивному знаменателю. На почве капитализма духовное производство увядает и, наоборот, расцветают всевозможные его суррогаты. Угроза для духовной и творческой самостоятельности, самобытности, самоопределения личности приобретает массовый планетарный характер.

Другой формой борьбы капитализма за мировое господство является борьба против национальной са-

мобытности народов. Идеология либерализма, которую исповедует финансовый капитал, выступает против исторической традиции, против суверенности и независимости национальных государств.

Становление антиглобалистского движения

Западные средства массовой информации уделяют внимание только громким одноразовым акциям протеста, приуроченным к заседаниям «восьмерки», «двадцатки», МВФ, ВТО и т. д. И всячески замалчивают то, что в период массовых акций, и особенно в Интернете, идет постоянный диалог, вырабатывается общая платформа, координируются действия различных организаций.

Конечно, это весьма сложная и противоречивая задача, ведь в идеологическом и политическом плане антиглобалистское движение имеет очень пестрый характер. В его рядах мы видим и коммунистов, и левых социалистов, анархистов, защитников окружающей среды, активистов профсоюзов, молодежных и женских организаций, правозащитников, представителей национальных меньшинств и другие группы политически активных людей. У каждой группы протестующих против глобализации есть свои организации и свои приоритеты.

Вот только несколько примеров антиглобалистских организаций.

«Глобальные акции народов против свободной торговли и ВТО» — одна из наиболее влиятельных антиглобалистских организаций. Ее члены принимают активное участие почти во всех действиях протеста, но являются сторонниками «мягких» акций и не одобряют насилия.

«Глобальное сопротивление» — организация базируется в Великобритании, также выступает против силовых действий. Ее лозунг — «Другой мир возможен!». Среди прочих примеров всемирной несправедливости организация отмечала мизерную зарплату российских рабочих.

«Федерация анархистов» принадлежит к числу наиболее радикально настроенных группировок. Ее цель — создание новой бесклассовой социальной системы. Во главу угла ставит борьбу рабочего класса и достижение положительных изменений путем революционных переворотов.

«Друзья планеты» — организация в основном озабочена экологией. Она активно сотрудничает с японскими экологами, совместно с ними осуждает США за выход из Киотского протокола. Участвует почти во всех европейских акциях протеста.

«Хранители радуги» — объединенное экологическое движение России и Украины. Оно не против глобализации, а против того, как она осуществляется. Как и его западные единомышленники, движение требует закрытия МВФ, роспуска ВТО, списания долгов бедных стран, введения закона против финансовых спекуляций и реформирования или дробления ТНК.

Западная пропаганда часто отождествляет массовые антиглобалистские акции с движением луддитов — разрушителей машин. Другие вспоминают «новых левых», парижский май 1968 года, хиппи, сексуальную революцию и другие формы анархического мелкобуржуазного протеста. При этом хозяева капиталистического мира выражают твердую уверенность: перемелется — мука будет. Те, кто сегодня бунтуют, завтра войдут в глобальную «элиту», повторят путь, например, вождя леворадикальной молодежи 1960-х годов, а в последующем — министра иностранных дел ФРГ Й. Фишера. Третьи клеймят антиглобалистов как ретроградов, фундаменталистов и изоляционистов, стремящихся обратить вспять движение истории, возродить Средневековье.

Абсолютно «чистых» явлений ни в природе, ни в обществе не бывает. Во всяком действительно серьезном революционном общественном движении и вокруг него переплетается множество разнородных сил и интересов. С глобализацией можно бороться по-разному. Соппротивление капиталистической экспансии во все сферы жизни может быть прогрессивным и

может быть реакционным. Можно ненароком впасть в реакционные мечты о возврате в прошлое.

История знает немало примеров, как движения, выражающие интересы массы, выступали в реакционной форме. Нивелирующему воздействию капитализма противопоставлялась местная ограниченность. Защита самобытности сочеталась с отказом от более общих идей гражданского равенства с возвращением к монархии, а на другом полюсе той же системы крайностей — с демоническим разочарованием, войной против общества.

Действительно, капитализм накладывает свою печать и на силы, противостоящие ему. Он рождает стихийные обратные разрушительные силы, рождает ложные, тупиковые формы протеста, не выходящие за пределы буржуазного горизонта. Есть буржуазный порядок и есть столь же буржуазный беспорядок. Это анархизм и мелкобуржуазное левачество, наркокультура и сексуальная революция, и многое тому подобное. Все это ассимилируется буржуазным бытом и «глобальной культурой». И нельзя закрывать глаза на то, что, переплетаясь с революционным движением, такие явления ослабляют его, отравляют своим дыханием. Характернейший тому пример — международный терроризм, злонамеренно отождествляемый с антиглобализмом.

Нужно помнить общую диалектику развития общественных движений и их идеологических доктрин: отделить зерна от плевел может только практика, реальный опыт борьбы, в ходе которой окончательно выясняются ее реальные, а не воображаемые цели, складывается настоящее идейное единство.

Борьба против общего зла порой спланирует столь разнородные силы, что общего термина для обозначения их единства поначалу просто не найти — приходится прибегать к термину отрицающему, опровергающему. Так, современное движение именуется антиглобалистским. Против чего оно выступает, более-менее ясно. Но важно, чтобы всем было понятно, за что оно выступает, какие цели преследует.

Здесь можно с удовлетворением отметить, что мировые интеграционные процессы рожают уже не только формальное, не только негативно-протестное, но и реальное, позитивно-созидательное единство разнообразных сил, которые принято именовать сегодня антиглобалистскими. И дело не в их самоназваниях и даже не в лозунгах, а в социальной сути, в объективных общественных тенденциях, которые они сознательно или бессознательно выражают.

И главное, что радует, — это все более отчетливо выраженный интернациональный характер антиглобалистского движения. Транснациональному и космополитическому «новому мировому порядку» противостоит интернациональная сила. И потенциально она, конечно, значительно шире того круга лиц и организаций, которые принимают непосредственное участие в уличных акциях протеста.

Сегодня не только общий противник, но и реальное, нарастающее взаимопереплетение всех сфер общественного бытия и существующих в них интересов ведут к сближению, а то и полному совпадению классовых, национальных, общедемократических и общекультурных задач, стоящих перед широкими трудящимися массами. Это единство уже проявляло себя в эпоху Октябрьской революции в России, которая решала одновременно и социалистические, и общедемократические задачи социально-экономического, политического, национального и культурного развития.

Отношение любого человека, любой организации к глобализму и антиглобалистским движениям определяется в конечном счете принципиальным пониманием прогресса и его противоречий. «Окуклиться» и отсидеться в стороне от происходящего не удастся никому. Грядут серьезные перемены во всех сферах общественного бытия. Однако отсюда не следует, что эти грядущие перемены предопределены жестко и однозначно. Перед человечеством — целый «веер» путей дальнейшего развития и реальная возможность выбора.

Интеграция человечества безусловно нужна. Но ее форма должна быть справедливая, гуманная, равноправная. Прогрессивные силы обязаны сплотиться для борьбы с экспансией «нового мирового порядка».

Мое искреннее убеждение: только социалистическое, коммунистическое ядро антиглобалистского движения может дать реальную, а не реакционно-утопическую альтернативу глобализму и «новому мировому порядку». Наш исходный тезис — единство классовой борьбы трудящихся за социальное освобождение и национально-освободительной борьбы народов за независимость, свободное, демократическое и самобытное развитие.

Антиглобалистское движение приобретет еще больший размах и укрепит свое единство на основе следующих целей совместной борьбы:

За освобождение труда от эксплуатации и социальную справедливость.

За интернационализм и патриотизм как основополагающие ценности человеческого и международного общежития. Против шовинизма и космополитизма.

За национальную и государственную независимость.

За права человека — не только гражданские и политические, но и социально-экономические: на труд, отдых, образование, медицинскую помощь, социальную защиту.

За свободу слова и информации. Против информационного тоталитаризма и культурного империализма, за общественный контроль над СМИ.

За защиту природной среды от разрушительного воздействия современного мирового разделения труда и разрушительного воздействия «потребительской гонки».

За право народа на восстание, на самозащиту от агрессии и вооруженную борьбу с угнетателями, интервентами.

Против международного терроризма. За четкое разграничение терроризма и национально-освободительной борьбы.

Против расовой и национальной дискриминации, всех форм апартеида.

Против долговой кабалы.

Против тотального полицейского контроля над личностью.

За роспуск агрессивных военных блоков.

Возможная платформа нового, Антиглобалистского Интернационала никого не ограничивает и ничего не предрешает относительно конкретных форм общественного устройства, которые изберет человечество в будущем. Но она базируется на том, что человечество не по чьей-либо доброй или злой воле, а объективно и неуклонно продвигается к все более тесному и всестороннему единству. Это очевидный, бесспорный факт, причем факт позитивный. Любые попытки обратить это движение вспять, возродить изоляционизм реакционные. Решение следует искать не позади, а впереди.

Однако для судеб человечества, для судеб всего рода *Homo sapiens* далеко не безразлично, каким путем и к какому единству оно идет. Идет ли оно к дальнейшему подчинению труда капиталу или освобождению труда от капитала, к превращению труда в естественную жизненную потребность? Идет ли оно к единству многообразия, к ассоциации, «в которой свободное развитие всех есть условие развития каждого», или к единству однообразия, к мировой казарме, в которую загоняет человека и человечество власть капитала? Идет ли оно к установлению над миром олигархической власти узкого круга лиц или к демократическому взаимодействию и сотрудничеству суверенных стран и народов?

Именно здесь, на почве этих самых общих и глубоких философских вопросов и разворачивается мировая социально-экономическая, политическая и духовная борьба. И исход ее далеко еще не предreshен.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Раздел первый

ЧТО НАМ ГОТОВИТ ВЕК ПРИШЕДШИЙ

Глава первая

СУДЬБА РОССИИ — СУДЬБА МИРА

Жесткий выбор

Либо «новый мировой порядок», транснациональная диктатура, держащая четыре пятых населения земли в экономической и духовной резервации, либо переустройство на социалистических началах — таков выбор. И на острие этого выбора находится сегодня Россия. Как и в начале столетия, в ее судьбе драматично скрестились общемировые противоречия.

Единой, сильной и самобытной России нет места в империалистической схеме глобального мироустройства. Не случайно она оказалась сегодня в эпицентре очередного передела мира. Пространством, на котором разворачивается этот процесс, стала вся сфера геополитических интересов нашей Родины в различных регионах земного шара. В Россию вцепились мертвой хваткой самые темные силы мира. И ее ждут новые испытания, горести и беды, а в случае торжества глобализма — исчезновение с исторической арены, культурная деградация, духовное вырождение, демографическая катастрофа и национально-государственный распад.

Тем, кто понимает это, тяжело наблюдать, как страна все активнее втягивается в процессы глобализации. Пока от ее пагубных последствий нас еще как-то спасает запас прочности, сохранившийся с советских времен. Но он уже практически исчерпан. Пора решительно исправлять положение, иначе последствия бездумной политики могут стать необратимыми.

Предстоит настоящая «борьба миров», в которой исконный «русский мир» — мир идеалов и святынь, мир многовековой духовности и национальной традиции с его возвышенными заповедями: «блаженны алчущие и жаждущие правды», «блаженны милостивые», «возлюби ближнего как самого себя», — будет противостоять апокалиптическому миру космополитического всесмешения и либерального эгоцентризма, миру всевластия денег и банковских процентных ставок, финансовых пирамид и биржевых спекуляций, идолом которого является золотой телец.

Запад никогда не интересовался чем-либо иным, кроме «функции капитала». Любой объект, включая человека, страны, народы, культуры, интересует его лишь в качестве «функции капитала», то есть как средство возрастания стоимости. А «цивилизация» в ее либеральном обличьи — как «царство гуманности и добродетели» — здесь совершенно ни при чем. Нет такого преступления, на которое капитал не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы, если ему посулить 300 % прибыли. И эти слова, которые К. Маркс цитирует в «Капитале», принадлежат весьма умеренному английскому профсоюзному деятелю XIX века Т. Дж. Даннингу.

В реальности дело обстоит так: либо Россия увязнет в «третьем мире», где обречена на распад и исчезновение, либо возродится на социалистической основе. Однако этот вывод принимается пока не всеми. Так, в патриотической среде можно услышать, что социализм как интернационалистская доктрина для России неприемлем, это всего лишь другая разновидность

мондиализма, враждебного национальной и культурной самобытности.

Действительно, если заниматься чисто формальным, сугубо поверхностным сличением доктрин, может показаться, что апологеты империалистической глобализации, «нового мирового порядка», и приверженцы социалистического и коммунистического будущего человечества проповедают схожие ценности и идеалы. Как уже упоминалось, в обеих системах видное место занимают сближение народов и наций, стирание государственных границ и т. д.

Немудрено: и те, и другие в конечном счете ориентируются на фундаментальные тенденции развития производительных сил и мировой экономики, перерастающей ограниченность и обособленность — национальную, государственную, культурную. И все же между империалистическим мондиализмом и социалистическим интернационализмом есть существенная, принципиальная разница. Ибо мондиализм строится на всевластии капитала, а интернационализм — на всевластии труда.

Всякая общественно-экономическая формация доказывает свое превосходство над предшествующей тем, что достигает более высокой производительности труда. Это правда, но не вся. Миссия социализма не просто в том, чтобы достичь более высокой производительности труда, а прежде всего в возвышенном, гармоническом развитии самого человека, в смене типа, «парадигмы» общественного развития, пересмотре привычных приоритетов, перемене вектора экономического и социального прогресса. Именно в эпоху глобализации, доводящей противоречия капитализма до уровня противоречий между человеком и природой, в том числе и с его собственной человеческой природой, это становится особенно важным.

Родиной первого глобального социального проекта, ставшего реальной альтернативой всемирному империализму, несколько раз спасшего человечество от его наиболее чудовищной формы империализ-

ма — фашизма, была Россия, где свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая дорогу всему человечеству к утверждению общества без войн, насилия и угнетения. Новое столетие ознаменует жизнь всех стран стремлением к реализации тех светлых идеалов, во имя которых шли в революцию наши отцы, деды и прадеды. Вот почему, говоря сегодня о нависшей над человечеством угрозе торжества империалистического глобализма, нужно еще раз вдуматься в смысл и дело Октября.

Смысл и дело Октября

Революции не делаются по заказу. Октябрьская революция была вовсе не праздным «экспериментом», а единственным реальным шансом для России на национально-государственное самосохранение в обстановке военного, политического и экономического краха, территориального распада и полной социальной недееспособности правящего буржуазно-помещичьего блока.

Совершенно неожиданная для большинства политических сил Февральская революция стала высшей точкой кризиса всей старой общественно-политической системы России, а вовсе не положила ему начало. Если взять ключевые для бытия любого народа и государства сферы жизни, то к 1917-му году все они либо переживали тяжелейший кризис, либо были полностью разрушены. Напомним непреложные факты истории.

В феврале рухнула легитимная государственная власть, а армия, как опора государства, пришла в течение 1917 года в совершенно небоеспособное состояние. После трех лет бессмысленной кровавой и разрушительной войны, затронувшей значительную часть европейской территории России, экономика страны переживала тяжелую экономическую разруху, многие губернии охватил голод. Начался интенсивный распад империи на отдельные национально-государственные образования.

Ни к одному из этих процессов ни Октябрь, ни большевики прямого отношения не имели. Да, в любой социальной революции неизбежен элемент разрушения, но именно в Октябрьской революции он оказался сведен к минимуму. Почти все, что можно было разрушить, было уже разрушено до нее — политикой сначала царского, а затем Временного правительства. На долю Октября досталось разбираться в обломках — выметать абсолютно уже ни на что не годные и искать им замену, а из остального склеивать новое целое. Его задачей могло быть только восстановление порушенного, поиск новой основы построения Российского государства из его рассеянных элементов. К Октябрьской революции в первую очередь применимы слова Александра Герцена: «Новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной».

Февраль до конца обнажил и заострил кризис, но не разрешил его. К октябрю 1917 года предельно ясно выявилось, что историческое бытие России, ее дальнейшая судьба как великой державы прямо зависят от того, сумеет ли народ осуществить следующие жизненно важные задачи.

Вывести страну из всемирной империалистической бойни, которая не только уносила миллионы жизней, не только разрушала экономику, но и породила, в силу своего несправедливого характера, глубочайший моральный кризис в обществе.

Разрешить земельный вопрос в пользу крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения.

Разрешить национальный вопрос, построить новое национально-территориальное единство страны на основе реализации нациями своего права на самоопределение.

Осуществить меры централизованного государственного регулирования экономики, общественного контроля над производством, обращением и распределением.

Действительно серьезная проблема заключалась лишь в том, у кого достанет социальной энергии и политической воли к осуществлению этих задач, кто, как и в чьих интересах проведет необходимые преобразования.

Умные и дальновидные головы есть во всех классах и слоях общества. По мере нарастания кризиса необходимость и неизбежность экстренного принятия мер стали очевидны всем мало-мальски ориентирующимся в ситуации политикам. Так, в ночь накануне восстания в Петрограде один из лидеров меньшевиков Дан приезжал в Зимний дворец и от имени многих членов Временного совета Российской республики (так называемого Предпарламента) убеждал Керенского немедленно, декретами Временного правительства, приступить к практическому решению вопросов о мире и о земле. Керенский отверг предложение.

Иначе говоря, все возможности реакционно-бюрократического пути преобразований, то есть «революции сверху», проводником и олицетворением которой был в свое время Столыпин, оказались в России полностью исчерпанными. У правящих классов старой России был шанс решить те же задачи по-своему, но они им воспользоваться не сумели и вынуждены были сойти со сцены. Вместе с ними ушло и старое государство.

Еще в феврале лидер кадетской партии и умеренный монархист Милюков был вынужден констатировать, что после отречения Николая II, а потом и его брата в стране образовался «перерыв в праве», вакуум легитимной власти. Чем она могла быть заменена и на каких юридических основаниях?

Поскольку законный правопреемник отсутствовал, властные полномочия могли перейти к какому-либо лицу или учреждению на основании единственно реального в подобной ситуации права — права силы, имея в виду здесь не только и даже не столько принуждение, но прежде всего силу народного доверия и поддержки.

Претендентов на эту миссию было немало, всего числом семь: Временный комитет Государственной думы, три состава Временного правительства, Временный совет республики (Предпарламент), Учредительное собрание и, наконец, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ни один из этих институтов формально не обладал легитимностью, то есть законной правопреемственностью по отношению к предыдущей власти. И в этом смысле они были юридически равноправны. Право на власть можно было обрести в свободной конкуренции друг с другом, лишь заручившись поддержкой большинства населения, то есть, по сути, преодолев или хотя бы сведя к минимуму общественный раскол.

Это удалось сделать Советам, и это исторический факт. Попытка других сил опровергнуть его вооруженным путем в ходе гражданской войны успехом не увенчалась, что лишний раз подтвердило законный характер Советской власти.

Так обстояло дело с юридической точки зрения. А с точки зрения национально-государственных интересов восстановление сильной власти было актом в высшей степени патриотическим и государственническим, ибо без власти государства не бывает. И Октябрьская революция положила начало новому собиранию Российского государства.

Сегодня модно обвинять большевиков и Ленина в том, что они якобы «разделили» «единую и неделимую» Россию на национальные республики. Простите, но это разделение стало фактом не в 1922 году, а еще летом 1917-го. Польша, например, получила независимость из рук Временного правительства сразу же после Февраля. На Украине Центральная рада во главе с Винниченко уже делала то же самое, что повторил Кравчук в 1991-м. И так повсеместно, от Прибалтики до Туркестана. Российская империя как сообщество народов перестала существовать вовсе не вследствие Октября. В таких условиях на долю Ленина осталась проблема восстановления национально-

государственного единства Российской империи. Он нашел и предложил формулу союза равноправных республик, уже существовавших на данный момент времени.

Тот, кто хочет вершить суд над предшественниками, должен исходить не из абстрактных идеалов, а из конкретных сравнений с одготипными и одготвременными событиями и явлениями. Первая мировая война завершилась закреплением созданного ею нового баланса сил в Версальской системе 1919 года. Гражданская война, в новом облике восстановившая российскую государственность, завершилась созданием советской федерации 1922 года. Версальская система рухнула через 20 лет, не защитив человечество от новой, еще более разрушительной мировой войны. И именно в этой войне советская система в наибольшей мере обнаружила свою жизнеспособность, сыграв решающую роль в спасении мира от фашизма. Оказалась она долговечнее и систем, созданных дооктябрьскими реформами — александровской и столыпинской.

Итог Октябрьской революции и Гражданской войны — это победа революционно-демократического способа спасения и собирания России над способом реакционно-бюрократическим.

Именно соединение назревших преобразований с необходимостью перехода власти в руки трудящихся, как условия их реализации, и предопределило социалистический характер Октябрьской революции. Здесь был реализован не субъективный идеал революционеров, а объективная общественная потребность. Именно уникальное стечение обстоятельств заставило Россию первой вступить на путь социалистического развития, несмотря на незрелость многих «предпосылок социализма», особенно в экономической области.

Приняв все это во внимание, мы можем ответить и на муссируемый ныне вопрос о том, имелась ли альтернатива социалистической революции в России. В том-то и заключается характернейшая особенность

Октябрьской революции, что ее конкретные шаги диктовались не только и не столько доктринальными соображениями, сколько касаниями «стенок» весьма узкого «коридора», по которому приходилось идти. Были жесткий прагматизм и столь же жесткие, соответствующие военной обстановке методы, позволившие удержать экономику на краю пропасти и получившие впоследствии название «военного коммунизма». Только никакого идеала из этого партия в целом не делала, хотя в ее рядах было немало тех, кто впопыхах принимал его за идеал. Поворот к нэпу это только подтвердил.

Но то, что было сделано, — сделано в конкретных обстоятельствах того времени едва ли не единственно возможным способом. Просто по-другому ни у кого ничего не получилось и вряд ли могло получиться. Реальной социальной, политической и экономической альтернативы тому пути, на который Россия вступила в октябре, просто не существовало. Однако альтернатива все же была. Но она касалась не содержания социально-политических процессов, а формы их протекания. Это была альтернатива мирного и немирного путей развития социалистической революции.

Данный вопрос по вполне понятным причинам замалчивается нынешней официозной пропагандой, силящейся изобразить большевиков фанатиками «насилия ради насилия». Заметим, что и историография предшествующего времени касалась этого вопроса крайне неохотно. В результате сложился и укоренился стереотип, ставящий знак равенства между революционными и насильственными методами общественных преобразований, между революцией и Гражданской войной, но он совершенно не соответствует правде истории.

А правда состоит в том, что реализация возможности мирного развития революции была центральной проблемой для Ленина и большевистской партии. Ленин считал мирное развитие революции возможностью крайне редкой и крайне ценной в истории, и именно

поэтому полагал, что большевики должны сделать все для того, чтобы не упустить этот шанс, предложить компромисс меньшевикам и эсерам. «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, — писал он в сентябре, — то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной». И уже после Октябрьской революции Ленин откровенно говорил, что если бы такой компромисс был достигнут, никому бы и в голову не пришло устраивать вооруженное восстание. Однако шанс на мирное развитие был все же упущен из-за непоследовательной политики эсеров-меньшевистского руководства Советов.

Тем не менее и после событий Октября до вмешательства в России извне не было объективных условий для общенационального вооруженного конфликта. Гражданская война на территории Советской страны была развязана империалистическими державами. Уже 23 декабря 1917 года между Англией и Францией была заключена конвенция о разделении сфер влияния в России. Поэтому военные действия, намеренно доведенные внутренней и международной реакцией до ожесточенного братоубийства, на деле означали борьбу за или против независимости, за или против расчленения нашей Родины. Официальный лозунг белого движения «Единая и неделимая Россия» был фальшивым: он прикрывал по сути компрадорскую политику обещания территориальных уступок в обмен на военную помощь.

Как отмечало Совещание 33 членов бывшего Учредительного собрания под эгидой Милюкова и Керенского (Париж, январь 1921 года), внутренняя контрреволюция сознательно пошла на приглашение иностранных войск, хотя и отдавала себе отчет в том, что совершает предательство национальных интересов. Между тем Красная Армия воевала за спасение, целостность и свободу Отечества, что и обеспечило ей

поддержку подавляющего большинства народа, а значит, конечный успех. Это была по форме гражданская, а по содержанию отечественная война.

И в самый ее разгар, в мае 1919 года, Ленин приходит к пессимистическому выводу: «Великие революции, даже когда они начинались мирно, как Великая французская революция, кончались бешеными войнами, которые открывала контрреволюционная буржуазия. Мирного развития к социализму быть не может».

Вывод излишне категоричный, но вполне объяснимый обстановкой ожесточенной борьбы не на жизнь, а на смерть. Поэтому сразу же после окончания Гражданской войны Ленин пересматривает его и еще раз возвращается к вопросу о возможности мирного развития к социализму. Ориентируя советскую делегацию на Генуэзской конференции, он писал о том, что России желательно соглашение не только торговое, «но и политическое, как один из немногих шансов мирной эволюции капитализма к новому строю, чему мы, как коммунисты, не очень верим, но помочь испытать согласны и считаем своим долгом».

Между прочим, именно эта возможность, которую Ленин расценивал как маловероятную, отчасти осуществилась. Октябрьская революция не переросла в мировую, но она сильнейшим образом стимулировала мировую реформу, в ходе которой трудящиеся развитых капиталистических стран добились весьма существенных социальных завоеваний. Фашизм попытался забрать их назад. И великий подвиг советского народа вновь спас человечество.

Думая о будущем, мы обязаны полностью учесть весь ленинский опыт социально-экономического социализма и государственного строительства.

Ленин, может быть, как никто другой, сознавал, что невозможно насильственно облагодетельствовать человечество, загнать в рай дубиной. Главное в его политической философии — это идея самоопределения, идет ли речь о личностях, классах, нациях, народах.

Ленинское понимание социализма как живого творчества народных масс учит не понуканию общественного прогресса, а заботе о его органическом развертывании, добровольном вовлечении в него большинства населения. При этом чем глубже революция, тем в большей мере требуется от революционера уважать людей, их вековые обычаи, привычки и даже предрассудки.

Именно Ленину, которого тысячи раз обвиняли в сектантстве, принадлежит замечательная идея союза с некоммунистами во всех областях материальной и духовной деятельности, без чего не может быть и речи об успешном движении вперед. Союзы прежде всего с крестьянином-тружеником, с солдатом и офицером, с инженером и агрономом, с человеком науки и искусства. Он хорошо понимал недопустимость отрыва революционного авангарда от массы и поэтому требовал: лучше двигаться медленнее, зато вместе со всем народом, лучше «культурничество», то есть развитие старой культуры на основе раскрепощения инициативы народа, чем насаждение нового казенно-бюрократическим насилием. Словом, «лучше меньше, да лучше».

Он предвидел, что «тысячами лазеек обратное правило будет пробивать себе дорогу», и поэтому требовал, чтобы авангард постоянно работал над собой, проникался «спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству», «нахрапу» и «натиску». В «комчванстве», в вере во всемогущество приказа и «коммунистического декретирования» он видел одного из главных врагов действительно нового, прогрессивного.

Всякая революция есть отрицание старого, но не всякое отрицание старого есть революция. Кража, например, отрицает частную собственность, хулиганство — казенную дисциплину, но к революции они не имеют никакого отношения. В антагонистическом обществе достижения техники и культуры, отчужденные от трудящегося большинства, рождают стихий-

ные «обратные» разрушительные силы, направленные против завоеваний цивилизации и остающиеся поэтому еще целиком в пределах старых эксплуататорских отношений, их собственной теневой стороной.

Так, в «Собачем сердце» Михаила Булгакова наука в лице профессора Преображенского, отчужденная от народа и отданная на потребу животным удовольствиям «верхних десяти тысяч», порождает свое собственное, столь же животное зеркальное отображение — воинствующее невежество и хамство в лице Полиграфа Шарикова. Шариков даже читал Энгельса, легко усвоил некоторые перлы революционного красноречия, имел и претворял в жизнь определенные понятия об общественной гигиене. И все же революция никогда не признает его «своим» — более того, он страшный ее враг, несмотря на суетные попытки доказать ныне обратное.

Старый порядок мстит социалистической революции тем, что пытается заразить ее вирусом «зряшного», по выражению Ленина, отрицания, психологией взбесившегося обывателя, и это самое опасное, что он может ей противопоставить.

Социалистическая революция выстоит лишь в том случае, если найдет в себе силы разорвать порочный круг, возникающий при попытках преодолеть мелкобуржуазную стихию мелкобуржуазными средствами — голым принуждением. Хаосу, грозящему разнести по кирпичику все здание цивилизации, она должна противопоставить порядок, но порядок, не замкнутый в тисках угрюм-бурчеевской казармы, а воплощающий в себе всю полноту, многообразие и многоцветье жизни — то, что отразилось в общечеловеческой идее гармонии.

Эта сторона ленинского наследия нечасто вспоминалась за истекшие десятилетия, но она составляет неотъемлемую часть учения Ленина о социальной революции, его революционной практики. Да, он умел быть решительным, жестким и суровым и понимал, что бывают периоды, когда необходимо вынужденное

применение революционного насилия, ибо вопрос стоит о судьбе народа, о спасении общества от катастрофы. Но он лучше, чем кто-либо из революционеров его времени, понимал всю грозную опасность привычки к насилию, пусть сначала даже самому справедливому, — опасность незаметного превращения его в неконтролируемую антинародную стихию, рождающую цепную реакцию зла.

Но дело не только и не столько в личностях. Трагедия всех великих социальных революций в том, что они не находили принципа единения людей, поднимали волну общественной солидарности лишь до известного предела, за которым начинался распад на социальные атомы, не связанные между собой ничем, кроме стихийной силы взаимной корысти. Камень преткновения для многих и многих социалистов, писал Ленин, составляло неумение найти необходимую степень соединения индивидуального интереса с общим. Наказанием служит, как правило, бюрократическая тирания — стремление создать общественное объединение самым простым, как кажется, путем — приказом «сверху».

История, и особенно история XX столетия, свидетельствует о том, что никакое материальное богатство, никакие успехи науки, техники, формальной организации жизни сами по себе не спасут человечество от страшных бедствий, неожиданных откатов к варварству, если люди не сумеют заменить казенную принудительную дисциплину товарищеским сплочением трудящихся. Если этого нет, то под угрозой оказываются все завоевания цивилизации — пусть даже речь идет не об угрозе прямого вооруженного насилия, а об опасности разрушения природной среды, культурного одичания.

Ленин не верил в чудодейственную силу отвлеченной нравственной или религиозной проповеди. «Поплагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная», — говорил он и требовал уме-

ния строить новое общество с теми людьми, которые оставлены в наследство капитализмом.

Но Ленин исходил из того, что нравственность, моральная сила, решающая в конечном счете исход исторических событий, есть объективное общественное отношение, которое вырастает из общих материальных условий существования данного общества, данной эпохи и которое невозможно изменить простым усилием воли. Это великая сила сознательности масс, которая ставилась Лениным в один ряд с силой оружия и богатства. Это сила примера передового класса, общественного авангарда. Это сила поддержки, которую оказывают революционному авангарду трудящиеся всего мира. Наконец, это сила добровольного сплочения трудящихся в борьбе за свое освобождение.

Моральную силу заменить нечем, а без нее материальное могущество превращается в деструктивный фактор жизни. Как это происходит, мы узнали не из теории, а из горького опыта собственной истории. Сегодня перед нами стоит гигантская задача — восстановить заложенный в Октябре 1917-го нравственный потенциал социализма, морального единства народа во всех его аспектах — от экономических и духовных до межличностных и межнациональных.

Долгие муки родов

Революционная эпоха задает нам универсальный исторический масштаб: общественный прогресс не сводится к формальным достижениям экономики и культуры. Великие социальные и экономические перевороты становятся необратимыми лишь тогда, когда затрагивают ткань повседневности, закрепляются в быту и привычках, нравах и обычаях людей, в нравственном самосознании общества. Как оценить с этой точки зрения итоги послеоктябрьских десятилетий? Казалось бы, развал СССР, который сопровождался мощным, не ослабевающим и поныне, натиском антикоммунизма и антисоветизма, однозначно свиде-

тельствует о полном крахе начатого в Октябре. И все же не будем торопиться с выводами.

За рубежом поражаются, как могли граждане великой страны с таким яростным остервенением рвать, топтать и оплевывать свое недавнее прошлое. На Западе не знают ничего подобного, хотя история капитализма, а говоря шире — всей человеческой цивилизации — дает несчетное число поводов для покаяния.

Чтобы капиталистический способ производства утвердился, например, на своей родине в Англии, там потребовалось полностью уничтожить свободное крестьянство, бывшее собственником своей земли, — шекспировских «гордых йоменов», ввести против согнанных с земли «бродяг» уголовные законы, каравшие смертной казнью малейшее покушение на «священное право» частной собственности, широко использовать рабский труд тех же «бродяг», заключенных в каторжные «рабочие дома».

Вялая, тянувшаяся два с половиной столетия буржуазная революция в Германии несколько раз опустошала страну, уменьшая население более чем наполовину. Не говоря уже о массовом терроре Великой французской революции.

Классический буржуазный гуманизм в общем и целом ищет примирения с теми общественными противоречиями, благодаря которым зло выступает в качестве превратной, но необходимой формы и движущей силы прогресса. С наибольшей полнотой и откровенностью эту позицию выразили духовные отцы капиталистической цивилизации — экономист Рикардо и философ Гегель. Последнему принадлежат такие примечательные слова: «Обращаясь к конкретному рассмотрению дьявола, мы вынуждены будем показать, что в нем есть утвердительное — сила характера, энергия, последовательность».

Но, кроме этой точки зрения, существует и более высокая, не довольствующаяся верой в итоговый разумный смысл действительности, возникающей из исторической бессмыслицы. Она лежит в основе со-

циалистических и коммунистических учений, как в их утопических, так и научно обоснованных версиях.

Коммунизм как система идей не пытается ни романтически отрицать действительность, ни идеалистически приукрасить ее. Он видит всю жестокость жизни и не отвергает купленных ужасной ценой плодов прогресса. Но он отказывается признать такое положение вещей вечной нормой, ищет дорогу к иным, более человеческим формам развития, собственно к истории человечества, в отличие от ее «предыстории» (Маркс).

Да, социализм, впрочем, как и все предшествующие ему общественные формации, возникает из жертв и насилия, из крови и грязи. «Долгие муки родов», о которых говорили Маркс и Ленин, — не пустая метафора. Но вместе с тем это первый в истории строй, который объективно заключает в себе отрицание «нормального» кровавого пути прогресса, делает моральное неприятие такого пути достоянием массового сознания.

С чего начинала новая власть? С ликвидации неграмотности, с открытия школ и театров, с того, чтобы впервые культурные ценности стали доступны простому человеку, со строительства электростанций и лампочки Ильича. И когда многочисленные мои соотечественники на все лады поносили и продолжают поносить все действительные и мнимые ошибки и пороки социализма, они, сами того не замечая, подтверждают его победу, которая по своему значению не уступает великим экономическим переворотам. Столь беспощадную критику собственного прошлого и настоящего могли предпринять только люди, воспитанные социализмом, вошедшим в их плоть и кровь, ставшим инстинктивным убеждением подавляющего большинства народа. Оставаясь материально еще в зачаточном состоянии, социализм уже победил морально.

Победил, но в какой же парадоксальной, трагически противоречивой форме! Через свое собственное

отрицание, через вспышку антикоммунизма и ретроградных иллюзий! Это вам не «овес растет по Гегелю», чему учили в школе и институте, — здесь настоящая диалектика в ее, быть может, наивысшем в XX веке напряжении.

Самой надежной отмычкой, с помощью которой проникали в наши души, была знаменитая цитата о том, что высшая общественная гармония не стоит слезинки хотя бы одного замученного ради нее ребенка. Большинство авторов приписывает этот тезис лично Ф. Достоевскому, хотя принадлежит он нравственному антиподу писателя — Ивану Карамазову, умствующему аристократу, нашедшему в нем «моральную» санкцию вседозволенности и отцеубийства. Достоевский же, наоборот, шлет нам из прошлого свое предупреждение о том, что возможна чудовищная подмена понятий, нравственная ловушка. Он подробно анализирует, как эта абстрактно-гуманистическая истина становится в руках Карамазова все более отвлеченной, пока не вырождается наконец в смердяковщину — в лакейский суд над действительностью, в лютую ненависть к России, ко всякому проявлению духовной, национальной самобытности.

Карамазовщина повторилась в массовом масштабе. Под видом «духовного раскрепощения» людям навязываются смердяковские «идеалы». Они тиражируются в миллионах экземпляров всевозможных изданий, тысячах часов радио- и телевидения. На их фоне бесконечное словоблудие об освобождении из «рабства тоталитаризма» — не более чем циничная насмешка. Наоборот, делается все для того, чтобы освобождение осталось фикцией и не переросло в реальный суверенитет народа.

Хитроумная подлость замысла заключается в том, что он построен на утилизации лучших и благороднейших человеческих чувств, и потому нелегко сразу разобраться в его циничной сущности. Ведь совесть, при всей своей непримиримости к злу, сугубо непрактична, неопытна в махинациях, доверчива и может

стать жертвой бесовского соблазна, морального оборотничества. «Ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить, что это Я, и многих прельстят», — предупреждал Иисус своих учеников.

Без сомнения, утилизаторы народной совести в конце концов потерпят неминуемый крах. Но важно, когда и как это произойдет, какими еще физическими и духовными жертвами будет куплено прозрение. Нужно понять, что с нами происходит, почему вновь и вновь становится возможной грязная игра на чистых чувствах. Мы будем вязнуть в ней все сильнее, если не преодолеем чисто карамазовскую абстракцию морали, прикрывающуюся ныне ярлыком «общечеловечности» точно так же, как недавно она прикрывалась ярлыком «классового подхода».

Чтобы абстрактные идеалы не были вновь обращены во зло и разрушение, они должны быть наполнены конкретным содержанием, проистекающим из родника народной мудрости и опыта. Иначе мы обречены переживать свою трагедию вновь и вновь.

Если взглянуть на картину поразившего нашу страну развала в целом, можно заметить, что в основе его лежит подрыв великого чувства общности, товарищеского сплочения людей, подмена его эгоизмом всех сортов и мастей: частным, групповым, цеховым, региональным, этническим... Вся социально-экономическая политика, вся пропаганда вот уже многие годы целенаправленно бьет в одну точку, стремится разобщить нас, любой ценой посеять рознь. Куда ни кинь, везде царят раскол и противостояние, которые закрепляются экономически и идеологически. Говоря классическими словами Маркса, страну терзают «фурии частного интереса».

Бесплодные колебания

Какие силы смогут удержать общество от распада? Нам внушают, что это его величество Рынок, гигантское торжище товаров, идей и людей, на котором миллионы и миллиарды противоположно направленных

эгоистических стремлений рожают в своем взаимопереплетении конечную всеобщую пользу.

Снисходительно похлопывая по плечу российских «реформаторов», Запад в то же время ухмыляется в кулак. Уж кому-кому, а великим державам «первого» мира хорошо известно, что проникнуть в их клуб если и можно, то только совсем другим путем. Тот же путь, по которому тащат Россию, никуда, кроме сточной канавы все той же «мировой цивилизации», не ведет.

Извольте, господа, выбирать: либо — либо, а иного, как вы любите говорить, не дано. Либо отчаянная самоубийственная борьба за передел мира, либо прозябание на его задворках — ничего другого эта цивилизация пока не изобрела.

Наша страна будет бесплодно колебаться между неприемлемыми альтернативами, пока мы не поймем, что сама идея «возвращения в цивилизацию» является ложной и бесперспективной, не соответствует ни историческому, ни геополитическому месту России и Советского Союза в мире. Вспомним, что она была выдвинута горбачевской «перестройкой» как якобы «новое слово». На деле же это было повторение старого лозунга «Догнать и перегнать!», необходимого в 1920—1930-е годы, но в наше время полностью изжившего себя.

Догнать и перегнать — так ставить вопрос было правомерно на том достаточно длительном и относительно однородном отрезке развития производительных сил, который начался в эпоху Первой мировой войны. Раз качественные рамки развития более или менее постоянны, то решающее значение приобретал количественный рост, его темпы.

Сейчас же необходимо научиться «срезать углы», найти стратегию не догоняющего, а опережающего развития. Такая потребность возникла уже к концу 50-х годов, когда СССР в принципе догнал, а кое в чем и перегнал Запад в пределах определенного этапа развития технологии. Но она не была понята. Да и до сих пор мало кто осознает, что стратегия «догнать

и перегнать» диктовалась в первую очередь военно-техническими соображениями и не имела универсального значения даже в 1930-е годы, что с достижением ядерного паритета необходимо было идти дальше собственным путем.

Но об этом пути больше говорили, чем думали. При Хрущеве идея бега вдогонку, «догоняния» Запада была неправомерно возведена в абсолют и распространена на все сферы жизни. С какими бы резкими нападками ни обрушивался Хрущев на Запад, для него идеалом оставалась технико-экономическая структура американского общества, вплоть до структуры посевных площадей — отсюда и навязчивая идея кукурузы. Именно тогда началось все более заметное отставание и экспериментирование по его преодолению. Но беда в том, что не было понимания порочности самой ставки на «догоняние». Верное по сути утверждение Р. Гароди, что задача социализма вовсе не в копировании американских стандартов потребления, а в созидании нового типа цивилизации, было отвергнуто как ревизионистское. Абсолютизация «догоняющего развития» привела к неправомерному отождествлению коммунистического идеала с сугубо буржуазным идеалом «всеобщего потребления». Весь пафос «хрущевского коммунизма» был сведен к фактическому отождествлению «всестороннего развития личности» с «всесторонним потреблением». Хотя к идее потребления не сводится ни социалистическая идея, ни тем более русская идея. И та и другая взаимно близки именно тем, что сытость для них не цель, а элементарное условие реализации более высоких духовных целей и интересов.

Это был явный симптом деградации общественной цели. На путь «возвращения в цивилизацию» и «приобщения к общечеловеческим ценностям» наше общество встало именно в те времена. Горбачевскую «перестройку» надо считать не началом, а логическим финалом этой деградации.

Сегодня «цивилизация», то есть ступень общественного развития, которая характеризуется господ-

ством экономических законов товарного производства, подходит к завершению, приблизилась к своим экологическим, социальным и культурным пределам. Революционизировав производительные силы, неузнаваемо изменив за какие-нибудь два столетия лицо планеты, капитализм в то же время подвел ее к грани, за которой начинается необратимое истощение ресурсов и среды обитания.

Одно только это подтверждает, что модель бесконечного линейного прогресса изживает себя. Человечество ни в чем так сегодня не нуждается, как в достижении разумного самоограничения и баланса своих природных, социальных и технологических составляющих. Но это требует развития на иных принципах. Вот почему Ф. Фукуяма явно поспешил возвестить о «конце истории», о том, что окончательная модель человеческого общежития уже найдена и остается только ее совершенствовать и распространять на весь мир. Именно последнее и невозможно, поскольку модель эта опирается как раз на резкую неравномерность и неравноправность развития всех его частей.

Капитализм в целом не изменил своей эксплуататорской природы. Но он проявил исключительную живучесть благодаря созданию сложнейшей системы демпфирования и канализации противоречий линейного развития в мировом масштабе. Противоречия не исчезли, но переведены в иную плоскость. Антагонистические полюса современной цивилизации разведены по разным странам и континентам. Есть страны-эксплуататоры («Север») и страны эксплуатируемые («Юг»), страны-резервации и отстойники («четвертый» мир). Относительный классовый мир в первых покупается ценой обострения социальных противоречий во вторых.

Но продолжаться до бесконечности так не может. Подавляя свои противоречия, буржуазная цивилизация придает им сугубо негативную, лишенную созидательного начала форму. Капитализм пытается превратить процесс революционизации «третьего» и

«четвертого» миров в процесс их маргинализации и люмпенизации, но взамен получил резкое обострение терроризма и наркобизнеса, религиозного и националистического фанатизма.

Характерно, что при всей изощренности современных технологий социального манипулирования «первый» мир все чаще не находит для обуздания сил слепого саморазрушения никаких средств, кроме грубого вооруженного насилия во все больших масштабах и по всему миру. Предлагаемые же буржуазными футурологами средства сводятся в конечном счете к фактическому уничтожению личности, превращению индивида в придаток глобальных информационно-коммуникативных систем, подобно тому как три века назад началось превращение человека в придаток машины. «Одномерный человек» Герберта Маркузе получит здесь свое полное завершение.

Если человечество хочет спастись от подобной перспективы, оно должно выработать иную модель производства и потребления, построенную не на бесконечной гонке за собственной тенью, а обеспечивающую всеобщую экономию ресурсов, безопасность технологии, сохранение среды обитания, приоритет качественных параметров материального и духовного потребления перед количественными.

Цивилизация вошла в критическую фазу, требующую коренного пересмотра приоритетов экономического роста, социального и культурного развития. Плестись в такой ситуации в хвосте — значит превращать страну в гигантский резервуар, куда капитализм в очередной раз «сбросит» собственные противоречия, как уже проделал это с «третьим» миром, а сам совершит новый рывок. За чужой счет, разумеется. Других вариантов буржуазный прогресс не знает.

Свой путь

Если мы не хотим быть жертвой, приносимой на алтарь такого прогресса, надо искать свой способ решения встающих перед человечеством проблем, свой

собственный путь в будущее, вытекающий из исторического своеобразия России и ее места в мире.

Так в чем же своеобразие России, в чем суть русской национальной и государственной идеи? На эту тему написаны горы книг, выдвинуто множество порой взаимоисключающих теорий — от утверждения о полном выпадении России из общеисторического прогресса до объявления ее всеобъемлющим центром исторического миропорядка. Уже эта полярность и разнообразие точек зрения говорят о том, что в основе российского бытия лежит какое-то глубокое противоречие, периодически обостряющееся и различным образом разрешаемое на протяжении всей нашей тысячелетней истории.

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им никогда не сойтись», — так, кажется, писал Киплинг. Россия служит живым опровержением этого тезиса. Ее экономическая, политическая и духовная история есть постоянно усложняющийся синтез противоположных начал, западных и восточных элементов, мотивов, тенденций. Соединяя в одно целое разнообразные хозяйственные уклады, национальности, культуры, религии, ландшафты и климатические зоны на одной шестой части суши, Россия — СССР являлась как бы моделью мира со всеми его проблемами, противоречиями и конфликтами. Именно здесь надо искать разгадку тайны русской всесветности и всечеловечности, разгадку тайны русской революции.

Имея в своем составе практически все противоположности, присущие глобальному жизнеустройству, Россия как единый организм ощущала и переживала его кризисные моменты раньше и острее, чем остальной мир. Отсюда ее всесветная отзывчивость.

В то же время, постоянно осуществляя задачу удержания противоположностей в единстве, органического сочетания «западного» и «восточного», «северного» и «южного» начал в промышленности и земледелии, управлении и самоуправлении, религии и культуре, Россия тем самым решала не только свои внутренние

проблемы, но и проблемы всемирной цивилизации, хоть на полшага, но шла впереди нее, указывая дорогу или, наоборот, предостерегая негативным примером от неверного шага. Отсюда специфически русское мессианство, в том числе мессианство революционное.

Решая в масштабах гигантской империи проблемы, характерные для всего мира в целом, Великая Октябрьская социалистическая революция оказалась поэтому мировой революцией в точном смысле слова, хотя и победила только в одной стране.

Какие же черты Запада и Востока слиты воедино в истории России, в российском обществе, государственности, образе жизни?

Запад стремится к безудержному росту, всеобщей переделке, новизне во всем и любой ценой, ультра-современности. Восток склонен к самоуглублению и ограничению, эстетическому созерцанию, соблюдению традиций, архаике.

Преобладающим типом личности на Западе является атомизированный индивид, личная независимость которого опирается на систему косвенных, вещных взаимозависимостей людей, возникающую помимо их воли и сознания в процессе товарообмена. Данному типу противоположен восточный общинный человек, включенный в обширную систему личных зависимостей патриархального и тому подобного типа.

Россия, располагающаяся на огромной территории со сложными климатическими и природными условиями, показала миру пример самовывживания даже в экстремальных условиях, поэтому у нее другие ценности в почете. Соборность, солидарность, взаимопомоществование, общинность, особое отношение к государственной власти имеют глубокие корни, вырабатывались веками.

Государство понимается на Западе как плод «общественного договора» независимых робинзонов, их наймит, слуга и «ночной сторож» при рынке. Восток же рассматривает государство (любую человеческую

общность) в качестве самостоятельного субъекта, обладающего приоритетом перед отдельным индивидом.

На Западе права и полномочия делегируются снизу вверх и регулируются формальным законодательством. На Востоке они даруются сверху вниз, а возникающая при этом опасность произвола смягчается общим подчинением неписаным правилам, традиции.

В экономике Запад подчиняет материальное производство целям производства богатства в его наиболее обезличенной — денежной форме, количественное накопление которого не знает внутренней качественной границы и превращается в самоцель

Разумеется, этот беглый и предельно обобщенный обзор ни в коем случае не охватывает всего существа проблемы «Восток — Запад», а тем более ее конкретного приложения к России. Он призван лишь показать, что речь идет не о совокупности внешних деталей, а о самых глубоких принципах национально-государственного бытия. Именно на этом уровне Россия обнаруживает уходящую корнями в седую старину многоликость.

Иначе могло бы показаться, что Россия — всего лишь мозаика византийских и норманнских, германских и монгольских, голландских, турецких и прочих заимствований и наслоений. Дело обстоит наоборот — именно исходная широта облегчила России усвоение любого внешнего опыта, позволила вобрать в себя такое национальное, духовное, географическое многообразие.

Отсюда следует еще один принцип: любая односторонняя ориентация России, будь то западная или восточная, грубо искажает перспективу ее развития. Нетрудно изобразить российскую историю как арену борьбы Запада и Востока, тем более что теоретические баталии западников и славянофилов, народников и марксистов вроде бы подталкивают к подобному выводу. Но это ложный вывод.

Да, многие участники наших российских бесконечных дискуссий искренне полагали и полагают, что достаточно очистить Россию от «остатков азиатчины» или, наоборот, оградить от «тлетворного влияния Запада» — и все будет прекрасно. Тем не менее, лучшие умы из обоих лагерей понимали, что проблема значительно глубже.

В нашей истории шла и идет реальная и теоретическая борьба не между восточными и западными началами, а между различными формами сочетания, синтеза этих неразделимых противоположностей. Приблизительно за полтора столетия мы получили два примера искомого синтеза. Они родились, конечно, не в головах теоретиков, хотя и не без их участия, а во взаимодействии основных общественных классов, наиболее полно олицетворяющих собой западные (прогрессистские) и восточные (патриархальные) начала, — промышленных и земледельческих, городских и сельских. Первый синтез — буржуазно-дворянский. Второй синтез — рабоче-крестьянский, послеоктябрьский. В обоих звучали и симфонические, и какофонические мотивы. Второй вообще не реализовал и половины своего потенциала.

Однако сегодня, когда Россия вновь растворяется в некой первичной туманности, необходим еще один — Третий Синтез, учитывающий весь нажитый исторический опыт, все современные представления о качественной безбрежности и количественных пределах социального и научно-технического прогресса.

Смена курса

Россия вновь стоит перед проблемой национально-государственного выживания, перед необходимостью принятия для этого целого комплекса мер, которым нет альтернативы.

1. Смена социально-экономического курса, направленная на стимулирование отечественного производства, восстановление имущественных прав трудовых коллективов, социальных прав трудящихся.

2. Установление советской формы народовластия сверху донизу, обеспечение подконтрольности и подотчетности исполнительной ветви власти перед законодательной.

3. Восстановление независимых международных позиций и подлинного суверенитета России, что требует конкретных практических шагов к воссозданию единого союзного государства на добровольной основе.

Словом, предстоит решать задачи, во многом сходные с теми, что решались 90 лет назад.

Однако есть и различия. Если социалистическая революция 1917 года могла быть совершена как мирным, так и немирным путем, то сегодня национально-государственное выживание и возрождение России напрямую зависит от сохранения гражданского, межнационального и международного мира. Мирный характер развития — это не просто форма реализации указанных выше задач, а их неотъемлемая составная часть.

Сегодня насильственный путь грозит не только национальной, но и глобальной по масштабам катастрофой, в которой не будет ни победителей, ни побежденных, поскольку «поле битвы» радикально изменило свой контур к исходу XX столетия. Оно насыщено и перенасыщено оружием, в том числе массового поражения, сложнейшими и весьма опасными производствами. Неизбежное при силовой конфронтации нарушение работы хотя бы части производственно-технической инфраструктуры может повлечь за собой цепочку катастроф и привести к катастрофе не только региональной, но и глобальной.

Вот почему так важно проанализировать не только упущенные возможности 1917 года, но и современные угрозы миру, выяснить их источники и социальную природу, продумать способы противостояния.

Первое, на чем необходимо заострить внимание, это прямые угрозы гражданской войны, раздающие-

ся из лагеря криминально-компрадорской буржуазии и выражающих ее интересы политических кругов. На все лады муссируется тезис о том, что, придя к власти, коммунисты затеют новый передел собственности и породят кровопролитие, ибо новые владельцы «заводов, газет, пароходов» их так просто не отдадут и будут защищать с оружием в руках. Кроме едва завуалированной угрозы, здесь еще и попытка свалить с больной головы на здоровую.

Пугать сегодня людей новым переделом собственности и сопутствующими ему потрясениями — верх лицемерия и цинизма. Как будто не было и нет чудовищного надругательства над общенародной собственностью, отданной на поток и разграбление. Но самое главное — передел собственности продолжается на протяжении вот уже почти двух десятилетий. Не будем вспоминать «черные» 90-е годы. И в наши дни продолжается взаимный отстрел банкиров и коммерсантов, не утихает междоусобица криминальных группировок. По сути это и есть экспроприация экспроприаторов, настоящий террор.

Но это представителей буржуазно-криминальных кругов не пугает. Их тревожит другое — то, что в этот процесс вмешается народ, хотя очевидно, что народ восстановит справедливость в тысячу раз бескровнее и гуманнее.

Таким образом, к нынешнему моменту в России сложилась своеобразная, во многом уникальная ситуация. Существуют два главных источника угроз миру в обществе. Во-первых, внутренняя война компрадорских кланов, насквозь несправедливая, криминальная по своему объективному содержанию. Во-вторых, растущее социальное расслоение, углубление противоречий между «денежными мешками» и массой обнищавшего населения.

В России, как известно, едва ли не самый крупный разрыв в мире между доходами бедных и богатых. Последний финансово-экономический кризис только усугубил положение большей части населения. И в то

же время за один кризисный, 2009, год число миллиардеров в России удвоилось.

Как результат захвата народной собственности узкой группой компрадорской буржуазии растет разница в доходах 10 % наиболее богатых и 10 % наиболее бедных людей. По официальным данным сейчас она составляет 15:1, по оценкам независимых экспертов — 30:1, а в Москве — 42:1. По этому показателю Россия — одна из наиболее неблагополучных стран мира.

Чем больше пропасть между богатыми и бедными, тем выше социальная напряженность в обществе, таящая в себе опасность социального взрыва. Сегодня все более очевидной становится взаимная неприязнь двух слоев населения, которая в условиях системного кризиса все чаще перерастает в презрение и ненависть друг к другу. Все это грозит гражданской войной «классического» типа.

Перед левыми, народно-патриотическими силами стоит сегодня стратегическая задача: обеспечить мирный, без гражданской войны, возврат власти народу и выход из социально-экономической катастрофы.

Государственная власть из «хлебного места» должна превратиться в удел подвижников, людей, действительно болеющих за Отечество, за дело народа. Только власть, опирающаяся на большинство и контролируемая им, сумеет покончить с криминальным беспределом, сумеет мирным путем восстановить порушенную справедливость и вывести Россию на путь прогресса и процветания.

Глава вторая

ЭКОНОМИКА В ПОРОЧНОМ КРУГУ

Мифология «реформ»

Начало третьего тысячелетия не избавило Россию от вороха острейших экономических и социальных проблем, которые накопились к концу прошлого столетия. Скорее, наоборот: в наши дни они множатся,

словно в геометрической прогрессии, все глубже становятся их проявления.

Безвременье «перестроек» и «реформ» конца XX века поддерживалось целым комплексом лживых, но внешне правдоподобных мифов. Некоторые, кстати, дожили до нынешних времен. Среди них есть два особо вредных, которые распространяли о себе «реформаторы» и в которые, к сожалению, до сих пор верит даже часть оппозиционной общественности. Первый из них гласит, что государство будто бы полностью отказалось от регулирования и вмешательства в экономику и пустило ее в свободное плавание. Второй миф тесно связан с первым и утверждает, что в результате такого поведения государства в экономике страны будто бы возник свободный рынок западного образца.

Тезис о том, что государство еще в 1990-е годы отпустило экономику в «свободное плавание», не выдерживает критики. Никогда еще государственное вмешательство в экономику не было столь жестким и циничным. Никакая «невидимая рука рынка» не смогла бы организовать, например, «залоговые аукционы» с заранее известным результатом. Или соорудить пирамиду ГКО. Соответственно никакого цивилизованного рынка в России никогда не было. Под формально рыночной оболочкой выросли отношения и институты совсем иного рода — отчасти стародавнего, а во многом — доселе неведомого.

Уже с момента своего возникновения на рубеже 1980—1990-х годов эти квазирыночные институты проявили себя не стимуляторами производства, а тромбами в системе экономического «кровообращения». В частности, знаменитые в то время товарно-сырьевые биржи, принеся своим организаторам гигантские, исчисляемые тысячами процентов в год, прибыли, на деле оказались гораздо менее эффективными, чем даже малоповоротливая сверхцентрализованная система Госснаба. Вместо освобождения товарно-денежного оборота они окончательно его за-

перли. Затем наступила пора расцвета коммерческих банков, которые в итоге разрушили финансовое обращение.

Поле этого «радикал-реформаторы» изменяли систему — вместе с либерализацией цен из нее было выломано среднее, распределительное звено. В один день исчезли горбачевские талоны. Населению было предложено расплачиваться за покупки обесцененными дензнаками. Затем настал черед «жесткой финансово-кредитной политики», когда под предлогом борьбы с инфляцией людям вообще перестали платить за выполненную работу.

Таким образом, оба крайних звена системы сохранились — просто денежная эмиссия сменилась бесконечной эмиссией указов, постановлений, краткосрочных и среднесрочных программ и т. п. По-прежнему на одном полюсе фигурировал неоплаченный труд, на другом — обещания погасить долги и призывы потерпеть еще чуть-чуть. В такой обстановке быстро восстановилось среднее, исчезнувшее было звено — талонная система и оплата труда натурой.

Что касается оптового рынка сырья и материалов, то на нем прочно утвердилась система волевого распределения, только уже не чисто административная, а криминально-коррупцированная сеть посредников, отношения которых с товаропроизводителями определяются не свободной конкуренцией, а взятками и воровским «законом».

Возникает вопрос: каким образом могли совмещаться такие явления, как рынок капиталистического типа, предполагающий прежде всего наличие рынка рабочей силы, и безвозмездный труд? Ничего подобного в истории не было — ни при египетских фараонах, ни при римских императорах, ни во времена «хижины дяди Тома», ни во времена ГУЛАГа. Эксплуататор всегда и везде так или иначе нес бремя расходов по воспроизводству рабочей силы — рабов и зэков все-таки кормили. Везде, но только не в России! В ней действовала абсолютно антирыночная логика, вернее,

логика дикого капитализма в самых первобытных его формах.

Отличительная особенность России первого десятилетия XXI века — полная реставрация капитализма. «Переходный» период завершился тем, что российская «элита» вывела для себя особый вид капитализма — криминально-олигархический.

Пропагандируя либерально-рыночный подход к экономике, власть не хочет даже слышать о необходимости перехода, пока еще не поздно, к жестким мерам государственного регулирования экономики, решения накопившихся в ней проблем. Но как обстоят дела не на словах, а в реальности?

Практика показала: государственное вмешательство в экономику в России все же осуществляется, но только когда речь идет об интересах финансовых воротил и олигархов. Здесь власть четко проявляет свои классовые симпатии.

Наиболее яркий пример — мировой финансово-экономический кризис, в начале которого 200 миллиардов долларов из Стабилизационного фонда были направлены на поддержку банкиров. И это вместо того, чтобы использовать резервные средства на восстановление экономики России, ее инфраструктуры, создание емкого внутреннего рынка, строительство действительно доступного жилья, решение проблемы достойного пенсионного обеспечения и других важных социальных вопросов.

Деньги, полученные банками, так и не дошли до реального производства. Они были пущены на финансовые спекуляции и осели в карманах крупных бизнесменов.

При созданной в России банковской системе их намного выгоднее вкладывать не в производство, а в ценные бумаги. Вот почему важнейшие для страны предприятия, целые отрасли экономики давно задыхаются и гибнут без инвестиций, а крупный капитал не горит желанием вдохнуть в них жизнь. Более того, в период кризиса усилился отток активов за рубеж.

А ведь вместе со сменой президентской власти на рубеже веков возникла надежда, что Россия перейдет к взвешенной и разумной политике. Ее укрепляло и первое послание нового президента к Федеральному собранию, где в числе приоритетов было заявлено о необходимости создания для страны условий для проведения независимой политики, предотвращения ее скатывания в разряд стран «третьего» мира, формирования социально-справедливой экономической системы, способной остановить вымирание населения, обеспечения людям благополучия и честной жизни.

Но все так и осталось на словах. Настоящей конкурентной рыночной экономики у нас так и не появилось, поскольку с резким взлетом мировых цен на энергоносители Россия «села» на «нефтяную иглу». А неспособность руководства страны обеспечить динамичное развитие экономики прикрывалась разговорами о всесильности рынка.

В 2000-е годы все практические дела руководства России поразительным образом расходились со словами и обещаниями. Надежды народа оказались обманутыми. Был продолжен курс, уничтоживший последние гарантии социальной защиты населения, остававшиеся в стране после правления Ельцина. Достаточно вспомнить федеральный закон № 122 о монетизации льгот, все «преимущества» которого прочувствовали на себе миллионы людей. Или Земельный кодекс, открывший эру распродажи российских земель. Или феодальный Трудовой кодекс, который создал безбрежное поле для произвола работодателей над трудящимися, низвел работника до уровня говорящего орудия. В интересах частного капитала были приняты Лесной и Водный кодексы. Последствия Лесного кодекса в полной мере проявились жарким летом 2010 года — лесные пожары тушить оказалось некому, фактически не нашлось и виновных, отвечающих за сохранность лесных угодий.

При каждой возможности руководство России, государственный сектор в которой сейчас составляет

менее 10 %, берется поучать лидеров западных стран относительно «опасности» чрезмерного государственного вмешательства в экономику. Почему-то не нравится нашим горе-правителям, что на Западе государство не выпускает из-под своего контроля стратегические и жизненно важные отрасли науки, промышленности, сельского хозяйства.

Однако становится по-настоящему тревожно, когда они в то же время поддерживают расширение прав глобального правительства в лице его финансовых институтов на вмешательство во внутренние дела государств. Россию за уши тянут в ВТО, и все делается, чтобы максимально ускорить этот процесс, не дожидаясь, пока начнет толком действовать Таможенный союз России с Белоруссией и Казахстаном. А ведь по сути это может стать очередным этапом разграбления богатств России.

Тревогу по поводу последствий вхождения нашей страны в ВТО высказывают не только отечественные экономисты и СМИ. В апреле 2010 года откровенный комментарий по поводу намерений российских властей опубликовала влиятельнейшая американская деловая газета «Уолл-Стрит Джорнэл». «С точки зрения торговли Россия больше теряет от вступления в ВТО, чем приобретает, — пишет газета. — На ее основные предметы экспорта — нефть и газ — правила ВТО не распространяются. Зато ей придется понизить пошлины практически на все импортируемые товары, что сделает ее собственную промышленность еще более уязвимой со стороны иностранцев».

Повышение открытости внутреннего рынка в условиях сырьевой экономики исключает реализацию в нашей стране стратегий развития, основанных на импортозамещении и росте высокотехнологичного экспорта. Если потери российских предприятий от принятия уступок в ходе присоединения к ВТО будут вполне конкретны и весьма тяжелы, то ожидаемые выгоды носят гипотетический характер. Нетрудно представить, какой удар вступление в ВТО нанесет нашему

сельскому хозяйству, которое и без того находится в крайне тяжелом положении.

Несмотря на видимость глубоких расхождений между Россией и Западом по целому ряду принципиальных вопросов, наши руководители используют любые случаи, чтобы выразить свою приверженность либеральным идеалам. Это не что иное как демонстрация полного понимания интересов западных держав, которым кроме энергетических и иных природных ресурсов от России больше ничего не надо.

Вопрос в том, ценит ли Запад такую трогательную заботу, отвечает ли он России взаимностью? Думается, нет. Вооруженный конфликт с Грузией, газовые скандалы с ближайшими соседями ясно показали, на чьей стороне симпатии сообщества капиталистических государств.

Политический вес на международной арене России зависит только от ее «рыночной стоимости», которая определяется исключительно источниками сырья — от нефти до пресной воды, — находящимися на ее территории.

Механизм ограбления

Действующая у нас система ограбления страны прошла в своем формировании несколько этапов.

Первый этап пришелся еще на последние годы «перестройки», когда под флагом «кооперативного движения» началось интенсивное **отмывание криминальных и теневых капиталов**. Огромные суммы денег были переведены из безналичной в наличную форму. Эта наличность образовала над потребительским рынком так называемый рублевый навес, то есть денежную массу, не находящую себе применения ни в сфере обращения, ни в сфере производства.

Обрушение навеса привело к полному слому рыночного равновесия между спросом и предложением, всеобщему дефициту, талонной системе и безудержной спекуляции. Легальный (государственный) потребительский рынок был практически уничтожен.

Единственным рынком остался «черный» с его лозунгом: «плати три цены — и получай все, что угодно». Денежные средства трудящихся были обесценены де-факто уже в тот период.

Из этой ситуации было два возможных выхода. Один — мерами госрегулирования восстановить покупательную способность советского рубля. Робкие попытки такого рода предпринял кабинет Павлова. Другой — легализовать «черный» рынок, что и сделал Гайдар.

Второй этап — либерализация цен — стал логическим продолжением первого этапа. Без его подготовительной работы либерализация не имела бы столь разорительных последствий. Но лишение населения трудовых сбережений, при всей его гнусности и цинизме, померкло перед действительной целью, которую, как скоро выяснилось, преследовала «шоковая терапия». Эта цель заключалась в том, чтобы обесценить ваучер, стоимость которого была нарочито определена в «дореформенных» ценах — в две «Волги», и перейти к следующему этапу.

Третьим этапом стала приватизация, крупнейшая кампания «реформаторов», выстроенная на откровенной лжи. Сегодня те, кто ее планировал и проводил в жизнь, уже не скрывают, что реальные цели этой аферы столетия отличались от заявленных как небо от земли. Говорили о приватизации в интересах всего народа. Но предприятия, составлявшие гордость советского народного хозяйства, за бесценок ушли в руки узкой группы дельцов, связанных с коррумпированными чиновниками.

Много говорилось о повышении эффективности использования бывшей государственной собственности, о привлечении инвестиций и высоких технологий. Однако практически все новые владельцы выжимали и продолжают выжимать прибыль из гигантского потенциала, созданного советским государством.

Ложь стала ясной большинству населения слишком поздно — лишь после того, как ваучер, оцененный, по

Чубайсу, в две «Волги», стал обмениваться на две бутылки водки.

Процветали многочисленные мошеннические пирамиды типа приснопамятного АО «МММ». Использование опыта этих пирамид, но уже в общегосударственном масштабе, стало существенным элементом **четвертого этапа** разграбления народного достояния — **так называемой «финансовой стабилизации»**. Государство использовали для извлечения сверхприбылей и отмывания украденных денег через спекуляции с ГКО.

Специфическим регулятором экономики в интересах олигархических кланов на этом этапе стала спекулятивная игра на курсе национальной валюты. Называлось все это вполне респектабельно: «валютный коридор», в рамках которого Центробанк обязывался удерживать курс рубля.

Уже в период введения «коридора» возникли вопросы, каким образом, кроме искусственного и насильственного, можно поддерживать стабильность рубля в условиях пикирующего производства и зачем это делается. Однако вопросы потонули во всеобщей эйфории по поводу долгожданной «победы над инфляцией».

Даже когда выяснилось, что «победа» достигнута посредством массовой задержки зарплаты и усугубления кризиса платежей, подлинная суть данного «мероприятия» оставалась скрытой от подавляющего большинства населения. И лишь после дефолта 1998 года, когда граждане впервые, пожалуй, столь наглядно на собственном горбу почувствовали действие некоторых макроэкономических закономерностей, когда рядовой покупатель узнал, сколько на самом деле стоит «дешевый» импортный товар, сокровенная суть макроэкономической политики режима вышла наружу. Можно смело утверждать: **«твердый российский рубль» — одна из самых грандиозных афер во всемирной экономической истории со времен изобретения денег.**

Рыночная цена товара формируется под влиянием массы противоречивых факторов и потому никогда не бывает равной его стоимости, постоянно колеблясь вокруг нее в известных пределах. Весь вопрос, насколько велики эти пределы. Но если рублевые цены на огромный массив товаров в течение нескольких лет держались на уровне, вдвое-втрое более низком, нежели их реальная стоимость, выраженная в валюте, значит, никакого рынка с его «невидимой рукой» в экономике страны не было.

Зато на славу поработала другая «невидимая рука» — не рынка, а государства. Действовала отлаженная система выкачивания из России национальных богатств и уничтожения ее производства. Искусственно поддерживая завышенный курс рубля, государство в течение длительного времени беззастенчиво дотировало импортные товары и зарубежное производство, целенаправленно занижая тем самым конкурентоспособность отечественной продукции, подрывая экспорт, разоряя и уничтожая российского товаропроизводителя.

Название такой политики хорошо известно. Это политика поддержания монопольно низких цен с целью разорения конкурентов. Но в истории еще не было случая, чтобы кто-то поддерживал монопольно низкие цены на продукцию конкурентов за счет своих же собственных средств.

А средства были затрачены гигантские. Их различными способами изъяли у населения, из промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры, образования, социальной сферы. Сначала — либерализация цен, разорившая подавляющее большинство населения. Затем — раздача за бесценок большей части государственности узкой группе лиц.

Дальнейшее тоже хорошо известно. Утрата контроля над остатками госсобственности. Отказ от государственной винно-водочной и внешнеторговой монополии. Льготные, фактически безвозвратные, кредиты коммерческим структурам. Внутренние заимствова-

ния через пирамиду ГКО — ОФЗ, приносящие тем же структурам прибыль в 100 % годовых. Предоставление бюджетных средств уполномоченным коммерческим банкам. Прямые хищения из кармана трудящихся путем невыплаты зарплаты и неоплаты госзаказа. Многомиллиардные траты золотовалютных резервов на искусственное поддержание завышенного курса рубля.

В то же время те, кто считает, что у «реформаторов» не было никакой социальной политики, ошибаются. Она проводилась, причем весьма активно, тонко и целенаправленно.

Часть изъятого перераспределялась в пользу населения и служила инструментом социальной манипуляции. Поддерживая относительно приемлемый уровень цен на импортные ширпотреб и продовольствие, государство дотировало тем самым потребление не только «верхов», но и «низов». Это позволяло снизить накал социальной напряженности и демпфировать неизбежные протесты населения.

Кроме того, высокая конкурентоспособность и выгодность импорта породили настоящий спекулятивный бум и помогли создать новые рабочие места в мелко-оптовой и розничной торговле, куда устремилась молодежь. Миллионы квалифицированных рабочих и специалистов, потерявших работу в реальном секторе, также переквалифицировались в лотошников и «челноков». Вернее, деквалифицировались. И это нанесло еще один, пожалуй самый губительный, удар по российской экономике — подорвало ее кадровый потенциал.

Действовала отлаженная система проедания накопленного за предшествующие семь десятилетий национального богатства. В ней было предусмотрено все, кроме одного — воспроизводства расходуемых ресурсов. Об этом никто не заботился, и как только проедать стало нечего, система начала быстро разрушаться. Вновь образовался рублевый навес — на этот раз уже в руках не населения, а олигархов. И обрушился он не на потребительский рынок, а на рынок государственных ценных бумаг и иностранной валюты, поро-

див августовский дефолт 1998 года. Рухнула пирамида ГКО, разорив казну, рухнул искусственно завышенный рубль, в очередной раз разорив население.

Изменился ли грабительский характер нашего государства в 2000-е годы? К сожалению, суть его осталась прежней, меняются только методы и средства отъема денег у населения.

Львиная часть государственных средств в начале финансово-экономического кризиса ушла на поддержку банкиров. Некому их больше пожалеть, ведь если верить В. Путину, за время кризиса «олигархи пообнищали прилично». Но главное, в России по-прежнему господствует принцип «один с плоской, семеро с ложкой». Слишком много всевозможных посредников и спекулянтов сидит на шее трудового народа. Именно этим, например, объясняется тот факт, что в стоимости булки хлеба доля крестьянина составляет не больше 10 %.

Наш народ вынужден также кормить огромную армию прожорливого чиновничества. Причем оплачивает он не только зарплату и социальные блага, которые полагаются государственным служащим. Как известно, в последние годы пышным цветом расцвели взяточничество и коррупция, что также дополнительным прессом давит на трудящихся.

А к этому следует добавить неуклонный рост тарифов ЖКХ, стоимость различных бытовых услуг, неуправляемую инфляцию. Продолжается давняя традиция дележа богатств России между властными структурами, чиновниками и бизнесменами с преступными кланами.

О каком цивилизованном рынке может идти речь, если на расширенное воспроизводство средств в стране не остается?

Сырьевая ловушка

Когда золотой нефтедолларовый дождь, который пролился на Россию, иссяк, страна сразу же оказалась у разбитого корыта. Почему так случилось?

С 1998 года, после периода резкого падения, цены на нефть устремились вверх и за десятилетие, вплоть до начала финансово-экономического кризиса, увеличились практически в 10 раз. В результате их астрономического взлета на время ослаб пресс безысходности и нищеты, довлевший над широкими массами трудящихся и пенсионеров. Пожалуй, впервые с начала 90-х годов у правительства появился, наконец, шанс поправить положение дел в промышленности, сельском хозяйстве, социальной сфере, создать емкий внутренний рынок. Но ничего этого не произошло.

К началу кризиса в России окончательно устоялась сырьевая модель экономики. За счет растаскивания советской промышленности создали узкую группу олигархов, которая заправляет в сырьевом секторе. Ведь в нем норма прибыли в пять — семь раз выше, чем в других отраслях. Такого нет нигде — сырьевые отрасли во всем мире наиболее капиталоемки. Но ничего удивительного в этом нет: сверхприбыли образуются за счет ранее, в советское время, созданного богатства. Не случайно износ основных фондов отрасли доходит до 70—80 %.

Конечно, сырьевые богатства России велики, и они могут послужить делу преодоления национальной катастрофы, разумеется, при условии их возвращения в общенародную собственность и под контроль государства. И, тем не менее, это еще не выход. Во всяком случае, не стратегический выход, отвечающий реалиям постиндустриальной эпохи.

Стратегическая задача состоит в том, чтобы, опираясь на природные богатства страны, преодолеть сырьевую модель экономики, вывести страну на траекторию постиндустриального развития. Пока же нежелание диверсифицировать отечественную экономику привело к тому, что в результате мирового кризиса Россия оказалась в самой глубокой яме, среди двадцати наиболее развитых стран — на 20-м месте.

Признанием тупикового характера нынешней модели развития страны, намерением переломить по-

ложение дел является переход к модернизации, объявленный президентом Медведевым. Казалось бы, такие шаги можно только приветствовать. Но уже сейчас обнаруживается одна закономерность: как только цены на нефть приближаются к отметке 80 долларов за баррель или, тем паче, переваливают ее, разговоры о модернизации стихают, а в заявлениях руководителей государства по поводу преодоления кризиса звучат оптимистично-хвастливые нотки. Это говорит о том, что принципиальных сдвигов в ближайшем будущем вряд ли следует ожидать. Тем более, нельзя надеяться, что один инновационный центр Сколково потащит за собой всю Россию к вершинам научно-технического прогресса.

Нефтегазовая промышленность пока кормит страну. Но ее запасы не выглядят неисчерпаемыми. Специалисты считают, что природных запасов нефти хватит немногим более чем на четверть века. А что дальше? Что ждет новое поколение России?

Роль сырьевых ресурсов во всемирной глобализации становится все более конфликтной. Соперничество за будущие источники сырья приобретает вид вооруженных «гуманитарных» интервенций.

Глобализация стелет жестко. Ее идеологи настаивают на некой «обязанности» России обеспечить доступ Западу к сырьевым российским ресурсам. В мягком, «цивилизованном» варианте — это «план Проди», который возник в начале 2000-х годов.

Речь идет об идее бывшего премьер-министра Италии и председателя Европейской комиссии Романо Проди, который предложил наладить стратегическое партнерство ЕС с РФ в обеспечении энергетической безопасности Европы в XXI веке. Ее суть в резком увеличении гарантированных поставок российских энергоносителей в страны союза при помощи обширных европейских инвестиций в наши энергодобывающие отрасли, внедрения в них новейших технологий и т. д. Бывший канцлер ФРГ Герхард Шрёдер так выразил основную мысль «Плана Проди»: «Нам нужна энер-

гия, России нужны деньги; у нас есть деньги, а у России есть энергосырье; налицо естественное сближение интересов».

Внешне все предстает весьма заманчиво: масштабность, стабильность, взаимовыгодность, долгосрочность партнерства с Евросоюзом, крупные инвестиции... Однако в обозримом будущем такое сотрудничество выглядит для России не слишком привлекательно. Ведь тогда за ней и в XXI веке вольно или невольно резервируется сегодняшняя роль сырьевого придатка в европейском разделении труда.

Если Россия, под давлением доморощенных олигархов, западных кредиторов и либерального правительства окончательно определится как страна с сырьевой экономикой, она еще и вступит в жесткую конкуренцию с другими развивающимися странами.

Перепады цен, демпинг и избыточность предложения на рынках сырья известны. А в затратном отношении сырье России оказывается дороже. Специалисты считают, что проигрыш в этом виде международной конкуренции — сырьевом экспорте — обернется для России «еще большими потрясениями, чем проигрыш в гонке вооружений».

Президент Д. Медведев стал одним из первых российских руководителей, признавших, что сохранение экспортно-сырьевой модели развития и зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры являются сейчас главными угрозами безопасности РФ в экономике. Уже дважды на Мировых политических форумах в Ярославле он откровенно говорил, что страна зашла в тупик, что надо менять действующую модель экономики, что необходима жесткая борьба с коррупцией, широкая кадровая скамейка и энергичные действия, особенно в области модернизации.

Изменится ли что от такого понимания — покажет ближайшее время. Государственный бюджет на 2011 год и плановый период 2012—2013 годов свидетельствует о том, что страна продолжает катиться по наезженной колее.

На чужих условиях

Масштабы глобализации искусственно раздуты. Страны с бедной и незрелой экономикой действительно жестко завязаны на сырьевой экспорт, но развитые государства с большим объемом ВВП этого не делают. «Дело не в возросшем взаимодействии государств, а в их растущем неравенстве, — призывает глядеть в корень глобализации известный американский политолог Кеннет Уолтц. — Суверенное государство с фиксированными границами является наилучшей организацией для сохранения внутреннего мира и создания условий для экономического благоденствия. Национальные политические интересы, а не международные рынки объясняют экономические изменения». Увы, почему-то нынешнее руководство России этого понимать не хочет.

Глобализация по-американски для XXI века — такой же «экспортный» идеологический товар с фальшивой подкладкой, как и «права человека» в 1960-е годы. Идея о том, что в недалеком будущем государство как институт должно благополучно зачахнуть — лукавство могучего Запада. Как ни крути, самодостаточность крупных экономик и в технотронном XXI веке остается залогом экономической безопасности. «Глобализация беспощадна к тем, кто откажется от права на самоопределение» — это предостережение видного политика, бывшего президента Аргентины Рауля Альфонсина сбывается на наших глазах.

Кризис мировой экономики сделал положение России особенно уязвимым — мы ходим по канату со своей тяжелой экспортной поклажей. Если рынки сырья и продуктов первого передела обрушатся еще раз, куда пойдет Россия, где целые промышленные отрасли сведены на нет?

Такой сценарий исключать нельзя. И недавние невзгоды, которые вовсе не ушли в прошлое, в чем нас пытается убедить правительство России, покажутся детской игрой по сравнению с тем, что ожидает людей в будущем.

Все страны, добившиеся успеха, интегрировали свою экономику в мировую взвешенно, с оглядкой, по мере роста конкурентоспособности и укрепления национальной валюты. Даже осуществляя политику «открытых дверей», большинство стран свои базовые отрасли, инфраструктуру и ВПК оставляют за сильным и динамичным госсектором. Конкурировать на мировых рынках могут лишь крупные корпорации с оборотом в десятки и сотни миллиардов долларов. В послевоенной Италии и Франции такие корпорации-локомотивы были ядром мощного конкурентоспособного госсектора.

Взаимоотношения государственного и частного секторов — вовсе не отношения чужаков, соперников, идейных антиподов. Соперник российского бизнеса — не госсектор, а внешние конкуренты. Пользуясь нашим безоглядным либерализмом, они рано или поздно займут командные позиции, с которых правительственные реформаторы вознамерились окончательно выкурить госсектор. Сейчас он неумолимо сокращается.

На очередном витке приватизации возникло новое «детище» министра финансов РФ Кудрина — так называемая Программа повышения эффективности бюджетных расходов. Эксперты ее окрестили «бюджетной революцией Кудрина». При этом слово «революция» они используют прежде всего в негативном, разрушительном смысле. Программа — яркая иллюстрация к тому, что шоковые идеи Гайдара — Чубайса живут и процветают.

Кудринские инициативы предполагают, что распределение бюджетных средств станет исключительной прерогативой финансового блока правительства, без всякого контроля со стороны. Это означает, что максимально расширяются возможности для коррупции при использовании госбюджета. По существу, речь идет о фактической «приватизации» государственного бюджета, который полностью прибирает к своим рукам Министерство финансов.

Приватизация по-кудрински — принципиальное направление оживления либерального курса в российской экономике, берущее начало в 2008—2009 годах. Это, пожалуй, похуже, чем приватизация 1990-х годов и монетизация начала 2000-х вместе взятые: на распродажу выносятся вся социальная сфера — вузы, школы, здравоохранение, культурные учреждения. Это означает, что будет разрушаться генотип русского народа, который всегда отличался высоким коллективизмом и духовностью, всегда умел дружно работать и самоотверженно сражаться. Если эта линия будет продолжена, мы не сумеем сохранить Российскую Федерацию как единое государство.

Есть ли выход?

Ответить на этот вопрос невозможно без ответа на другой: «Могут ли буржуазно-демократические преобразования быть последовательно осуществлены руками самой буржуазии?» Вот, пожалуй, политико-экономический эквивалент знаменитого «русского вопроса» в том виде, как он объективно стоит по меньшей мере с 1861 года.

Опыт российской истории до сих пор давал на этот вопрос сплошь отрицательные ответы. Теперь страна переживает еще одну попытку. И мы все больше убеждаемся, что нынешней российской буржуазии нельзя доверить такое ее, казалось бы, кровное дело, как формирование рынка.

В России господствует класс, которому социологи еще долго будут подбирать подходящее название. Пока же, за неимением лучшего, укоренился термин «олигархия», хотя он и не выражает сути обозначаемого явления.

Этот класс возник как результат симбиоза коррумпированной бюрократии, спекулятивного капитала и организованной преступности. Российская экономика страдает вовсе не от рынка, а от существующей под «рыночной» вывеской монополизации сферы товарно-денежного обращения социальными груп-

пами, имеющими ярко выраженный антиобщественный, антигосударственный характер. Свободной конкуренции, или хотя бы ее подобия, нет. Господствует монополизм спекулятивных, бюрократических и криминальных группировок, распределяющих между собой товарные и финансовые потоки путем сговора, административного давления или силового устранения чересчур строптивых.

Все вместе взятое и называется олигархией, которая похожа на змея о трех головах. Одна голова кормится спекуляцией, другая — коррупцией, а третья — рэкетом, который хоть за 20 лет и видоизменился, но никуда не исчез — ряды рэкетиров из криминальных кругов пополнили представители силовых структур и чиновничества. Задачи демократических преобразований в корне противоречат интересам каждой из этих трех фракций правящего класса.

Зоологический эгоизм «новорусской» буржуазии заставляет сомневаться в том, что она сможет когда-нибудь пожертвовать сиюминутной корыстной выгодой ради обеспечения своих долгосрочных стратегических интересов, не говоря уж об интересах Отечества. Даже если смена курса будет осуществляться в интересах капитала и иметь целью становление настоящего рынка, а не укрепление нынешней паразитической псевдорыночной конструкции, российская буржуазия вряд ли «потянет» на эту роль.

Защищая интересы российского товаропроизводителя, можно и должно, разумеется, дифференцировать разные группы буржуазии, отделять капитал национальный и производительный от капитала компрадорского и спекулятивного. Это элементарное требование конкретного анализа, исходящего из приоритета общенародных интересов. Но при этом нельзя терять из виду то обстоятельство, что реальный сектор экономики представлен не только и не столько «директорским корпусом» и «национальным капиталом», сколько рабочими, крестьянами и спе-

циалистами. И интересы реального сектора, отечественного производства — это прежде всего их интересы, интересы трудящегося большинства. Поэтому уместно напомнить: цивилизованный рынок оказался в России реальностью только один раз — в эпоху нэпа, то есть при политическом полновластии трудящихся.

Без этого условия требование усиления государственного регулирования, с которым выступают коммунисты, остается чистой абстракцией. К примеру, многие квазигосударственные компании, которые позиционируют себя как «общенациональное достояние», являются, по сути, достоянием узкой группы лиц из числа олигархов, банкиров и высшего чиновничества. В то же время у государства и по сей день остается более чем достаточно рычагов для регулирования экономики. Действительная проблема заключается в том, какое государство и в чьих интересах будет ее регулировать.

Чтобы выжить в грядущей мировой депрессии, необходимо возродить роль российского государства как активного экономического игрока, действующего в интересах народа.

Глава третья

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ ПАТРИОТОВ

Граждане бывшего Советского Союза часто повторяют сегодня одну и ту же мысль, задают один и тот же вопрос: «Мы жили все вместе мирно и дружно, и никто не интересовался, какой национальности сосед. Так почему же нас перессорили? Как это удалось?»

Известно, что главным двигателем разрушения Союза и прогрессирующего распада России стал воинствующий национализм, который нагнетался самыми провокационными способами. При этом с самого начала обнаружилась странная, на первый взгляд, двойственность в тактике провокаторов. Возрастание на-

ционального самосознания любого народа — от армян и украинцев до чукчей и чеченцев — рассматривалось как явление позитивное и прогрессивное. Аналогичные же процессы в национальном самосознании русских однозначно расценивались как явление резко отрицательное и реакционное — национализм, шовинизм и т. д.

Всячески поощряя нарастание националистических настроений в нерусской среде, либеральная пропаганда одновременно внушала русскому народу комплекс неполноценности, вины и покаяния. Русофобия стала одним из основных орудий перестройки.

Это неспроста. Разрушители нашего единого Отечества хорошо поняли то, чего не сразу поняли его защитники. Они чутко уловили, что русский патриотизм, русское национальное самосознание есть главный противник антисоветских и антикоммунистических сил. И направили все свои усилия на его подрыв.

Задача разрушителей в значительной мере была облегчена тем, что ей фактически способствовала официальная политика КПСС 1960—1980-х, выглядевшая карикатурой на национальную политику первых двух послереволюционных десятилетий. Именно карикатурой, потому что она руководствовалась принципами, переставшими отвечать изменившимся условиям.

Вспомним, что суть национальной политики в начальный период Советской власти состояла в ликвидации фактического национального неравенства. Так, формулируя принципы объединения советских республик в единый Союз, Ленин подчеркивал, что необходимо обеспечить не только формальное равенство наций.

«Нужно, — писал он, — возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством “великодержавной” нации. Необходимо неравенство, которое возмещало бы то

неравенство, которое складывается в жизни фактически».

Таким образом, в те времена понятие «национального вопроса» отождествлялось с проблемами нерусского населения, национальных меньшинств, что в общем и целом соответствовало реальному положению вещей. Соответственно и национальная политика трактовалась в первую очередь как политика по отношению к инородцам. В основе ее лежала система уступок со стороны русских и преимуществ для нерусских. Что это за уступки и преимущества?

Во-первых, всесторонняя, всеобъемлющая помощь национальным окраинам за счет человеческого, материального и культурного потенциала русских и Центральной России. Русский народ с пониманием отнесся к этой задаче, с его первенствующей помощью на окраинах России был создан мощный экономический, культурно-технический потенциал.

Во-вторых, формирование единого государства по федеративному принципу, признание полного государственного равноправия с Россией новых республик с титульной нацией во главе. Это было хотя и обоснованной, но все же уступкой, ибо до революции Ленин, признавая право наций на отделение, тем не менее неоднократно и определенно высказывался против федеративного устройства будущего социалистического государства.

Ясно, что эта политика обуславливалась совершенно конкретными обстоятельствами места и времени. И она приносила успех, пока соответствовала объективным задачам, пока обстоятельства не изменились. Бездумное продолжение ее и после того, как фактическое неравенство было в основном преодолено, губительно сказалось на судьбе сначала Советского Союза, а затем и самой России. В итоге русский народ сам оказался в фактически неравном положении в своей собственной стране. Сегодняшнее его состояние не имеет прецедентов в новой и новейшей истории Российского государства.

Русские оказались крупнейшим в мире разделенным народом. И это разделение настолько глубоко и многомерно, что заставляет говорить о реальной угрозе исчезновения русских как нации. Они разделены географически. 25 миллионов человек в одночасье превратились в иностранцев в своем Отечестве, где они подвергаются дискриминации и вытеснению. Не лучше их положение и в некоторых так называемых национальных окраинах РФ.

Они разделены имущественным неравенством, и пропасть между богатыми и бедными углубляется с каждым днем.

Они разделены идеологически. При всем многообразии идейных течений в современном обществе, основной водораздел проходит между приверженцами социализма, советского строя и сторонниками буржуазного пути развития.

Идет беспримерное по своим масштабам наступление на русскую культуру.

Русских пытаются лишить национальной самоидентификации. Ликвидация упоминания о национальной принадлежности в паспорте есть попытка убить одним выстрелом двух зайцев: замести следы хозяйничанья националистов, еще больше подорвать национальное самосознание людей.

Снизилась солидарность и чувство национального самосохранения русского народа. А ведь именно они цементировали неразрывное единство Советского Союза и России.

Русский народ в буквальном смысле вымирает. Причин много: низкие зарплаты и пенсии, ухудшение медицинского обслуживания и удорожание лекарств, достигшее огромных масштабов пьянство и наркомания. По всем критериям, принятым в мировом сообществе, идет геноцид русского народа. Его численность за годы «реформ» сократилась почти на 15 миллионов.

Все это заставляет сделать вывод, что конкретная форма национального вопроса в современной Рос-

сии — это уже не вопрос «национальных окраин», а вопрос «национальной сердцевины». Он касается теперь в первую очередь не меньшинства, а подавляющего большинства населения России.

Это ни в коей мере не умаляет масштаба проблем, которые стоят перед другими народами. От последствий реставрации в стране капитализма страдают все, в помощи нуждаются люди самых разных национальностей и народностей.

Но если наша цель — спасение и укрепление единства Отечества, мы должны ясно представлять: без возрождения русского народа достичь ее невозможно. Ведь центробежные факторы, под воздействием которых разваливается Россия, сегодня другие, нежели 90 лет назад. Тогда это было ущемленное положение национальных меньшинств, а сегодня это — ослабление русского народа как естественного центра притяжения. Продолжение процесса не принесет счастья и благополучия ни одному из живущих в Российском государстве народов, ибо их судьба теснейшим образом связана с судьбой русских.

Государственное будущее страны зависит от восстановления русским народом своих материальных и духовных сил, своего национального единства. Слабый народ таким центром притяжения и сплочения всех народов России быть не может.

Нужно уметь отделять национальные чувства от интересов прикрывающихся ими реакционных сил. Но нужно уметь и другое — видеть связь национальных интересов с интересами социального прогресса.

Известно, что внутри КПСС с первых лет Советской власти существовали и боролись фактически две партии. Одна из них, продолжающая ныне благополучно здравствовать под собирательным наименованием «партия власти», всегда глядела на страну как на свою частную корпоративную добычу. Патриотизм был для нее пустым звуком и без колебаний приносился в жертву собственным интересам, прикрываемым

сначала вывеской «мировой революции», а затем — «возвращения в мировую цивилизацию».

Другая партия, идейным и политическим правопреемником которой стала КПРФ, всегда выступала выразителем народных, а, следовательно, и национальных, государственных, интересов России. В нашей, ленинской, партии социалистическая идея никогда не была отделена от патриотической, хотя взаимоотношения между ними складывались порой весьма не просто, особенно на начальном этапе революции.

Но в истории России был период, когда непримиримые противники Советской власти пытались противопоставить социализм и патриотизм. Это были суровые годы Гражданской войны, разразившейся после революции. Красные выступили под знаменами классовой борьбы во имя социальной справедливости. Белые — под лозунгами борьбы с большевиками во имя единства и неделимости России. На чьей стороне была историческая правда, прояснила широкомасштабная иностранная интервенция против Советской России.

Перед лицом внешней угрозы наш народ, как всегда, мобилизовал все свои внутренние ресурсы. Люди увидели и поняли, что вожди Белого движения перестали олицетворять идеалы русского патриотизма. Они встали на путь компрадорской политики, обещая иноземцам территориальные уступки в обмен на военную помощь. Большевики оказались единственной реальной патриотической силой, преградившей путь интервентам.

В декабре 1917 года Англия и Франция заключили конвенцию о разделе сфер влияния в России. Империалисты всего мира пошли войной на нашу землю, стремясь не только ликвидировать власть трудящихся, но и расчленить Россию.

В 1918 году госсекретарь США Д. Миллер заявил, что США «не рассматривают вопрос о русских территориях с точки зрения единой России... Кавказ,

вероятно, придется рассматривать как часть проблемы Турецкой Империи; Среднюю Азию отдать под протекторат какой-нибудь европейской державе». Даже в европейской части России и в Сибири предполагалось создать самостоятельные государства под западным контролем. Американский план расчленения России получил название «14 пунктов президента Вильсона». Кстати, этот план в начале 1990-х годов был почти реализован «пятой колонной» предателей-компрадоров.

В августе 1918 года в статье-обращении «Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой!» Ленин пишет: «Советская республика окружена врагами». Внешний враг, «англо-французский и японо-американский империализм... грабит наши земли... наступает на мирную Россию так же зверски и грабительно, как наступали германцы...» Ленин выражает уверенность, что «у зверей англо-японского империализма не хватит сил занять и покорить Россию», что советская республика «победит и внешних и внутренних врагов».

Эту ленинскую статью можно по праву назвать первым манифестом социалистического патриотизма. Тяжелые годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции позволили вождям большевистской партии и Советского государства глубже понять диалектическое единство патриотизма и социализма. Формулой этого единства стал знаменитый ленинский призыв «Социалистическое отечество в опасности!».

Наиболее полно теоретические основы патриотического социализма были разработаны Лениным в 1918 году в небольшой статье «Ценные признания Питирима Сорокина». Рассматривая отношения патриотизма и социализма в контексте реальной исторической ситуации, он пишет: «К числу особенно больших, можно сказать, исключительных трудностей нашей пролетарской революции принадлежало то обстоятельство, что ей пришлось пройти полосу самого

резкого расхождения с патриотизмом, полосу Брестского мира». Этот мирный договор вызвал у патриотов «вполне понятные горечь, озлобление, бешеное негодование». Однако сознательные пролетарии, говорит Ленин, поняли, ради чего «мы приносим и должны принести величайшие национальные жертвы».

Теперь, наконец, и патриотам «факты мировой истории показали, что превращение нашей, русской, революции в социалистическую было не авантюрой, а необходимостью, ибо иного выбора не оказалось: англо-французский и американский империализм неизбежно задавит независимость и свободу России»...

Весьма показательно, что статья эта написана Лениным тогда, когда в партийном руководстве были еще сильны упования на скорую победу мировой революции. Еще крамольной казалась сама мысль о «построении социализма в одной отдельно взятой стране». Еще не было изжито негативное отношение ко всему русскому, национальному, традиционному... Если помнить об этом, то можно понять, сколь смелыми были выводы вождя Советского государства.

Размышления Ленина — это блестящий образец использования диалектического метода в анализе социальных процессов. В условиях, когда большевики поднялись на борьбу с иноземными интервентами, стремившимися захватить и расчленить Россию, настроения русских патриотов стали меняться. «Миновали те объективные условия, — пишет Ленин, — которые особенно резко оттолкнули от нас... патриотов. Наступили новые мировые объективные условия, которые заставляют их повернуть в нашу сторону». Проще говоря, именно исторический поворот русского национального патриотизма в сторону социализма и обеспечил победу большевиков.

Народ понял, что Советская власть не только защищает интересы трудящегося человека, но также стоит на страже государственных, общенациональных, вековых интересов России. Увидев все это, на-

род и поддержал новую власть. В свою очередь лучшие представители партии решительно выступали против перегибов «военного коммунизма»: продразверстки, разрушения вековых традиций крестьянского быта, гонений на православие.

В этих условиях победа в Гражданской войне стала не просто победой коммунистической партии над своими политическими противниками. Ее нельзя даже свести к победе красных над белыми. С полным основанием можно сказать: это была победа России!

У Ленина есть прекрасные слова: «Патриотизм человека, который будет лучше три года голодать, чем отдать Россию иностранцам, это — настоящий патриотизм, без которого мы три года не продержались бы. Без этого патриотизма мы не добились бы защиты Советской республики. Это — лучший революционный патриотизм».

Но тезис о неразрывном единстве социализма и патриотизма пробивал себе дорогу с большим трудом. В партии существовала и другая линия, большим влиянием пользовалась и иная — антипатриотическая — группировка. После революционного взрыва 1917 года и кровопролитной Гражданской войны, на волне революционной романтики и ожидания скорой мировой революции, воспользовавшись неизбежной в таких условиях неразберихой и лукаво прикрываясь лозунгом пролетарского интернационализма, на поверхность всплыли политики, исповедовавшие откровенно антигосударственные, антироссийские, русофобские взгляды.

Их знаменем и боевым кличем стал знаменитый призыв Троцкого «Будь проклят патриотизм!». Именно тогда традиционное патриотическое самосознание нашего народа получило бранную кличку «великодержавного шовинизма», которой, кстати, до сих пор охотно пользуются духовные наследники троцкизма — нынешние «демократы», либералы-западники, оккупировавшие Кремль и многие средства массовой информации.

В кампанию 1920-х годов по шельмованию державных начал российской государственности оказались вовлечены представители высшего партийного руководства. Зиновьев, например, призывал «подсекать головку нашего русского шовинизма... каленым железом прижечь всюду, где есть хотя бы намек на великодержавный шовинизм». Бухарин, который был одним из главных вдохновителей борьбы с «великорусским шовинизмом», в свою очередь требовал, чтобы «мы в качестве бывшей великодержавной нации поставили себя в положение более низкое по сравнению с другими».

Троцкий и К° клеймили патриотизм, лукаво прикрываясь лозунгами интернационализма, неустанно твердя о своей верности марксизму-ленинизму. Однако их позиция встречала нарастающее противодействие со стороны коммунистов-патриотов, которые призывали отказаться от односторонней борьбы с «великорусским шовинизмом». И не закрывать глаза на то, что в СССР существует местный национальный сепаратизм (грузинский, татарский, прибалтийский и т. д.), который смертельно опасен для единства нашего государства. Лидером патриотической группы в руководстве партии стал Сталин.

Идеологической основой борьбы с патриотизмом внутри партии была известная теория «перманентной революции». Сталин очень точно определил ее национальную подоплеку. Презрение Троцкого к русскому народу, «неверие в силы и способности российского пролетариата — такова подпочва теории перманентной революции», — писал он.

Критикуя антирусскую истерию троцкистов, Сталин заявлял: «Говорят нам, что нельзя обижать националов. Это совершенно правильно, я согласен с этим, — не надо их обижать. Но создавать из этого новую теорию о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного в отношении бывших угнетенных наций, — это значит сказать несообразность».

Коммунисты-патриоты из года в год неустанно изобличали лукавство «интернационализма» а-ля Троцкий. Им было очевидно, что при такой антирусской однобокости никакого реального интернационализма ни в государственном, ни в партийном строительстве не получится. Результат этой борьбы известен. Троцкизм был разгромлен, и вся идеологическая работа партии стала постепенно переводиться на патриотические рельсы.

Окончательно патриотизм и социализм соединились в нерасторжимое целое в годы Великой Отечественной войны. Когда на нашу землю пришла эта страшная беда, Сталин, обращаясь к народу, нашел единственно верные слова: «Братья и сестры!». Действительно, перед лицом грозной опасности все советские люди, представители всех национальностей, профессий и религий, стали братьями. По призыву партии на битву с фашистскими захватчиками поднялись рабочие и крестьяне, верующие и атеисты. Общую Родину шли защищать все народы Советского Союза.

Военные испытания, героическая борьба народов СССР против фашизма позволили руководству партии и государства еще яснее понять неразрывную связь социализма и патриотизма, восстановить преемственность советского периода развития страны с ее вековой историей. Именно в эти годы русскому народу были возвращены многие символы его героического прошлого, окончательно пресечены все рецидивы троцкистской русофобии, прекращены гонения на церковь. СССР окончательно вернулся к продолжению традиционной для России внешнеполитической и геополитической линии.

В марте 1945 года Сталин открыто заговорил о сходстве политики Советского Союза со славянофильскими идеями, чего ранее и помыслить было невозможно! «Мы, новые славянофилы-большевики, — сказал он, — стоим за союз славянских народов. Вся история жизни славян учит, что этот союз необходим для защиты славянства».

Делая экскурс в историю, Сталин подчеркнул, что обе мировые войны начались из-за того, что «немцы хотели поработить славян». Именно славянские народы больше всех пострадали как в Первую, так и во Вторую мировые войны. Только «заключив Союз, славянские народы могут оказывать друг другу хозяйственную и военную помощь».

Размышления Сталина о необходимости союза славянских народов — не случайная оговорка. Об этом свидетельствует его обращение к народу 9 мая 1945 года. Великая победа советского народа над немецко-фашистскими захватчиками, по мысли Сталина, является и крупнейшей геополитической победой славянства. В этом историческом обращении говорится: «Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией».

Еще более яркое выражение идея исторической преемственности страны нашла в сталинском «Обращении к народу» 2 сентября 1945 года по случаю победы над Японией. В нем Сталин подчеркнул, что японская агрессия против России — СССР началась еще в 1904 году. Потом была интервенция в годы Гражданской войны, Хасан и Халхин-Гол. Все это, по его мысли, звенья одной цепи. Несмотря на победы Красной Армии над японцами, говорил Сталин, «поражение русских войск в 1904 году в период Русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции».

В годы Великой Отечественной войны в сознании руководителей партии и государства окончательно возобладала идея исторической преемственности Рос-

сийской империи и Советского Союза. Возвращение к традиционным ценностям, соединение патриотического и социалистического идеалов с восторгом воспринимались как простым народом, так и представителями новой советской элиты.

Опыт последнего десятилетия доказал: забвение собственной истории, ее фальсификация грозят нам тяжелейшими катастрофами. Так не будем же беспамятными слепцами и признаем очевидное: Великая Победа советского народа над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом будет вечным символом того, какие могучие энергии пробуждает в нашем народе соединение его векового национального духа с идеалами социальной справедливости!

С началом горбачевской «перестройки» идейные наследники Троцкого и Бухарина вновь пришли к власти. Снова подняли головы ненавистники России. Вновь началось шельмование исконных народных идеалов. Через послушные им средства массовой информации новоявленные троцкисты с дьявольским упорством внушали нашим соотечественникам, что жажда справедливости — это примитивное стремление к уравниловке, не идущее дальше «шариковской» премудрости: отнять и поделить. Вновь бешеной травле подвергся патриотизм. Либерально-демократические СМИ изощрялись как могли: «патриотизм есть даже у кошки», «патриотизм — последнее прибежище негодяев» и т. п. Ярлыки «фашиста» и «красно-коричневого» клеили любому, кто позволял себе уважительно говорить о России, русском народе и наших национальных традициях.

Ельцин фактически придал этим людоедским идеям статус официальной государственной политики. Вопиющая социальная несправедливость, пещерная бездуховность, разнузданная русофобия, безбрежный космополитизм — все это за время либеральных «реформ» принесло свои ядовитые плоды. Эти годы российской истории есть не что иное как эпоха государственной и национальной катастрофы, по-

литика откровенного геноцида против всех народов России.

Однако события последних лет показывают: стремление к справедливому общественному устройству и патриотические чувства нашего народа живы, несмотря ни на что. Вместе с тем, единство русской нации возможно только на основе интернационализма — преодоления рецидива местничества, которое играло резко отрицательную роль на протяжении целых исторических эпох.

Мы — не русские, а «пскопские», «калуцкие», «вятские», «рязанские» и т. д. Такого рода «национальная» самоидентификация была совсем не редкость в российской истории и держалась многие столетия — от периода феодальной раздробленности до начала XX века. Еще в Первую империалистическую войну крестьянин Центральной России был убежден: «До Калуги немец не дойдет».

«Традиции» местничества и обособленности никуда не делись, а нынешняя модель развития России только поддерживает их и укрепляет. Так, во время переписи населения 2010 года возникла дискуссия в Интернете, активно подхваченная СМИ, о реальной возможности возникновения новой национальности — «сибиряки». Такая открытая пропаганда сепаратизма связана с тем, что отдаленные регионы страны чувствуют себя ущемленными, устав от бесконечных обещаний Центра и его пустых лозунгов. По мнению инициаторов «акции», новая «национальная» самоидентификация будет способствовать «пробуждению коллективного этнонационального самосознания и преодолению колониалистского отношения Москвы к регионам».

В истории России национальной консолидации препятствовала прежде всего частная собственность на землю. Три проигранные Россией крупные войны — Крымская, Японская и Первая мировая — разворачивались именно на фоне разложения сельской общины и тяжелых кризисов общинного крестьянского землевладения. Местную ограниченность и раздроблен-

ность России сумела окончательно преодолеть лишь Октябрьская революция, выдвинувшая новый, основанный не только на прежних национальных, но и на новых, социальных критериях, лозунг: «Социалистическое Отечество в опасности!». И это была не «пропаганда», а указание на новые, более прочные узы, объединяющие население в Народ, в Нацию.

Есть, оказывается, единство более прочное, чем общность территории, языка, вероисповедания. Это единство людей свободного Труда, заменить которое невозможно ничем. Исчезает оно — пропадает и все остальное.

Глава четвертая

ДАТЬ ОТПОР ДУХОВНОЙ АГРЕССИИ

Понятие «массовая культура» прочно вошло во всеобщий обиход еще во второй половине XX века. Ее главная отличительная черта — теснейшая связь со средствами массовой коммуникации, вне которых масскультура существовать просто не может. Именно СМИ превратили современную западную культуру в коммерческое предприятие, ориентированное в первую очередь на извлечение прибыли и пропаганду утилитарных «идеалов» общества потребления.

Информация в наше время не столько добывается, сколько целенаправленно производится. Она диктует правила игры, предписывает своим потребителям нормы поведения и стиль жизни. Но именно эти негативные явления обязывают каждого из нас бороться с агрессией информационной среды.

Человек жаждет обрести ясные ориентиры, которые позволяли бы ему противостоять шквалу недобросовестной информации, усваивать лишь ту ее часть, которая реально отражает действительность, и отторгать негодный к употреблению, «ядовитый» продукт.

Такие твердые ориентиры человек обретает по мере того, как проясняется его национальное само-

сознание, по мере того, как он все яснее отождествляет себя с определенной исторической и культурной традицией. А значит, сегодня на первый план выходит не технология, а идеология, опирающаяся на глубочайшие цивилизационные основы поведения человека.

В информационной сфере, как и в других важнейших областях человеческой деятельности, мы наблюдаем жесткие попытки осуществить «глобализацию по-американски». Западная информационная монополия стремится подвергнуть эрозии, сломать, уничтожить национальный менталитет и культурную самобытность народов, сформировать сознание и эстетику человека в соответствии со своими представлениями и ценностями. Заметьте: в западной культуре эстетика стоит впереди нравственности, в отличие от русской культуры.

Сегодня, наряду с глобальной экономикой и глобальной политикой, все чаще можно слышать и о «глобальной культуре», создающей предпосылки для повсеместного торжества пресловутых «общечеловеческих ценностей» либерального толка. Под этими «ценностями» Запад, как показывает мировая практика, привык понимать господство своих собственных понятий в области морали и права, общественного устройства и индивидуальной этики.

Неудивительно, что основными чертами такой культуры стали примитивизм и вульгарность в изображении человеческих отношений, сведение всех социальных конфликтов к столкновению «хороших» и «плохих» парней. Налицо господство бездумной развлекательности, дешевой сентиментальности, а также отсутствие глубоких мировоззренческих идеалов и потакание низменным порокам и страстям. Натуралистическое смакование насилия и секса, насаждение индивидуалистического культа, успеха любой ценой, потребительства и конформизма вкупе с выше перечисленными «замечательными» качествами делают масскультуру мощнейшим орудием целенаправлен-

ного промывания мозгов и управления массовым сознанием.

Все мировые культуры традиционны, питаются от глубоких исторических корней, насчитывающих зачастую не один десяток веков. А потому все они весьма консервативны и с большим «подозрением» относятся к новым понятиям и ценностям, вторгающимся в их культурное пространство. При этом большинство мировых культур имеет многотысячелетнюю историю взаимодействия и взаимовлияния. Они друг друга хорошо «знают» и не опасаются внезапного «подвоха».

В этих условиях главной задачей «глобальной культуры» на определенном этапе ее развития стали паразитирование на нравственном капитале христианства, создание мифа и иллюзии своей опоры на могучую культурную традицию, маскировка своего разрушительного, агрессивного характера ссылками на авторитет крупнейших мастеров культуры прошлых веков. Впрочем, сегодня эта задача уже близка к выполнению. Маскировка больше не нужна, и анти-исторический, враждебный любой самобытности характер современной «глобальной культуры» становится все очевиднее.

Но, несмотря на нынешние успехи, масскультура крайне нуждается в подтверждении своей, так сказать, «исторической легитимности», в обретении приличной «культурной родословной», которая помогла бы обосновать ее глобальные претензии. Поэтому вторым основополагающим мифом является утверждение о ее исторической преемственности. Согласно этому мифу, современная западная культура является якобы результатом многовекового развития, в ходе которого она впитала в себя все лучшее, что удалось выработать человечеству за все время своего существования.

Между тем все происходило ровно наоборот. Глобальная культура, порождаемая электронными СМИ буквально «из ничего», сегодня являет собой яркий

пример разрыва исторической преемственности, пример целенаправленного внедрения в культурную среду искусственно созданных образов и понятий, враждебных ей и разрушающих ее.

Например, многовековая европейская традиция высокого гуманизма в кривом зеркале масскультуры оказалась до неузнаваемости обезображенной вульгарной проповедью эгоцентризма. А возвышенный романтизм народного эпоса и нежная любовная лирика, овеванная рыцарским духом жертвенности и глубоким психологизмом самоотверженности, выродились в жалкую плаксивую мелодраму и отвратительную пошлость «секс-индустрии».

И дело не в разрушении внешних форм культурной традиции, их изменение с течением времени было бы вполне естественным. Коренным образом поменялись идеи, которыми вдохновлялись художники и писатели, музыканты и поэты.

Так, идея высокого призвания, свободы и одновременно огромной ответственности человека, способного целенаправленно менять окружающий его мир, — главная идея истинного гуманизма — оказалась вытесненной примитивным «идеалом» жестокой борьбы за максимальный комфорт и личное благополучие. Идея нравственного совершенствования человечества с его вечной тягой к безмерности и бесконечности, над которой веками мучились философы, вовсе исчезла из обихода масскультуры, исключившей «устаревшую» нравственную проблематику из своего «джентльменского набора».

Индустрия эстрадных кумиров и голливудских героев, бесконечных киносериалов и дешевых романов в глянцевых обложках отучает людей думать, самостоятельно мыслить, внедряя в их образ жизни и мысли только тягу к развлечениям.

Современная масскультура лишь завершает давно начавшийся процесс перерождения западного культурного пространства. Как ни странно, но в этом смысле нынешнюю «глобальную культуру» можно

не без основания назвать своеобразной наследницей фашизма, также претендовавшего на повсеместное утверждение наряду с «новым порядком» и «новой духовностью».

С точки зрения культурного содержания фашизм, будучи закономерным плодом развития западной цивилизации с ее хищнической психологией господства и порабощения, вообще до сих пор малоизученный феномен. Может быть, исследователей пугают аналогии, невольно возникающие при сравнении культурных архетипов этой «чумы XX века» с процессами современной «культурной глобализации», которые мы наблюдаем сейчас? А здесь ведь действительно есть над чем задуматься.

Разве «золотой миллиард» счастливых, так называемых избранных и посвященных, которым уготована, согласно западному сценарию глобализации, сладкая участь «хозяев жизни» за счет обнищания и ограбления остального населения планеты, не напоминает ту «расу господ», которой, согласно планам нацистов, была предназначена роль высшей касты, вечной «элиты», бесконтрольной хозяйки и распорядительницы всех богатств Земли? Разве белозубый герой современных американских боевиков, пачками сокрушающий врагов «свободного мира» — всех, без разбора, без сожаления, без малейших признаков душевного волнения, — не похож на современное воплощение ницшеанского идеала сверхчеловека, «шагнувшего по ту сторону добра и зла», осуществляющего людоедские планы вождей «третьего» рейха?

Разве сама мысль о «конце истории», о вечном торжестве либеральных «ценностей» и неизбежности «мирового сверхправительства» — сперва закулисного, а затем и явного орудия «верховой власти» гигантских транснациональных корпораций и всепроникающих финансовых империй (а эта мысль насквозь пронизывает современную «глобальную культуру») — не вызывает в памяти человечества тени зловещих персонажей

от Батыя до Гитлера, уже пытавшихся навязать народам свое понимание единства?

Теперь нам вновь предлагают тот же древний сценарий «мирового господства», сценарий планетарной диктатуры «самых умных и достойных», но только в новой блестящей обертке «глобализации по-американски». Воистину, тут есть о чем задуматься каждому, кто еще не утерял здравый смысл и стремление к самостоятельному мышлению. На этом пути нас встречает еще один миф «глобальной культуры» — миф о ее «универсальности». Тут, впрочем, есть доля правды. Масскультура действительно универсальна и общечеловечна в той мере, в какой универсальны самые низменные порывы человеческой души, самые темные страсти, свойственные людям, утратившим нравственный самоконтроль. Именно на этой лжедуховности и паразитирует, именно ее эксплуатирует современная «культурная глобализация», превратившая человеческие пороки в товар для массовой продажи.

И хотя культура в ее традиционном понимании — у всех народов и во все времена — стремилась возвысить человека, теперь эти попытки пресекаются на корню. Эта тоталитарная нетерпимость масскультуры, активно стремящейся задушить, затоптать все, что не укладывается в ее пошлые рамки, нетерпимость, хорошо знакомая нам, россиянам, по собственному горькому опыту, убедительно опровергает еще один миф «глобальной культуры» — миф о свободе творчества.

За примерами далеко ходить не надо, достаточно оглядеться вокруг. Где сегодня наши современные русские классики: Бондарев, Распутин, Алексеев, Белов? Где современные формы русской народной культуры? Где, в конце концов, гении Золотого века нашей культуры — Пушкин, Толстой, Тургенев, Достоевский, Лесков? Все эфирное время электронных СМИ, отведенное «под культуру», отдано на откуп странным существам неопределенного пола и возраста, одес-

ским хохмачам да «попсе», чаще всего не имеющим ни соответствующей профессиональной подготовки, ни необходимых природных способностей.

Итак, современная масскультура является культурой вовсе не «универсальной» и «общечеловеческой», а исключительно космополитичной, враждебной любой истинно народной традиции, любой попытке возвысить человеческую душу над трясинной эгоизма и потребительства. А вдобавок — еще и тоталитарной.

Зачем же тогда ее так усиленно навязывают нам в качестве культурного эталона? На то есть причины.

Ведущие американские эксперты издавна выделяли четыре области человеческой деятельности, имеющие решающее значение для установления мирового господства. Это, в первую очередь, военная сила, затем — экономика, наряду с ней — наука и технология. Но все это здание «мировой власти» непременно должно опираться на господство в области культуры, без которого оно будет недолговременно и непрочно.

«Американская глобальная система, — пишет Збигнев Бжезинский, — широко полагается на косвенное влияние на зависимые иностранные элиты, извлекая значительную выгоду из притягательности своих демократических принципов и институтов. Все это подкрепляется широким, но неосязаемым господством в области... народных развлечений и массовой культуры... В области культуры, несмотря на ее некоторую примитивность, Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира, и это обеспечивает Соединенным Штатам политическое влияние, близкого к которому не имеет ни одно государство мира».

Думается, этой цитаты достаточно, чтобы понять, какова роль культуры в глобальных планах закулисных архитекторов «нового мирового порядка». Масскультура, по замыслу ее вдохновителей, — это пародия на универсальный фольклор, с его общедоступностью

и грубоватым натурализмом, простотой форм и легкостью восприятия. Так, например, на место русского лубка она предлагает комиксы, на место частушки — речитатив рэпа, героинку романтизма заменяет кровавыми боевиками, искусство тонких сюжетных построений — стандартной интригой детективов и триллеров.

Такая подделка под простоту и незатейливость некоторых форм народного искусства должна, по мысли вдохновителей масскультуры, гарантировать ее привлекательность для большинства «простых людей», вызвать с их стороны доверие и симпатию, играя на двух-трех простеньких чувствах, а молодежь привлечь раскованностью, «крутизной» и доступностью «запретных» тем.

Конечно, здесь немаловажен коммерческий момент: это гигантский бизнес, шоу-индустрия. Но главные, стратегические задачи «глобальной культуры» все же иные. Они лежат в области мировой политики и в социальной сфере.

Масскультура призвана стать универсальной «отвлекаухой» для неудачников, не нашедших себе места в жестоком мире «общества потребления»; громководом социальной энергии протеста «новых пролетариев», которая грозит взорвать хрупкий рай «золотого миллиарда»; орудием целенаправленного формирования тех или иных общественных стереотипов.

Смыкаясь в этой области с органами «идеологического программирования» западных спецслужб и «электронным агитпропом» всепроникающих СМИ, «глобальная культура» в итоге становится инструментом поточного производства новых поколений людей с заранее заданными жизненными установками и жестко определенной системой ценностей.

Что же можно противопоставить этой страшной машине? Только одно — развитие национальной культуры и национального самосознания, оплодотворяющих высшие достижения мировой классической культуры.

Экспансия глобализма, охватывая все стороны жизни современного человечества, выступает в том числе и в религиозной форме. Некоторые из ведущих идеологов глобализма прямо утверждают: в основе «нового мирового порядка» будет лежать не что иное как «новое религиозное сознание». Так, Ж. Аттали пишет: «Проблемы, которые будут досаждают человеку грядущего тысячелетия, требуют, чтобы мы восстановили религиозную идею зла и идею святого, поставив их в центр политической жизни». Обрисовав технологию создания «планетарной политической власти», он заявляет: «Остается только придать всему этому смысл. Этот смысл будет религиозным».

Идеология глобализма действительно содержит все классические признаки религиозного мировоззрения. Она имеет свою догматику, собственное учение о Боге и смысле человеческой жизни.

Любая религия претендует на обладание вечной Истиной, требует от своих приверженцев строить жизнь в соответствии с этой Истиной, претендует на право определять главное содержание человеческой жизни, как общественной, так и личной. Глобализм также претендует на истину в конечной инстанции. Оказывается, только идеологи глобализма знают, как нужно устроить жизнь человечества. Причем при внимательном анализе становится очевидно, что в основе их мировоззрения лежит набор иррациональных тезисов — идеологических стереотипов, наподобие того, что «история доказала превосходство западной цивилизации и культуры», а «демократия и либерализм являются высшими формами развития человеческого общества».

На самом деле рациональными аргументами подтвердить эти тезисы невозможно. Таким образом, вся мировоззренческая основа глобализации, строго говоря, является предметом веры, а не рационального познания.

Есть у глобалистов и своя эсхатология — представления о «конце света» или о «золотом веке», которые

должны увенчать всю многотысячелетнюю историю человечества. Главным оракулом «эсхатологии глобализма» стал Ф. Фукуяма с его знаменитым утверждением о «конце истории», в котором неявно предполагается, что после того, как Запад «изобрел» демократию и либерализм, ничего более совершенного в области общественного устройства люди придумать уже не смогут. Отныне развитие человечества в этой области прекратится, а содержание мировой истории сведется к постепенному «перевоспитанию» всех культур и цивилизаций на западный манер.

Наконец, мессианство — неразрывный спутник всякого религиозного мировоззрения — свойственно глобализму едва ли не больше, чем самым агрессивным сектам. Еще в 1845 году в Соединенных Штатах была сформулирована так называемая доктрина «предопределения судьбы», ставшая важнейшей мессианской основой американского гегемонизма, идеологически «обосновав» якобы «Богом предопределенное» превосходство американцев над всеми остальными нациями и народами. Вашингтон и сегодня продолжает активно эксплуатировать этот религиозный образ. Так, после терактов 11 сентября 2001 года президент Буш не раз заявлял, что «Бог благословил Америку», и она «представляет собой сияющий свет свободы для всего мира, защитницу всего, что хорошо и справедливо», а темные силы обрушили свои атаки на нее.

Глобализм пока еще прикрывается христианством. Но весьма показательным симптомом является распространение в глобалистских кругах идеи постхристианского мира. Ее авторы считают, что по аналогии с постиндустриальным обществом утверждается и общество постхристианское, в котором следование заповедям Христа станет сугубо частным, не имеющим общественной значимости делом. А ведь заповеди эти — не убий, не укради, не прелюбодействуй и т. д. — любой цивилизованный человек всегда впитывал чуть ли не с молоком матери.

Религия, как известно, древнейшая форма идеологии. Многие религиозные культы пережили в неизменной форме несколько тысячелетий и вплоть до сего дня являют собой основание важнейших культурных традиций целых народов и континентов. Во всяком случае, такие понятия как «православная культура», «исламская культура», «буддистская культурная традиция» и сегодня живы и действенны и не собираются отступать перед напором дешевой «жвачки для мозгов», которую под видом «глобальной культуры» предлагают человечеству закулисные дирижеры «глобализации по-американски».

В последние десятилетия все мы стали свидетелями широкомасштабного религиозного возрождения, которое в разной мере коснулось всех мировых религий. Религия значимо влияет на современную мировую политику. В жизни целых народов и государств глобализация не только не ослабляет, но, наоборот, усиливает действие религиозного фактора.

Бешеный ритм нашего технотронного века, засилье «ценностей» эгоистичного прагматизма и бездуховной масскультуры неизбежно рожают ответную реакцию. И человек пытается вновь обрести растоптанные «обществом потребления» нравственные идеалы и святыни под покровом тысячелетней традиции, недоступной для современных растлителей.

Крушение биполярного мира, структура которого в решающей мере определялась идеологическим противостоянием двух систем, усилило мировоззренческое размежевание между «золотым миллиардом» и подавляющим большинством остального человечества.

Мировая общественность с обоснованной тревогой реагирует, например, на глобализацию ислама. Ислам сам по себе, в его «чистом», религиозном виде, как и всякая традиционная религия, не несет угроз межнациональному, межконфессиональному или межгосударственному миру. Но в реальной жизни «чистый» вид любой религии встречается довольно редко. Он воплощается в делах и мыслях мудрецов и подвижни-

ков, чьи имена миллионы людей и через столетия произносят с почтением и любовью. На деле же в большинстве случаев религиозный аспект многих проблем так тесно переплетается с политическим или экономическим, что разделить их бывает очень трудно, почти невозможно. Все это надо помнить, анализируя современное состояние ислама и различные проблемы, связанные с ним.

Так, опасность глобализации вызвала наиболее жесткую реакцию именно в исламском мире. Теперь можно сколько угодно рассуждать о том, что «терроризм не имеет религиозного оправдания», однако бессмысленно отрицать очевидное: именно западный гегемонизм в сочетании с американским религиозным мессианством вызвали к жизни тот «дух джихада», который стал неотвязным кошмаром для вашингтонских политиков и главной головной болью пентагоновских генералов.

Конечно, живую и многосложную реальность современного мира нельзя втиснуть в жесткие рамки сухих схем и отвлеченных моделей. А это значит, что рассматривать противостояние Запада и мусульманского мира исключительно в рамках религиозной войны было бы непростительным упрощением. На деле в этом противостоянии сплелись воедино политика и культура, финансы и религия, национальные предрассудки и геополитические закономерности.

В целом можно сказать, что сегодня геополитическое унижение многих исламских государств, находящихся в положении невольных вассалов США, соединяется с широким народным протестом против духовной агрессии западных «ценностей». Именно это соединение и рождает гремучую смесь, которая известна миру под названием «исламского фундаментализма», а в США получило бранную кличку «международного терроризма». И преуменьшать значение религиозного аспекта в этом феномене было бы не меньшей ошибкой, чем сводить все проблемы проти-

востояния «Ислам — Запад» исключительно к вопросам веры.

Можно, конечно, говорить о том, что лидеры исламских экстремистов лишь эксплуатируют религиозную фразеологию в своих корыстных целях. Однако нелепо отрицать, что сотни и тысячи рядовых исполнителей, готовых сегодня играть роль живых бомб в надежде стать «шахидами», жертвуют жизнью, исходя именно из религиозных мотивов.

Нельзя не отметить, что многие иерархи Русской Православной Церкви также обратили внимание на угрозы и опасности для России, таящиеся в недрах «нового мирового порядка». Заявлял о ведущейся на планете глобальной постройке «общемировой системы зла», которая может стать угрозой всему человечеству, патриарх Алексей II. Один из выдающихся русских духовных лидеров конца XX века, митрополит Иоанн (Снычев) неоднократно прямо и публично заявлял, что мировая закулиса, дирижирующая глобализацией, объявила настоящую войну православию, русскому народу и российской государственности.

«Их оружием в этой войне стали тайные общества и организации, — писал он еще в 1993 году, — скрывающие за внешне благовидной деятельностью свою главную цель: низвергнуть христианство, разрушить повсюду национальные государства и подготовить таким образом “добровольное” объединение мира в рамках единой международной политической структуры под властью единого мирового правительства. Его глава и должен, по замыслу архитекторов этого “общемирового дома”, воплотить в жизнь многовековую мечту о господстве над миром. Христиане назвали этого грядущего мирового диктатора антихристом... Антихрист как реальная политическая возможность наших дней уже не вызывает сомнений».

Одним из важнейших факторов человеческого развития была и остается культурная многополярность современного мира. И это драгоценное многоцветье

национальных культур и исторических традиций, несмотря на бешеный натиск масскультуры, противоборствует ей, оказывает сопротивление ее растлевающему влиянию.

Национальная самобытность народов Земли будет одним из важнейших препятствий на пути торжества «глобальной культуры». Они столь многочисленны и своеобразны, столь глубоко укоренены в национальном самосознании и народном быте, что уничтожить, стереть их невозможно даже с помощью прямого насилия, даже задействовав огромную мощь репрессивных органов государства. Все это в совокупности создает то историческое своеобразие основных цивилизаций, которое существует сегодня на нашей планете. И добровольно покоряться чуждой для них, гораздо более примитивной и пошлой «глобальной культуре» они вряд ли станут.

На фоне духовной агрессии, которой подвергают-ся все самобытные культурные традиции со стороны агрессивной западной масскультуры, России особенно важно восстановить свое внутреннее мировоззренческое единство. Исторически сложилось так, что символом культурного своеобразия России, символом ее древней духовной традиции издавна была «русская идея», представляющая собой сплав вековых народных чаяний и культурных архетипов, официальных идеологических формулировок и стихийных основ народного самосознания.

В то же время отечественная история знает немало примеров бескомпромиссной идейной борьбы. И ныне российское общество тоже расколото. Однако большинство россиян, внешне столь различных по своим политическим взглядам и пристрастиям, объединяет все же глубинное родство. На его источник в свое время указал Александр Герцен, характеризуя спор славянофилов и русских западников. Такое родство, писал он, происходит из «чувства безграничной, охватывающей все существование, любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума».

Именно эти чувства дают нам твердую уверенность в том, что мы, патриоты России, сумеем объединить все лучшее, что произвела на свет пытливая мысль, великая культура, в дееспособную и эффективную формулу современной «русской идеи». Жизнь показала: без образа будущего, без четких мировоззренческих ориентиров, без возрождения национальной культуры и самосознания мы обречены на дальнейшее прозябание и вырождение.

Сегодня Россия снова стала ареной самой ожесточенной исторической схватки. Либеральный эксперимент, направленный на искусственную мутацию великого народа, уже принес свои ужасные плоды и грозит новыми потрясениями. При этом и старые, и новые «сокрушители» России отрицают саму возможность самостоятельного «русского пути» в рамках многополярного мира. И те и другие видят в России лишь плацдарм для достижения целей, совершенно чуждых интересам нашей страны и нашего народа. Меняются лишь методы их достижения. «Перманентная революция» уступает место «новому мировому порядку» с ядерной дубинкой США, ударными силами НАТО и незаконным трибуналом в Гааге.

На новом витке исторического противоборства мы должны сделать все, чтобы «русский путь» вывел наш народ из смертельной западни либеральной глобализации, помог одолеть нынешнюю разруху и направил нашу державу к новым свершениям и процветанию.

Глава пятая

РОССИЯ И МИРОВЫЕ ЦЕНТРЫ СИЛ

Будущее нашего мира по-прежнему исполнено и надежд, и угроз. Человечество вступает в новую эпоху. Стремительное развитие науки и революционных технологий на глазах меняет нашу жизнь. Новое властно вторгается и в большую политику, и в быт каждого человека.

Мир невероятно усложнился. Континенты, нации и государства переплелись столь тесно и прочно, что их взаимозависимость возросла многократно. Об этом свидетельствует и последний мировой кризис. Когда в 2008 году лопнул финансовый пузырь в США, обвал на Уолл-стрит в одночасье потряс экономики стран практически всего мира.

И вместе с тем в мире все унифицируется, стандартизируется, глобализуется...

Это колоссальное давление общепланетарных реальностей нового века, усиленное мощными возможностями информационных технологий, вызывает — не может не вызвать — повсеместную бурную реакцию. Чувствуя угрозу своей исторической самобытности, народы Земли ответили на вызов глобализма резким ростом национального и религиозного самосознания, тягой к своим многовековым традиционным корням.

Проснулись и во весь голос заявили о себе новые мировые центры сил, сформировавшиеся на базе древних цивилизаций, навсегда, казалось, погребенных под пеленой политических конфликтов и идеологических догм биполярного мира.

Многополярность и глобализация — вот одно из главных противоречий грядущей эпохи. От того, каким путем оно разрешится, во многом зависит судьба мирового сообщества в XXI веке.

Пока же вопросов гораздо больше, чем ответов. Будущее таит в себе как надежду, так и угрозу. Оно манит невероятными возможностями новой, постиндустриальной, информационной и космической эры. Однако оно же и страшит призраком глобальной диктатуры, мрачной перспективой жестокой борьбы за передел мирового влияния, возможностью кровопролитных и беспощадных межнациональных, межрасовых, межрелигиозных конфликтов.

Удастся ли добиться того, чтобы фантастические плоды научно-технической революции, объединяя людей и сближая народы, не оказались использова-

ны архитекторами «нового мирового порядка» для очередной попытки завоевать мировое господство? Сохранится ли уникальное многоцветье мира с его величайшим духовным богатством? Сможем ли мы бережно развить все самобытные проявления национального гения, одновременно удержав под контролем международный терроризм и экстремизм, стремящиеся столкнуть мир в пучину бессмысленной войны «всех против всех»?

И, наконец, как быть России, ослабленной и разоренной либерально-демократическими реформами последних лет? Как ей найти собственный, безопасный и верный путь между Сциллой глобальной диктатуры и Харибдой международного хаоса?

Для ответа на эти вопросы следует в первую очередь разобраться в том, какие силы действуют в современном мире, то сплавляя его в единый конгломерат и стягивая жесткими обручами транснациональных финансовых и информационных империй, то разъедаая язвами жестоких международных конфликтов. Пора хотя бы в общих чертах определить основные характеристики глобализации и многообразности — ключевых конкурирующих тенденций современной истории.

Многообразие мира

Многообразие современного мира — это факт, который можно по-разному оценивать, но нельзя игнорировать. Следует признать, что в его основе лежат фундаментальные экономические, культурные, религиозные и геополитические закономерности с глубочайшими, многовековыми — а порой и многотысячелетними — историческими корнями.

В некоторых областях многообразие мира как бы изначально «задано» самой природой. Это касается не только геополитики, по определению зависящей от географических факторов: ландшафта, береговой линии, горных хребтов и т. д. Играет свою роль и такой, казалось бы, предельно «глобализированный» фактор,

как мировая экономика. Здесь человечество тоже обречено на существование нескольких самостоятельных хозяйственных полюсов.

К тому же на протяжении большей части мировой истории люди даже не подозревали, что на рубеже XX и XXI веков у архитекторов «нового мирового порядка» появятся свои соображения, как должна функционировать глобальная экономическая модель. И поэтому народы селились, растили хлеб, строили города и добывали руду не там, «где надо», а там, куда их направляло прихотливое историческое течение с его бесконечными бурями и катаклизмами, переселениями народов и крушениями цивилизаций.

В результате, по меркам формирующегося глобального рынка, человечество оказалось распределено крайне «нерационально». Так, скажем, миллионы людей, занимающиеся земледелием, живут в местах, где производство сельхозпродукции по мировым меркам нерентабельно. Или, например, целые народы искони проживают на территориях, которые в условиях «дикой глобализации» просто неконкурентоспособны — то есть практически не востребованы в той модели международного разделения труда, которую ныне навязывает Запад во главе с США. И как раз в таких вот «бесперспективных» районах сегодня проживает больше половины землян!

Но люди выживают даже в таких условиях. И собираются жить дальше именно там, где они родились, где похоронены их предки, где будут жить их дети и внуки. Ведь они заселяли эти «неперспективные» территории на протяжении многих веков и тысячелетий, поливая их потом и кровью. С великим трудом и огромными жертвами они создавали свои суверенные государства, которые вряд ли безропотно согласятся с ролью «неперспективных деревень».

Кстати, с этой точки зрения Россия — особенно «нерациональная» страна. По мере усиления глобалистских претензий США западные политологи и аналитики как-то внезапно выяснили, что русский человек

в течение последней тысячи лет созидал и обустроивал свою великую державу, не считаясь с взглядами заправил нынешнего «глобального рынка».

Возможно, с точки зрения чистой выгоды огромные просторы России, две трети которых — вечная мерзлота, совершенно непригодны ни для сельскохозяйственного производства, ни для высокотехнологичных отраслей промышленности. У нас слишком суровые природные и климатические условия. Так что мандарины гораздо дешевле выращивать в Испании, пшеницу — в Аргентине, картошку — ну, хотя бы в Голландии...

Следуя той же логике, у нас невыгодно и машиностроение — слишком много надо вкладывать в инфраструктуру и слишком сильно тратиться на эксплуатацию. Невыгодны и приборостроение, и вообще львиная доля промышленности, как тяжелой, так и легкой. К примеру, в Малайзии или в Таиланде, где средняя температура января и июля примерно одинакова и держится на уровне 25—28 градусов, издержки любого производства по сравнению с Россией будут всегда значительно ниже.

Единственный конкурентоспособный товар, с которым Россия может выйти на мировой рынок в условиях «дикой глобализации», — это ее ресурсы: газ, нефть, лес, алмазы. И Запад волнует лишь исправное функционирование в ней тех секторов промышленности, которые призваны обеспечить бесперебойную доставку этого сырья богатым западным потребителям. Поскольку для обслуживания «трубы» нынешнее население России у адептов мондиализма принято считать избыточным, победа нынешней модели глобализации означает для России медленное удушение — геноцид по всем правилам «свободного рынка».

И в таком положении не одна Россия. Вне глобальной экономической системы «нового мирового порядка» с его принудительной свободой передвижения капиталов и товаров оказались практически все «неперспективные» страны. Они, если брать в расчет

объективные возможности, вполне жизнеспособны. А некоторые даже могли бы успешно конкурировать с государствами «золотого миллиарда» по целому ряду важнейших экономических показателей. Быть может, именно поэтому их и предполагается удушить в железных объятиях «глобального рынка».

Неудивительно, что страны, не входящие в элитный клуб «золотого миллиарда», будут стремиться так или иначе защитить свои национальные рынки, сохранить свои национальные экономики. Учитывая, что среди этих государств находятся такие гиганты, как Китай и Индия, можно быть уверенным: на планете в обозримом будущем сохранятся автономные, независимые от пресловутого «мирового правительства» центры хозяйственной активности. Именно они станут в XXI столетии экономической основой многообразного мира.

Культурную, мировоззренческую основу многообразного мира составят несколько крупнейших мировых цивилизаций с древней историей, самобытными национальными традициями, религиозными святынями и общественными идеалами. Не случайно уже со второй половины прошлого века исследователи наблюдают постоянный и повсеместный рост национального и религиозного самосознания. После падения биполярного мироустройства в начале 1990-х годов XX столетия процессы национальной и религиозной самоидентификации народов и государств получили по всему миру дополнительный импульс.

Основные игроки

В XXI веке России придется жить в мире, раздираемом двумя противоречивыми тенденциями — глобализацией и многополярностью, в мире, где на глобальной политической, экономической и военно-стратегической сцене будут действовать несколько основных игроков, у каждого из которых имеются свои собственные задачи и цели. Это мир, где итоговый вектор большой политики станет вырабатываться под

воздействием различных глобальных и региональных центров сил и полюсов влияния, где технотронные реальности постиндустриальной эпохи начнут взаимодействовать с древними религиозными традициями, а универсальные общечеловеческие ценности — с многообразием национальных культур, обычаев и нравов.

Это будет сложный и конфликтный, динамичный и трудно предсказуемый мир. И нам надо научиться не просто жить в нем. Следует надежно обеспечить безопасность страны, гарантировать конструктивное развитие ее культуры и экономики, вернуть мир и согласие в общество, позаботиться о процветании граждан.

Реальную оценку перспективы развития Россия нельзя завышать. Нельзя рассчитывать на скорое возвращение ее позиций в мире, утраченных в результате развала СССР и целой серии разрушительных «реформ» 90-х и первого десятилетия 2000-х годов

Совет по национальной разведке США (National Intelligence Council, NIC) в своем прогнозе на 2025 год поставил Россию лишь на шестое место в списке самых влиятельных государств. Анализ перспектив развития крупнейших государств проводился совместно с европейским Институтом исследований в сфере безопасности (Institute for Security Studies) при участии специалистов со всех пяти континентов. В его подготовке участвовали государственные служащие, представители неправительственных организаций, деловых и научных кругов, в том числе эксперты из Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, и представители СМИ из Бразилии, Китая, Индии, Японии, России, ЮАР и ОАЭ.

При составлении рейтинга учитывались многие показатели, в частности, рост объемов ВВП, расходы на оборону, численность населения и уровень развития технологий. Согласно данным рейтинга, в 2025 году лидирующие позиции в мире по-прежнему будут занимать США, на второй позиции обоснуется Китай, далее последует Европейский союз.

Четвертой наиболее влиятельной страной в 2025 году будет Индия. Кстати, экономика Индии, занимающей сейчас второе место на земном шаре по численности населения (около 1,2 миллиарда человек), является одной из самых быстроразвивающихся в мире.

Пятое место к 2025 году аналитики прочат Японии. А следом за Россией будет стоять Бразилия.

Не наше дело спорить с прогнозами. Но что бы ни говорилось, они, безусловно, отражают основную тенденцию современного развития. С государствами — лидерами мировой экономики, нам придется сотрудничать при решении глобальных проблем и одновременно конкурировать и соперничать в стремлении вернуть свое достойное место под солнцем. Чтобы успешно решать эти сложнейшие задачи, необходимо очень вдумчиво и тщательно разобраться: каковы основные характеристики, цели и интересы наших главных партнеров и соперников? А затем, исходя из полученного результата, выработать собственную линию поведения: искать зоны согласия и распутывать узлы противоречий, согласовывать интересы и бороться за укрепление позиций на международной арене.

Важнейшим партнером и соперником России в ближайшие десятилетия, безусловно, останутся Соединенные Штаты Америки. Оказавшись после разрушения СССР единственной сверхдержавой на планете, США достигли столь огромной мощи, что их влияние серьезно ощущается во всех уголках Земли. Без американского присутствия, без учета мнения Вашингтона в мире не решается ни один сколь-нибудь значимый вопрос.

Нравится нам или нет, но на этот факт и на такое положение вещей нельзя закрывать глаза. Следует ясно понимать: главная стратегическая цель Соединенных Штатов заключается в том, чтобы сохранить и укрепить свое глобальное лидерство во всех важнейших областях: от экономики и геополитики до науки и культуры. Именно стремление к этой заветной цели

будет определять американскую стратегию как на международной арене в целом, так и в отношениях с Россией в частности.

Что касается Европы, то, несмотря на сохранение внушительного потенциала развития, она по большей части безвозвратно растратила былое влияние в мире. Если Америка искренне убеждена в своей мессианской роли глобального лидера и, соответственно, в своем праве учить всех и вся, как надо жить, то Европа, объединившись под сенью Европейского союза, ищет прежде всего комфорта, безопасности и покоя. Отсюда и стремление европейцев слегка дистанцироваться от беспокойного заокеанского союзника, раздражающего порой своей бесцеремонностью. Отсюда же и более настойчивое, чем у американцев, стремление сохранять конструктивные отношения с Россией.

В расклад сил на международной арене может вмешаться исламский мир, где отмечается рост антиамериканских настроений. Войны США в Афганистане, Ираке, недвусмысленные угрозы в адрес Ирана в последнее время их только усиливали.

Стремительно наращивают свой потенциал и конкурентоспособность государства левой ориентации. Их сила в современном мире во многом определяется тем, что они опираются на широкую поддержку народных масс. Пока в России хоронили социализм, социалистический Китай вырвался в число мировых лидеров. КНР стала едва ли не единственной страной в мире, чья экономика динамично развивалась в разгар мирового финансово-экономического кризиса.

Впечатляют темпы экономического роста Вьетнама.

Вопреки всем усилиям Вашингтона блокада Кубы трещит по швам, а Кубинская революция продолжает свое развитие.

Президентом Кипра является Генеральный секретарь ЦК Прогрессивной партии трудового народа Д. Христофиас.

Следуя путем Боливарианской революции, Венесуэла настойчиво сплачивает антиимпериалистический фронт в Латинской Америке.

Диктату США активно противостоят народы Боливии, КНДР, Лаоса, Никарагуа, Эквадора и других стран.

Растет роль на международной арене Индии и Бразилии.

Империализм и глобализм — это реакционные, извращенные формы мировой интеграции. Но сама эта интеграция неизбежна. Человечество не по чьей-либо доброй или злой воле, а объективно и неуклонно продвигается к все более тесному и всестороннему единству. Это бесспорный и позитивный факт. Любые попытки обратить это движение вспять, возродить изоляционизм обречены на провал.

Однако для человечества далеко не безразлично, каким путем и к какому единству оно идет. Идет ли оно к дальнейшему подчинению труда капиталу или к освобождению труда от капитала, к превращению труда в естественную жизненную потребность? Идет ли оно к единству многообразия, к ассоциации, в которой «свободное развитие всех есть условие развитие каждого», или к единству однообразия, к мировой казарме, в которую загоняет человечество власть капитала? Идет ли оно к установлению над миром олигархической власти или к демократическому взаимодействию и сотрудничеству суверенных стран и народов?

Только социализм может дать реальную, а не реакционно-утопическую альтернативу глобализму и «новому мировому порядку». На пути продвижения к нему необходимо обеспечить единство классовой борьбы трудящихся за социальное освобождение и борьбы народов за независимость, за свободное, демократическое и самобытное развитие.

Китайский «полюс»

Социализм — не утопия, как внушают его противники во всех уголках земного шара трудящимся, а реальность с могучим потенциалом. Убедительный при-

мер использования его возможностей в последние три десятилетия демонстрирует Китай.

На протяжении большей части своей многотысячелетней истории Китай представлял собой явление мирового порядка. И когда Афины боролись со Спартой, и когда римские легионы завоевывали Галлию, Китай вполне мог соперничать с ними по экономической, политической и военной мощи. Даже самые закоренелые сторонники «западного превосходства» сегодня признают: вплоть до начала XVII века Китай занимал одну из ведущих позиций в мире по производительности труда и уровню жизни.

В таком историческом контексте упадок державной мощи Китая в XIX — начале XX столетия, превращение страны в полуколонию, разделенную на «сферы влияния» между более удачливыми конкурентами, можно считать явлением кратковременным. Тем более что в последней четверти XX века Китай вновь вступил в пору подъема, обретшего за последние годы форму настоящего научно-технического и промышленного прорыва, и удивляет человечество бурным ростом экономики, да и успехами во всех областях.

Китай, к которому еще вчера относились в лучшем случае снисходительно, теперь прочно занял место, достойное страны с великой историей. Что же стоит за этим историческим рывком вперед? Отвечая на этот вопрос, помимо признания традиционного таланта и трудолюбия китайского народа, мы должны отдать дань уважения человеку, который по праву считается в мире архитектором «китайского чуда». Речь идет о Дэн Сяопине, чья биография тесно связана с самыми знаменательными вехами, которыми отмечено развитие Китая в XX столетии.

Как известно, Китайская Народная Республика была создана в октябре 1949 года после победоносной революции под руководством КПК во главе с Мао Цзэдуном, сначала освободившей страну от японских оккупантов, а затем нанесяшей поражение вассалам Америки, буржуазным националистам — чанкайши-

стам. А до этого Китай или его отдельные территории столетиями находились под колониальным владычеством Японии и западных империалистических держав, в первую очередь, Англии, бесцеремонно грабивших его. Там, куда не добирались колонизаторы, даже еще в начале XX века, царил феодализм. Буржуазия (компрадорская) только начала возникать. По оценке иностранных исследователей страна находилась в состоянии глубокого сна, в то время как мир бурно развивался.

Но признаки пробуждения были, хотя их на Западе не хотели замечать. На деле первая половина XX века стала эпохой подъема антиколониального и антифеодального движения. Но не капитализм, не буржуазия должны были сменить в Китае власть феодалов. Под могучим влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в Китае росло осознание того, что именно социализм даст возможность преодолеть тяжелейшие, кажущиеся непреодолимыми проблемы отсталости.

Дэн Сяопин стал одним из тех, кто с юного возраста посвятил себя борьбе за социализм в Китае. Логика революционной борьбы привела его в Москву, в знаменитый Коммунистический университет трудящихся Востока. В 1927 году Дэн Сяопин включился в нарастающую национально-освободительную борьбу. Он не был теоретиком, изобретающим социальные концепции в уютном кабинете. Он был прежде всего бойцом — политкомиссаром дивизии, а затем армии. Армии сражающейся.

В 1952 году Дэн Сяопин был назначен заместителем Чжоу Энляя, председателя Государственного административного совета (правительства), а в 1953 году — министром финансов. Возникшая на прочном основании великой цивилизации Китайская Народная Республика начала быстро развиваться. Немалую роль в этом сыграла бескорыстная, поистине братская помощь Советского Союза, которую в Китае и поныне помнят и ценят. Когда с середины 1950-х годов между

партийным руководством наших стран начались серьезные идейные разногласия, Китай начал поиск собственной модели социализма. Резкий уклон «влево» к политике всеобщей уравниловки, «большого скачка вперед» привел к хаосу «культурной революции», которая нанесла тяжелый ущерб стране, отбросила ее назад. Хотя Дэн Сяопин к началу «культурной революции» входил в состав высшего руководства страны, он стал одним из первых, кто попал под удар. Хунвейбины требовали расправы над ним. Но его лишь сослали в отдаленную провинцию, где он три года работал слесарем на тракторном заводе.

К началу 1970-х годов тупиковость «культурной революции» стала очевидной. Надо было все начинать заново. Дэн Сяопин вернулся в состав руководства партии и страны. Его идеи начали оказывать возрастающее влияние на определение нового курса страны. Поскольку путь самоизоляции оказался ущербным, Дэн Сяопин предложил неслыханное: учиться у всего мира, осваивать его достижения.

В Китае его поняли, хотя и не сразу. На Западе, да и у нас в стране, его не поняли вообще. Дэн Сяопина стали изображать «рыночным реформатором». Но главное заключалось в том, что он не был сторонником перехода от социализма к капитализму, как Горбачев, запутавшийся в собственных экспериментах и пошедший на слом социализма, чтобы скрыть свои грехи. Дэн Сяопин был, прежде всего, убежденным коммунистом. Его твердая вера в неизбежную победу социализма, его глубокое убеждение в том, что только социализм, а затем и коммунизм избавят Китай от бедности и обеспечат резкий подъем уровня жизни людей, поистине красной нитью проходят через все его выступления и статьи.

«Неправомерно утверждать, — говорил он, — что рыночная экономика существует лишь в капиталистическом обществе... Почему ее нельзя развивать при социализме? Рыночная экономика не является синонимом капитализма. Основу у нас составляет плановая

экономика, которая существует в сочетании с рыночной. И хотя социалистическая рыночная экономика по форме напоминает капиталистическую, у нее есть и отличия. В ее основе лежит общенародная собственность, и хотя она, безусловно, связана с коллективной собственностью и с иностранным капиталом, изначально она носит социалистический характер».

Размышляя над тем, как в кратчайшие сроки преодолеть и многовековую отсталость, и разрушения времен «культурной революции», Дэн Сяопин в конце 1970-х годов выдвинул в качестве стратегической задачи модернизацию Китая в четырех областях: сельское хозяйство, промышленность, оборона, наука и техника.

Но это не был набор благих пожеланий. Он предложил и способ преодолеть отсталость: «Только через учебу у передовых стран можно их догнать и перегнать. Повышать уровень отечественной науки и техники, разумеется, необходимо за счет наших собственных усилий... придерживаясь курса на независимость, опору на свои собственные силы. Однако независимость и самостоятельность — это не замкнутость... это не безрассудный отказ от всего иностранного. Наука и техника являются достоянием всего человечества, создавшего их совместным трудом. Каждая нация и страна должны учиться всему положительному у других стран, перенимать у них достижения передовой науки и техники. Нам предстоит прилежно учиться у заграницы не только потому, что сегодня наши наука и техника еще отстают. Даже тогда, когда наши наука и техника достигнут передового мирового уровня, мы все равно должны перенимать у других все лучшее».

Это открытое заявление о необходимости учиться у Запада не было началом скрытого движения к капитализму, как у Горбачева после провала «перестройки». Наоборот, вскоре, в 1979 году, Дэн Сяопин выдвинул тезис о том, что при осуществлении модернизации в четырех областях необходимо твердо следовать че-

тырем основным принципам. Это социалистический путь; диктатура народа или пролетариата; руководство со стороны Компартии; марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна. Эти принципы и по сей день остаются главной доктриной КПК, они записаны в конституции КНР. То есть ни о какой капитуляции перед капитализмом речи и не шло.

Более того, Дэн Сяопин сделал четкое заявление о том, какой идеологии будет придерживаться Китай. «Что лучше: капитализм или социализм? Конечно, социализм... В основе социалистической экономики лежит общественная собственность, производство при социализме ведется не в целях эксплуатации, а в целях максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей народа. Благодаря этим особенностям социалистического строя у нашего народа есть общий политический, экономический и социальный идеал, общие нормы морали. Ничего этого в капиталистическом обществе никогда не может быть. Капитализм не может существовать без сверхприбылей миллионеров, без эксплуатации и ограбления, ему не спастись от экономических кризисов, не сформулировать общих идеалов и морали, не избавиться от исключительно серьезной преступности, морального падения и отчаяния».

Еще одна его крупная идея, которая помогла преобразить Китай, заключалась в том, что личная заинтересованность человека является важнейшим двигателем прогресса всей страны. Дэн Сяопин считал, что «при социализме личные интересы должны подчиняться коллективным интересам, интересы частного — общим интересам, временные интересы — перспективным, иными словами, частное должно подчиняться целому, неглавное — главному. То, что мы ратуем за эти принципы и осуществляем их, вовсе не означает, что можно игнорировать личные, частичные и временные интересы. Ведь при социализме основные личные и коллективные интересы, частичный и общий интерес, временные и перспективные интересы, в сущности,

едины. Если поступать наоборот, гнаться за личными интересами в ущерб коллективным интересам, за интересом частного в ущерб интересам целого, за временными интересами в ущерб перспективным интересам, то неизбежно пострадают и те, и другие интересы».

Все это — только общие очертания тех крупных идей, которые выдвинул Дэн Сяопин и которые позволили Китаю совершить столь мощный рывок вперед.

За годы преобразований в Компартии Китая выросла плеяда кадров, которая справилась с принципиально новой задачей партийного управления рыночной экономикой. В конституции закреплено право частной собственности, а акционерная собственность рассматривается как общенародная. Конечно, в ходе решения глобальных задач возникают и новые проблемы, включая борьбу с разложением части партийных кадров, коррупцией. В этих условиях КПК действует не только как генератор идеологии и главный управленец страны, но и как могучая аналитическая сила.

В изучении опыта социалистического строительства в Китае должно быть заинтересовано все российское общество. Ведь самые крупные успехи КНР были достигнуты, пока Россия проходила «штрафные круги» так называемых либеральных реформ, отказавшись от модернизации социализма, как это сделал Китай под руководством Дэн Сяопина. И его первый урок в том, что даже из тяжелейших испытаний страна может подняться.

При всей условности любых сравнений, можно сказать, что последствия разрушений в России после начала «рыночных реформ» вполне сопоставимы с разрушениями в Китае времен «культурной революции». То есть положение России сейчас крайне тяжелое, но отнюдь не безвыходное. Да, назревает национальная катастрофа. Но у России пока еще достаточно сил и средств, чтобы ее предотвратить.

Второй урок Дэн Сяопина в том, что для таких гигантских и своеобразных стран, какими являются

Китай и Россия, преодоление отсталости возможно только с помощью социализма, а капитализм — путь к краху.

Его третий урок в том (и это главное в философии Дэн Сяопина, почерпнутое из ленинской политики нэпа), что полезны для страны все те экономические формы, которые способствуют развитию производительных сил.

Коренное отличие идей Дэн Сяопина от философии российских «реформаторов» — в разной оценке роли государства в управлении обществом. В России при торжестве хищной и алчной бюрократии роль государства в экономике доведена до недопустимо низкого уровня. В Китае коррумпированных чиновников даже самого высокого ранга сурово наказывают, а роль государства в экономических делах незыблема.

Китай стремительно ворвался в число лидеров мировой экономики и уверенно движется по пути экономических реформ в рамках сложившейся и оправдавшей себя политической системы. Сложность задач государственного управления, схожих, кстати, по своим масштабам с российскими, не оставляет у китайских руководителей ни малейшего сомнения, что социализм — единственно верный курс для такой огромной страны.

Налицо выдающийся опыт социалистического государства, имеющий, безусловно, историческое значение. Китай демонстрирует поразительную стойкость к внешним потрясениям, опираясь на свои фундаментальные успехи. Наиболее ярко это проявилось в условиях мирового финансово-экономического кризиса. Ведь ведущие капиталистические державы многие свои надежды в период экономического обвала и стагнации связывали с дальнейшим развитием китайской промышленности. В мире насчитывалось всего 10–12 государств, где в разгар кризиса наблюдался рост ВВП. И возглавил этот небольшой список Китай, в котором этот показатель даже в самый трудный для мировой экономики период составлял 7–8 %.

В социалистическом Китае, где все случаи коррупции среди чиновничества сурово пресекаются, на стимулирование производства в 2009 году было выделено 580 миллиардов долларов. Они были направлены на строительство доступного жилья, дорог в сельской местности, шестидесяти аэропортов, на внедрение экологически чистых технологий. Эти меры дали не только толчок дальнейшему развитию экономики, но и создали огромное количество рабочих мест. Одновременно в КНР были гарантированы налоговые льготы для производителей 3700 наименований китайской продукции, идущей на экспорт. И при этом — никакой поддержки коммерческим банкам, предусмотрено лишь расширение их возможностей по предоставлению кредитов предприятиям.

Характерная примета времени: Китай, как и ведущие западные страны, смело принимает новые стратегии развития и модернизации, идет на решительное повышение роли государства в управлении экономикой и научно-техническим прогрессом, увеличивает вложения в науку, которые в 2010 году составили 400 миллиардов долларов. Не на словах, а на деле государство заботится об инновационном развитии.

Поражают масштабы Китайской аэрокосмической компании, где на космос работают 140 тысяч специалистов. На полную мощность запущена программа дальнейшего изучения Луны, осуществляется огромное количество прикладных исследований для различных отраслей экономики.

Настоящим чемпионатом мира по новейшим технологиям стала Всемирная выставка в Шанхае ЭКСПО-2010. Тем более что девиз экспозиции «Лучше город — лучше жизнь!» для нас сегодня необыкновенно актуален. И сам Шанхай — это клад бесценного опыта.

Когда-то в русских городах скученные, неухоженные, грязные окраины назывались «шанхаями». А сегодня Шанхай — суперсовременный чистейший город, третий финансово-экономический центр мира.

В него за восемь лет подготовки ЭКСПО-2010 было вложено 50 миллиардов долларов: это и новые дома, и инфраструктурные новации, и аэропорты, и дороги, и озеленение. И все это сделано руками одного поколения.

Один из партийных и государственных руководителей КНР Си Цзиньпин в нашей беседе, состоявшейся осенью 2010 года, сравнил свою страну с огромным кораблем, руль которого нельзя поворачивать то в одну, то в другую сторону — опасно, корабль может опрокинуться. Для правильного маневра нужны большое время и большое пространство.

Но нам это, похоже, не указ: каждый новый начальник в Кремле ведет себя так, будто история начинается с него — куда хочу, туда и воруочу.

На какие же выводы наталкивает китайский опыт? Вот лишь главные из них:

1. В период партийного и государственного кризиса 1980-х годов, случившегося в нашей стране, надо было постоянно укреплять партию, ее влияние в массах, а не ломать партийную структуру, как это делали Горбачев и Ельциным.

2. Нельзя допускать анархию в информационном поле. Включите китайское телевидение, и вы увидите радостных людей, услышите бодрые песни, почувствуете, чем живет страна. А у нас — бесконечная пропаганда насилия, непрерывные ужасы, что угнетает человека.

3. Собственник должен быть уверен в своей безопасности, должен знать, что государство не допустит нарушения стабильности его бизнеса, пресечет рейдерство и откаты. Нужно постоянно и повсеместно искать правильное соотношение разных форм собственности — государственной, коллективной, частной. При приватизации в Китае никогда не отдадут в частные руки золотую акцию — она в руках государства, которое все контролирует.

4. Необходимо вести работу с кадрами на опережение — резерв специалистов всех уровней должен быть

создан раньше, чем наступит кризисная потребность в его использовании.

5. Максимум внимания следует уделять освоению и внедрению новой техники и новых технологий.

6. У реформ должны быть приоритеты, их следует точно выверять и доводить до массового сознания.

7. Принципиально важен контроль — постоянный и повсеместный.

8. Важнейшая задача — беспощадная борьба с коррупцией.

Но главное, конечно, заключается в том, что такие внушительные результаты, какие мы видим в Китае, может принести только внятная экономическая и социальная политика власти, которая честно и ответственно работает на будущее страны. Дело, конечно, не только в суммах инвестиций и объектах финансирования. Весь вопрос в том, на чьей стороне государство в трудную минуту — на стороне народа или на стороне грабителей-олигархов.

Пока Россия ищет свою линию поведения в современном мире и свое «место под солнцем», Китай оказывает всё возрастающее влияние на мировые дела, превращается в державу, равную по глобальным возможностям Соединенным Штатам Америки.

Раздел второй

РУССКИЙ ОТВЕТ

Глава первая

РУССКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Мировой маятник Евразии

«Глобализацию по-американски» критикуют много и справедливо. Но критика весома, если содержит альтернативную, положительную программу. Ни президент, ни правительство, ни поддерживающие их политические партии не озвучили такую программу.

Прежде чем говорить о конкретных деталях «глобализации по-российски», необходимо сделать несколько предварительных замечаний — кратких, но важных. А именно: конфликтный потенциал у нового глобального мироустройства будет ничуть не ниже, чем у прежнего, биполярного мира эпохи «холодной войны».

В условиях ускоряющегося роста земного населения главным содержанием возможных конфликтов в эпоху глобализации станут битвы за ресурсы: за энергию и полезные ископаемые, за продовольствие, за чистую воду и свежий воздух. Россия, как обладательница крупнейших в мире запасов газа, леса, пресной воды, чернозема, огромных залежей угля, нефти, руды, фосфатов и многих других видов стратегическо-

го сырья, в этой ситуации оказывается в самом центре мировых противоречий.

Но наиболее жесткой и бескомпромиссной в условиях постиндустриального общества станет битва за знания и информацию — то есть за качество образования и науки, за эффективность технологий, за привлекательность культуры и общественных идеалов. Исходя из этого и следует определять стратегию и цели нашей страны в новом, глобальном мире.

Не будем обманывать себя. Россия встретила очередную стадию глобализации крайне ослабленной либерально-демократическим погромом. И на ближайший период ее главной целью будет выживание, сохранение суверенной государственности, великой культуры и традиционной духовности. А это непросто.

В крайне неблагоприятных условиях нам нужно мобилизовать все силы, чтобы остаться полноправным, независимым, активным субъектом мировой истории и политики, а не безвольным объектом «освоения» и соперничества великих держав XXI века. Только решив эту задачу, причем в кратчайшие сроки, можно рассчитывать на дальнейшее полномасштабное российское возрождение.

Возрожденная Россия сможет занять достойное место в глобальном мире третьего тысячелетия только в том случае, если войдет в него как лидер великой и самобытной цивилизации, способной на державный союз с культурами, издавна существующими на гигантских просторах евразийского «сердца мира».

Именно с такой позиции следует определять практические задачи, которые нам надо решить для выживания и возрождения страны в области государственного строительства, международных отношений, обороны, геополитики, культуры, религии, экономики, социальной и национальной проблематики, развития средств массовой информации и коммуникации.

Реализация предложенной стратегии предполагает одновременное и решительное продвижение по трем главным направлениям:

восстановление полноценной российской государственности, способной стать эффективным инструментом для скорейшей выработки новых форм реинтеграции постсоветского пространства;

создание на базе такой реинтеграции новой формы геополитического союза, в котором возрожденная Россия играла бы роль цивилизационного ядра и общепризнанного лидера;

успешное вступление в равноправную конкуренцию с другими мировыми «центрами сил».

Разрешение трех этих задач будет означать, что Россия нашла свое место в мире и способна в условиях нового тысячелетия гарантированно обеспечить свои национальные интересы, процветание народа, а также защиту и поддержку своих друзей и союзников на международной арене.

Ядро консолидации

Чтобы осмыслить, как вести державное строительство в XXI веке, надо сначала разобраться, как и почему произошло крушение исторического и геополитического предшественника нынешней Российской Федерации — Советского Союза. Вкратце методику развала СССР можно сформулировать следующим образом: «раскол — конфликт — тупик — взрыв — обвал».

Сначала в правящую политическую группировку вносится семя раскола. Затем соперничающие фракции искусственно поляризуются на основе заданной идеологической пары: коммунизм — демократия; космополитизм — национализм; рынок — план и т. п. Противоречия целенаправленно подогреваются, превращая противостояние в открытый конфликт. Далее следует политический тупик, затем жестокий кризис, в ходе преодоления которого одна из группировок ликвидируется... Именно в рамках этой политической технологии стала возможной катастрофа с СССР и трагедия «черного октября» 1993 года.

Логика исторического развития подсказывает: теперь необходимо самым активным образом присту-

пить к реализации созидательной программы, которая неизбежно должна происходить по формуле «консолидация — централизация — мобилизация — реинтеграция — возрождение».

Первым и основным этапом преодоления нынешнего раскола в обществе должна стать консолидация, объединение всех здоровых общественных и политических сил, способных получить широкую народную поддержку. Главной объединяющей идеей может стать концепция смены нынешнего курса на основе национализации стратегических отраслей, преодоление сырьевой зависимости, усиления роли государства в экономической и социальной сферах.

Пока практические действия руководителей страны показывают: они избрали для России иной путь. Несмотря на обильную патриотическую риторику, страну продолжают вести по старой, грязной и вороватой дорожке, уже не раз показавшей свою бесперспективность и пагубность для страны.

Сколько правильных и красивых слов было сказано представителями исполнительной власти на всех уровнях о «необходимости консолидации и объединения» для решения острейших проблем страны! Но на деле разговоры так и остались разговорами. Как результат — дальнейшее снижение госсектора в экономике, разгул стихийного рынка, усиление имущественного расслоения, грозящего социальным взрывом.

Требуются тщательная инвентаризация и мобилизация всех ресурсов, оставшихся у нас после «перестройки», «демократического» погрома и нескончаемой череды либеральных реформ, усиление реинтеграции постсоветского пространства, возрождение новой формы многовекового союза народов.

Сегодня невозможно детально ответить на вопрос: каким должен быть этот союз. Одно несомненно: в XXI столетии его государственно-политическая структура будет иной, нежели у великого предшественника нынешней России — Советского Союза. В новых мировых реальностях мир потребует нестандартных

решений многочисленных стратегических проблем, стоящих ныне перед нашей страной и народом. В их числе гармоничное развитие человека, личности, без инициативы и энергии которой невозможно поспеть за стремительными переменами технотронного века с его общепланетарными угрозами и проблемами.

Мы непременно возьмем с собой в будущее всепоглощающую жажду социальной справедливости, вдохновившую наших дедов и отцов на великие свершения. Мы восстановим и укрепим дружбу братских народов, лежащую в основе могущества нашей державы, закаленную в сражениях Великой Отечественной и преступно разрушенную могильщиками Советского Союза. Мы добьемся возрождения общенационального единства, которое утверждается на превосходстве общественных интересов над личными и превращает народ в несокрушимую соборную общность, движимую едиными идеалами и стремлениями, возвышающими народ до нравственных высот подлинной святости и чистоты.

Но все это необходимо совместить с новыми формами государственно-политических, межнациональных, межрелигиозных и общественных отношений. Только тогда российское возрождение станет стремительным и необратимым.

Неизбежность воссоздания очередной державной формы тысячелетней российской цивилизации не вызывает сомнений. Более того, уже сейчас с высокой степенью вероятности можно определить ее ключевые характеристики.

Ядро нового союза составит прочное двухсотмиллионное единство трех ветвей великого народа — русских, украинцев и белорусов, — к которому смогут присоединиться все, кто готов связать свою судьбу с судьбой России.

Геополитическим результатом таких процессов станет восстановление контроля над континентальным ядром Евразии — «сердцем мира». Для будущего развития России, ее союзников и друзей этот момент

принципиально важен. Лишь опираясь на огромные ресурсы своей земли, мы сможем быть конкурентоспособными в условиях глобального мира третьего тысячелетия. Речь не только о сырьевых ресурсах. Контроль над континентальной Евразией — это и новые транспортные коридоры, и новая энергетика, и уникальные возможности для развития высокотехнологичных производств.

Россия и вызовы времени

Преодоление последствий развала СССР не решит всех наших проблем. Геополитическая и экономическая реинтеграция постсоветского пространства лишь создаст необходимые предпосылки для деятельного участия России в оздоровлении мировых интеграционных процессов в экономике и политике. На международной арене России придется столкнуться с целым рядом серьезнейших проблем и угроз, достойный ответ на которые потребует напряжения всех наших сил.

Историческое поле развития человечества с незапамятных времен изрыто разнообразными трещинами и разломами. К наиболее серьезным, болезненным и широко распространенным разломам, которые в обозримом будущем будут оказывать максимальное влияние на мировую политику, можно в первую очередь отнести следующие:

- геополитические;
- социально-экономические;
- расовые и межнациональные;
- межкультурные и межрелигиозные;
- внутрисистемные в рамках родственных культур.

В нынешнем виде геополитические «водоразделы» начали формироваться еще в XVI веке, когда Великобритания, обретая гордый титул «владычицы морей», сокрушала соперников в борьбе за господство на океанских путях. Тогда же походы Ермака, положив начало присоединению Сибири к Московскому царству, заложили основание для государственной консолидации гигантских просторов Евразии в рамках единого

русского государства с ярко выраженным сухопутно-континентальным характером.

К середине XX века геополитическое напряжение разлома «атлантизм — Евразия» достигло апогея, отлившись в форму «холодной войны». В ее рамках США, как геополитический наследник Британской империи, противостояли Советскому Союзу, олицетворявшему евразийскую геополитическую реальность. Крах bipolarного мира вывел «атлантистов» во главе с Соединенными Штатами в единоличные глобальные лидеры. Тем не менее, они вряд ли могут праздновать победу.

В этих условиях России крайне важно найти эффективные средства для адаптации к быстро меняющейся ситуации на мировой арене. Наше уникальное географическое положение вместе с еще сохраняющимися военно-стратегическими, экономическими и политическими возможностями диктует вариант поведения, в основу которого должно быть положено стремление вернуть себе традиционную многовековую роль своеобразного «геополитического балансира» — гаранта мирового равновесия сил и справедливого учета взаимных интересов.

Тем более что на пороге XXI столетия стало окончательно ясно: цивилизация Запада развила недопустимо высокие темпы потребления невозобновляемых ресурсов планеты, разрушения окружающей среды и эксплуатации дешевой рабочей силы в экономически «отсталых» странах и регионах.

Что можно в таких условиях прогнозировать?

Во-первых, экологическую катастрофу, которая коснется прежде всего экономически неблагополучных областей планеты, превращающихся постепенно в свалку ядовитых отходов и зону вредных «первичных» производств.

Во-вторых, возникновение мощнейших конфликтов и смут по линии разлома «богатый Север — нищий Юг», предсказать результаты которых сегодня, наверное, не возьмется никто.

Если уже на заре индустриальной эры, когда в странах преобладали «внутрисистемные» межклассовые

противоречия, социальное неравенство вызывало революционные взрывы огромной разрушительной силы, то каков будет заряд глобального межсистемного катаклизма, порожденного беспрецедентным разрывом в качестве жизни населения «развитых» и «развивающихся» стран?

История человечества достигла водораздела, за которым изменение политики становится неизбежным. Более миллиарда человек, не имеющих сегодня возможности удовлетворить основные потребности, требуют революции. У человечества есть возможность предотвратить опасность, хаос и конфликты, которые в противном случае неизбежны.

Однако, несмотря на понимание грозящей опасности, Запад, похоже, стоит перед практически неразрешимой задачей. Чтобы остудить накал страстей и отодвинуть кризис, он должен пойти на самоограничения, которые чужды духу западной цивилизации, ее фундаментальным экономическим и мировоззренческим ценностям, видящим в бесконечном расширении потребления товаров и услуг главную цель человеческого существования.

В таких условиях России чрезвычайно важно определить разумную меру своей интеграции в «мировую хозяйственную систему» и «международное разделение труда». Обилие природных богатств, экономический и интеллектуальный потенциал дают нам уникальную возможность хозяйственной автономии.

Это не призыв к хозяйственной автаркии — нельзя не учитывать тенденций, обуславливающих интеграционные процессы на региональном и глобальном уровнях. Вопрос в том, чтобы, развивая к своей выгоде внешние связи, участвуя в международном разделении труда, не потерять чувства меры, не переступить грань, за которой угроза утери экономической самостоятельности страны станет реальной. Нам надо сделать все, чтобы в максимальной степени использовать все выгоды мировой экономической интеграции, одновременно избежав ее разрушительного влияния.

В России хорошо знакомы с дестабилизирующим и разрушительным воздействием этнических и конфессиональных конфликтов. Межнациональные конфликты, отличаются особой ожесточенностью, непримиримостью и способностью к самовоспроизводству даже после полного, как кажется на первый взгляд, их урегулирования. Наличие многочисленных очагов расового и этнического противостояния в нынешнем мире заставляет с особым вниманием отнестись к их возможным последствиям.

Фактически на планете нет ни одного мало-мальски значительного региона, который не был бы заряжен потенциалом межнациональной розни. Но особой величины этот потенциал достигает там, где линии этнических разломов совпадают с границами, разделяющими цивилизации и культуры. И наоборот: общие мировоззренческие архетипы сглаживают национальную обособленность, сдерживают противоречия и нейтрализуют их разрушительный заряд.

Линии религиозных разломов также имеют свой огромный конфликтный потенциал, грозящий немалыми потрясениями. И здесь нельзя допустить осложнения межконфессиональных отношений с внешним миром, особенно с исламской цивилизацией, к чему усиленно подталкивают нас западные «доброхоты».

И, конечно же, необходимо разработать государственную конфессиональную политику, которая обеспечила бы защиту и поддержку традиционных религий России, ставящих соборные, морально-этические ценности выше индивидуалистических и меркантильно-потребительских.

Ни одна из существующих ныне цивилизаций не может похвастать полным внутренним единством. Каждую беспокоит свой «гвоздь в сапоге». Запад умело, расчетливо и изощренно играет на этих противоречиях, сохранение которых только и может обеспечить жизнеспособность его собственной модели глобализации.

Однако Запад и сам не свободен от этих разломов. Например, «немецкая проблема», связанная с огром-

ным потенциалом объединенной Германии. Общий европейский «смокинг» оказывается для нее тесноват, и это всерьез беспокоит соседей и союзников. В свою очередь, объединенная Европа начинает все яснее сознавать, что ее интересы далеко не всегда совпадают с интересами дяди Сэма. Введение единой евровалюты — лишь первый шаг в ее грядущей жесткой борьбе с финансовой диктатурой американского доллара.

Еще сложнее обстоят дела у других цивилизаций. Высока степень разобщенности мусульманского мира. В то же время фундаменталистские религиозные течения, как влиятельный центростремительный фактор, являются носителями мощных интеграционных тенденций. Можно, например, только догадываться, какова будет энергия государственно-политического синтеза арабского мира.

В таких условиях Запад кладет в основу своей политики древний, как мир, жесткий и циничный принцип: «разделяй и властвуй». В полной мере это ощутила на себе и наша цивилизация, кровоточащие разрывы которой стали неизбежным следствием Беловежскогоговора.

Сегодня можно уверенно сказать: США делали, делают и будут делать все, чтобы затруднить, а если можно, то и сорвать процессы российского национально-государственного возрождения. Мы же, со своей стороны, должны понять: не решив этого первоочередного вопроса, ни на шаг не продвинемся в решении всех остальных проблем России.

Этапы большого пути

Какими должны быть ответы России на вызовы глобализации, проходящей в условиях острой конкуренции различных цивилизаций и культур за первенство в новом глобальном мироустройстве?

Опираясь на свой статус одного из главных гарантов мировой стратегической стабильности, Россия должна приложить все силы, чтобы не допустить развала сложившейся вокруг ООН системы международных от-

ношений. Ее разрушение неизбежно повлечет за собой торжество хаоса и произвола. Если центр мировой политики окончательно переместится из ООН в теневые лаборатории архитекторов «нового мирового порядка», то всему человечеству будут грозить величайшие политические катаклизмы и социальные потрясения.

Одновременно России следует постепенно интегрироваться в международные торговые, финансовые или экологические структуры. Главное, не забывать, что такая интеграция не самоцель, а лишь средство для скорейшего решения своих собственных проблем. И оправдана она лишь в том случае, если способствует возрождению страны.

Надо четко понимать: сегодня большинство таких организаций находятся под контролем стран «золотого миллиарда» и служат их интересам. А это значит, что ни в ВТО, ни в МВФ нам никто льготных условий не создаст и добровольно своим «куском пирога» не поделится.

Статистика свидетельствует: несмотря на бурный рост числа различных глобалистских экономических и финансовых структур, за последние 40 лет разрыв в уровне жизни между богатейшими и беднейшими государствами вырос более чем в два раза. Следовательно, чтобы уравновесить влияние Запада, России жизненно необходимо целенаправленно продвигаться и по пути создания альтернативной сети торговых, финансовых, политических, военных и иных союзов с ключевыми цивилизациями Евразии — Китаем, Индией, а также нашими проверенными партнерами из числа арабских стран.

Активность и многовекторность российской внешней политики в сложившихся условиях — главный залог успеха. Определенные предпосылки для этого созданы. Обрела авторитет на международной арене Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которую входят Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан. Примечательно, что совокупная территория стран ШОС составляет 60 % территории Евразии.

Координируется и усиливается геополитическое влияние четырех быстроразвивающихся стран — Бразилии, России, Индии и Китая в рамках БРИК.

Предпринимаются усилия по укреплению коллективных сил оперативного реагирования странами ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности) — Россией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Арменией и Узбекистаном.

В целях проведения единой внешнеэкономической политики действует ЕврАзЭС — Евразийское экономическое сообщество в составе Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана.

Однако в деятельности этих международных организаций России для достижения своих целей еще не хватает политической воли и настойчивости, дипломатического искусства, гибкости и уважительного отношения к партнерам. Так, параллельно с созданием Таможенного союза (Россия, Белоруссия, Казахстан) вспыхнула очередная газовая война с Белоруссией, было спровоцировано обострение политических отношений между руководством двух стран.

Программу борьбы за обретение Россией достойного места в мире можно с известной долей условности разделить на три этапа. Главная цель первой фазы российского возрождения — воссоздание геополитического союза, исторического наследника Российской империи и СССР; всесторонняя консолидация евразийского пространства вокруг российского ядра.

Суть второго этапа — справедливое перераспределение политического влияния и возможностей доступа к ресурсам. Это позволит повысить качество жизни народов и государств, сохранить многообразие культур и цивилизаций в условиях постоянного усиления их глобальной взаимозависимости. Для решения данной задачи необходимо осуществить ряд мер. Это прежде всего установление и развитие более тесного стратегического союза России с «центрами сил» основных евразийских цивилизаций, в первую очередь, с Китаем и Индией. Далее — всемерное развитие наших партнер-

ских отношений со странами исламского мира. Нужно добиться от Запада прекращения попыток силой навязать всему миру дискриминационный вариант глобального мироустройства. В первую очередь следует заложить фундамент мирового баланса сил, основанного на многообразности и равноправии.

Третий, «строительный», этап российской программы глобализации предполагает создание эффективных механизмов поддержания мира и стабильности в новых исторических условиях. Основной целью на этом этапе станет создание международных структур, гарантирующих каждому народу и государству максимальную безопасность, социальную справедливость в распределении ресурсов, свободу самобытного развития.

Глава вторая

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

Пошла ли «интеграция в мировое сообщество», проводимая правящими в России группировками с начала 1990-х годов, на благо страны? Ведь смысл международных связей любого государства — в создании наиболее благоприятных условий для его внутреннего развития. Удовлетворяет ли российская внешняя политика данному требованию?

С этим вопросом связан и ряд других: как меняется характер международных отношений? Становится ли мир вообще более безопасным, справедливым, более удобным для жизни человечества? Соответствует ли «глобализация по-американски» интересам России? Вряд ли можно найти на эти вопросы положительные ответы. Но давайте рассматривать все по порядку.

Мировое сообщество и мы

Окружающий нас мир после разрушения СССР не стал безопасней. Его сотрясает гораздо больше конфликтов, чем когда-либо. Значит, дело было не в конфронтации двух сверхдержав, как это изображалось в

нашей стране и за рубежом в конце 1980-х годов. Скорее, наоборот: с разрушением Советского Союза была нарушена система сдержек и противовесов, созданная великими лидерами держав-победительниц — Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем.

Складывается крайне опасная ситуация, когда международному противостоянию труда и капитала навязывается «война цивилизаций». В результате идет новый передел мира, перераспределяются сферы экономического, политического и военного влияния. Нарастает борьба за контроль над природными ресурсами планеты. Для достижения своих целей империалистические круги активно используют военно-политические блоки и прибегают к открытым вооруженным действиям.

Расширение НАТО вызывает тревогу нашего народа, историческим чутьем ощущающего опасность приближения вооруженных сил Запада к нашим границам. Да и границы нынешней России оказались под Смоленском, Новгородом и Псковом — там, где они проходили 400 лет назад.

История устрашающе повторяется. Границы православной российской цивилизации вновь охватывает «латинское войско», которое «всегда захватывает ближайшее, как гангрена». Так говорил еще в XIII веке император Феодор Ласкарис, выдающийся византийский политик. Именно он начал восстановление единого государства после погрома Константинополя крестоносцами. Лучше о современной ситуации и не скажешь.

Осуществляя одностороннюю проамериканскую политику под лозунгами «нового мышления» и «интеграции в мировое сообщество», и Горбачев, и Ельцин оказались у «разбитого корыта». Во внешней политике противостоявших нам ранее стран не произошло принципиальных изменений.

С исчезновением «советской военной угрозы» Запад не пошел на разоружение. Он по-прежнему делает ставку на силу как основной инструмент обеспечения своих интересов. Идет поиск нового «образа врага»,

чтобы оправдать нагнетание военной истерии. Сейчас этим врагом «назначены» международный терроризм и Усама бен Ладен, мусульманские страны, которые, как считают США и их ближайшие союзники, могут обострить ситуацию в мире. Но это лишь для отвода глаз.

Существование столь мощной военной группировки, как НАТО, не объяснить «миротворчеством» или потребностями борьбы с терроризмом. Не случайно в зону «жизненных интересов» США входит самый широкий круг стран Азии, Африки и Латинской Америки. Ясно, что в новом стратегическом противостоянии Север — Юг страны Севера (читай: Запада) будут подавлять сопротивление Юга (читай: Юга и Востока) силой оружия.

Вместе с тем давление Запада, попытки США и их союзников навязать «новый мировой порядок» вызывают ответную реакцию. Человечество, несмотря на экономическое и военное господство США, отнюдь не смирилось. Свидетельство тому — противостояние американскому курсу целого ряда стран Азии и Латинской Америки, образование в начале XXI Африканского союза, поставившего своей целью укрепление единства и солидарности государств и народов Африки, выработку для них общей оборонной политики.

Одновременно нарастают противоречия между США и объединенной Европой. Да и для самой Америки, экономика которой в значительной степени держится на весьма шатком основании глобальных финансовых пирамид, потрясения, вызванные кризисом, не проходят бесследно.

В качестве одного из основных источников опасности для западных стран по-прежнему рассматривается Россия. По отношению к ней западные страны под руководством США реализуют в последние годы следующие основные задачи:

Окончательный развал военно-промышленного комплекса России и ее армии.

Укрепление нужных США режимов в оторванных от России республиках и территориях.

Расчленение России на мелкие государства путем обострения всех внутренних противоречий и мощного давления извне.

Ни для кого не секрет, что за прошедшее время они сильно продвинулись в реализации первых двух задач, на подходе — третья.

Внешняя политика России: есть ли она?

Насколько соответствует политика России быстро меняющимся внешним условиям?

Это не праздный вопрос. У нас нет другой Родины. И нельзя мириться с униженным положением России. Тем более теперь, когда на неустойчивость внутренней обстановки в стране во все возрастающей степени накладывается рост внешних угроз.

С разрушением Советского Союза война для США и их сателлитов вновь стала легитимным инструментом политики. Они пользуются им все чаще и бесцеремоннее. Вслед за агрессией против Югославии, вторжением в Ирак и Афганистан последовало варварское нападение на Южную Осетию, которое долго и тщательно готовилось. Цель его была отнюдь не в восстановлении мнимой территориальной целостности Грузии, которой в реальности не существует уже 20 лет. Главная задача, которая преследовалась, — перечеркнуть робкие попытки Москвы претендовать на равноправные отношения с Западом, дискредитировать Россию в глазах соседей, осуществить прорыв США и их союзников на Кавказ и в Среднюю Азию. Расчет делался на то, что Россия, как и прежде, не решится защищать свои интересы, ограничившись бумажными протестами и бесполезными апелляциями к международному праву.

Увы, расчет этот имел под собой веские основания. Ни для кого не секрет, что Российская Федерация, утратившая свои позиции на международной арене, все более превращается в сырьевой придаток империалистических государств, теряет боеспособность, не может уже «держать удар» серьезного противника.

Нынешняя «элита» России по-прежнему стремится быть частью империалистического мира, готова жить по его законам и действовать заодно с ним. Только этим можно объяснить, почему Кремль смиренно выслушивает нотации Евросоюза, продолжает двусмысленные маневры в иранском вопросе, покорно терпит дискриминацию русских в Прибалтике. Мы убеждены, что подобные явления — не просто промахи российского МИДа, а определенная линия, четко проявившаяся в «Концепции внешней политики», подготовленной при В. Путине и подписанной Д. Медведевым в июле 2008 года.

Демонстрируя перед публикой громы и молнии в ответ на планы включения Грузии и Украины в НАТО, ее авторы в то же время провозгласили важнейшей задачей «вести дело к завершению международно-правового оформления государственной границы Российской Федерации». Другими словами, к окончательному признанию и закреплению результатов преступных Беловежских соглашений, которые, кстати, были денонсированы Государственной думой еще в марте 1996 года.

На это же нацелена инициатива российского президента, предложившего отказаться от международных документов, которыми определяется положение в Европе. Это, прежде всего, Хельсинкский заключительный акт, взамен которого предложено выработать новый пакт европейской безопасности, «отвечающий реалиям XXI века». Ничего, кроме признания и цементирования потерь России в 1990-е годы и ее отхода на рубежи XVI века, такой пакт принести не может.

В «Концепции внешней политики» заявлено, что Москва готова выстраивать отношения со странами СНГ не с точки зрения решения задач интеграции, а на принципах перевода их на «рыночный уровень». Другими словами, власти страны хотят окончательно поставить крест на перспективе создания нового союза.

Аглавной целью нашей внешней политики объявляется «единство евроатлантического региона от Ванку-

вера до Владивостока», чем, по сути, перечеркиваются прежние призывы к созданию многополярного мира, одним из полюсов которого должна была стать Россия. Наши горе-стратеги выражают и «заинтересованность в укреплении Европейского союза, развитии его способности выступать с согласованных позиций».

Конечно, нам хорошо известна двойственность позиции Кремля, делающего на публике громкие патриотические заявления, которые в действительности расходятся с поставленными стратегическими целями во внешней политике. Ведь его стремление к «согласованной позиции», безусловно, учитывали в НАТО и ЕС, когда дали возможность Саакашвили развязать войну против народа Южной Осетии. Принимали там во внимание и то, что верхушка России побоялась использовать косовский кризис для признания независимости Южной Осетии и Абхазии.

Не вызывает сомнения, что такое поведение было расценено на Западе по-своему — как своеобразное «приглашение» начать наступление на Россию с юга, форсировать прием Грузии и Украины в НАТО, усилить давление на Азербайджан и Казахстан, побуждая их к переходу на антироссийские позиции. А после постигнувших их неудач — решительного отпора, который неожиданно получили агрессоры — любезные Кремлю партнеры сделали все, чтобы выгородить военного преступника Саакашвили, обелить его и оклеветать Россию.

Перед лицом наглой агрессии российское руководство принимало необходимые контрмеры не без колебаний и острой внутренней борьбы. Но оно не могло поступить иначе — слишком уж велик был бы ущерб для правящего режима внутри страны и за ее пределами.

Россия, в конце концов, признала независимость Абхазии и Южной Осетии. Это был момент, когда российская власть заговорила в международных делах тем языком, которым и нужно разговаривать. Огромную роль в этом сыграли твердая позиция патриотических сил и широкая народная поддержка.

Однако не надо обольщаться. История учит: чтобы отстоять свои интересы на международной арене, опираться можно только на свой народ. Но пока российскому правительству куда проще и привычнее продолжать сдачу завоеванных рубежей под одобрительные возгласы и аплодисменты кучки компрадоров-толстосумов и их окружения. В случае новых отступлений печальный для нынешней власти и России исход заранее очевиден — страна вновь будет отброшена на позиции 1990-х годов.

Во многих представителях правящего слоя живет надежда, что как только финансово-экономический кризис пройдет окончательно — все станет как прежде. Но такая логика если и позволит выжить, то только на более низком уровне притязаний и возможностей. В этом случае начнется длительный процесс гниения, а у властных групп появится лишь одна новая проблема: как обосновать отказ от недавних претензий на превращение страны в одного из лидеров в XXI веке в пользу скромного любования тем немногим, что имеем.

Уже два десятка лет Запад держит Россию в прихоружей, норовит диктовать условия, не упускает возможности попользоваться ее слабостью. А в российских верхах еще до конца не решили, как быть дальше: поднять руки вверх или опустить их, сдать национальные интересы или все же попробовать отстоять их вопреки нажиму западных держав.

Пока нас одолевают раздумья, Америка терпеливо вынашивает планы превращения России в своего младшего партнера, а Россия прилежно разучивает уготованную ей роль.

«Репетиции» идут давно. Вспомним, как в разряд «достижений» внешней политики «демократической» России Запад отнес позорный и поспешный вывод наших войск из Германии. Можно также вспомнить постыдное бегство Российской армии из Прибалтики, где в полной власти русофобских режимов остались сотни тысяч наших соотечественников, а сами прибалтийские страны превратились в плацдарм для

враждебных акций против России. Неприглядно проявилась позиция России в ходе кризиса на Балканах, в поддержке санкций против Ливии и Ирака, в отказе от сотрудничества с Ираном.

Подобные шаги отталкивают от нас все более влиятельный в политическом и экономическом отношении мусульманский мир. Запад усиленно втягивает Россию в противоборство с мусульманскими странами, которым активно внушается мысль, что в нашей стране подавляется ислам.

Нынешняя внешнеполитическая риторика российского руководства, которая иногда воспринимается твердой и решительной, на самом деле не обольщает здравомыслящих людей. Необходимо не только на словах, а и на деле в корне менять многие из сложившихся стереотипов. В первую очередь требуют принципиальной корректировки наши отношения с НАТО и ЕС. Пора перестать себя обманывать и делать вид, будто это совершенно разные организации. На самом деле разнятся лишь вывески для союза одних и тех же империалистических стран. И действуют они, как правило, заодно.

Между ними, конечно, есть расхождения по поводу того, как целесообразнее вести себя в делах с Россией. Эти расхождения, кстати, впервые столь отчетливо стали проявляться после того, как Запад натолкнулся на решительный отпор с нашей стороны на Кавказе. Но по поводу необходимости сохранить Грузию в качестве форпоста антироссийской политики на Кавказе ни между США и ЕС, ни внутри ЕС разногласий нет. И нашему правительству не стоит предаваться иллюзиям, выдавая желаемое за действительное, расхваливая якобы конструктивность европейского подхода в отличие от атлантического. Самообман в политике — дело проигрышное.

По ряду жизненных для России проблем следует твердо сказать «нет». Нет, нам не нужен мощный европейский кулак в лице Евросоюза вблизи наших границ — неизвестно, куда может завести это опасное соседство. Нам не нужно такое сотрудничество с НАТО, результатом которого может стать приход его армии в

Россию. Нам не нужно участие в агрессивном «миротворчестве» под водительством США и НАТО в различных регионах планеты.

Следует учитывать, что за последние два десятилетия настроения американцев сильно изменились, потому что у них — абсолютное превосходство над любым противником по обычным вооруженным силам. США быстрыми темпами наращивают свою ПРО в надежде сделать бесполезным ядерное оружие других государств. Они претендуют на полный военный контроль над космосом. В этих условиях в вопросах ликвидации ядерного оружия существует опасность непродуманных решений. Ведь если его запасы сильно сократятся или вообще будут уничтожены полностью, то скорая, эффективная и, главное, безнаказанная расправа над любым противником и конкурентом будет американцам гарантирована.

Сегодня НАТО бесцеремонно продвигается к границам России, настойчиво стремится выйти на линию Курск — Дон — Краснодар с перспективой продления ее на Кавказ. Сейчас эти намерения очевидны. А ведь за то, что коммунисты России указывали на НАТО как на главную опасность для интересов России, предупреждали о враждебных намерениях Запада, нас обвиняли в шовинизме и других смертных грехах.

В одиночку, без возрождения союзного государства, в первую очередь без единения усилий России, Украины и Белоруссии нельзя ослабить и разомкнуть петлю, которая все туже затягивается вокруг евразийского «сердца мира». Если мы складываем свои потенциалы — мы конкуренты и в мире, и в Европе, мы в состоянии быть влиятельными субъектами мировой истории. Если нет, будут по очереди эксплуатировать и огромную, богатую недрами Россию, и широкую Украину, и славную, трудолюбивую Беларусь. И — никакой перспективы, что с нами будут всерьез считаться в большой политике.

Однако во взаимоотношениях России со своими ближайшими соседями нет стабильности. Перелом во взаимоотношениях с Украиной наметился только в результате смены президента, которая произошла в феврале

2010 года. И в этом нет заслуги российской дипломатии. Тем более, не стоит надеяться, что бессистемная и бесхребетная политика в отношении Украины сможет поубавить пыл ярых националистов, наследников изменника Мазепы и фашистского прислужника Бандеры.

Вопрос о том, есть ли у Кремля воля принципиально изменить свой подход к отношениям с Украиной, остается открытым. «Зависли» в неопределенности вопросы о предоставлении русскому языку статуса государственного, о вхождении Украины в Таможенный союз и единое экономическое пространство с Россией. В назначении послом на Украине М. Зурабова — «мальчика для битья», известного своей поразительной способностью проваливать все порученные ему правительством вопросы, — видится политическая безответственность и издевательство над здравым смыслом, демонстрация абсолютного нежелания решать назревшие проблемы конструктивно и до конца.

Большую тревогу вызывают отношения между Россией и Белоруссией. Никто не сомневается, что грязная информационная война против президента А. Г. Лукашенко развязана в России по отмашке сверху. Очередной газовый конфликт стал поводом для информационно-пропагандистского противостояния. Заметим, что правящая в РФ верхушка, подстраивающая Россию в фарватер натовского курса, за последние годы списала Афганистану, контролируемому войсками НАТО и являющемуся основным поставщиком героина в нашу страну, остаток советского долга в размере 12 миллиардов долларов. А вот Белоруссии она выкручивала руки, требуя выплаты 200 миллионов долларов при собственном долге перед Минском в 260 миллионов долларов. Все это с самого начала сопровождалось соответствующими телешоу, с помощью которых пытались ввести народ России в заблуждение. Но наши люди понимают: если что-то и недополучено от Белоруссии, так это то, что прошло мимо карманов российских олигархов. К благосостоянию российского народа это «что-то» не имеет отношения.

Вместо того чтобы дискредитировать руководителя дружественной страны, России следовало бы многому поучиться у Белоруссии. Ведь у нашего соседа, несмотря на все экономические трудности, связанные с мировым кризисом, прослеживается устойчивое и эффективное развитие. По сравнению с 1990 годом рост производства здесь составил 140 %, а Россия на этот уровень еще не вышла. Огромный опыт республика накопила в деле обустройства населенных пунктов и сельхозугодий, организации деятельности милиции и поддержания общественного порядка в стране, обеспечения достойного прожиточного минимума ее граждан.

Если Кремль не изменит свой нынешний курс в отношении Белоруссии и ее президента, это чревато потерей и без того немногочисленных союзников России. Подход официальной Москвы к российско-белорусским отношениям решительным образом противоречит даже собственной внешнеполитической доктрине правящей группировки РФ.

Действия российских властей в случае с Белоруссией диктуются отнюдь не интересами стратегической безопасности и экономических интересов, как это официально декларируется. Приходится напоминать творцам нынешнего курса России о том, что Запад усердно выстраивает вдоль границ нашей страны «железный занавес». В процесс давно втянуты государства Прибалтики, Молдавия и Грузия, в него вовлекаются другие бывшие республики СССР.

Беларусь в этих условиях остается едва ли не единственным надежным союзником нашей страны на западном стратегическом направлении. Именно Беларусь обеспечивает защиту российских границ на том пути, на котором испокон веков на Москву шли завоеватели. В Великой Отечественной войне белорусы первыми приняли на себя страшный удар фашистских орд, рвущихся к Москве, развернули героическую борьбу в тылу врага, пережили тяжелейшую оккупацию. В схватке с фашизмом Белоруссия потеряла свыше четверти своего населения.

Однако вопреки здравому смыслу и нравственному долгу перед народами России и Белоруссии, российское руководство делает все, чтобы разрушить дружественные отношения с этой республикой.

Мы не можем уповать на то, что правители приходят и уходят, а вместе с этим меняются и отношения государств. Пассивная позиция может привести к тому, что на вопрос: «С кем завтра останется русский народ, в каком окружении?» в скором времени не будет ответа.

Внешнеполитическая катастрофа России происходит не сама собой, не по воле неких потусторонних сил. Все, как говорится, познается в сравнении. Политика Советского Союза не была свободна от недостатков. Но Союз обладал четкой системой взглядов и целей, эффективным внешнеполитическим механизмом, огромным авторитетом в мире, опиравшимся на мощную экономику и боеспособные Вооруженные силы. Но уже внешняя политика М. Горбачева стала чистейшей воды авантюризмом, основанным на стремлении одним махом решить сложнейшие проблемы за счет односторонних уступок Западу. В конечном счете то, что начиналось как заблуждение или глупость, привело к сознательному предательству интересов страны.

Либеральная концепция экономики и политики, унаследованная В. Путиным и Д. Медведевым от реформаторов 1990-х годов, не меняется. Она как вела, так и ведет к краху промышленность и сельское хозяйство, гробит нашу оборону. Это резко ослабляет возможность проведения самостоятельной линии и на международной арене.

В условиях деиндустриализации, огромного отставания в области технологий, развала военно-промышленного комплекса разговоры правящей российской верхушки о «прагматизме» и «приоритете национальных интересов» как об основе новой внешней политики — ширма, призванная замаскировать сохранение ее прозападной ориентации.

Отношения с западными странами

Сотрудничать с западными странами нужно. Но пока саморазрушительные попытки «интеграции в глобальное сообщество», в том виде, в каком они осуществляются, терпят фиаско. Как и во все предшествующие столетия, Запад видит в России прежде всего соперника и конкурента. Он не доверяет ей и одновременно стремится поживиться за счет ее богатств.

Можно предполагать, что даже идея модернизации страны, которую сейчас пытаются осуществить, рано или поздно натолкнется на скрытое противодействие мировых центров. Не случайно еще в начале 1990-х годов Кен Ливингстон, бывший мэр Большого Лондона, отмечал: «Даже капиталистическая модернизированная Россия была бы мощным соперником США и Западной Европы. Запад поддерживает предложения МВФ, рассчитывая, что их результатом окажется до конца этого столетия хилая и ослабленная Россия, и такой она войдет в будущий век». Судя по нынешней ситуации, по решительным намерениям России в ближайшее время вступить в МВФ (на крайне невыгодных для себя условиях), он оказался прав.

Профессор Международного университета во Флориде Андре-Гюндер Франк, которого трудно заподозрить в симпатиях к бывшему СССР, писал: «В течение десятилетий западные эмбарго и другие препоны развитию Востока прикрывались фиговыми листками идеологии “холодной войны”. Однако и теперь многие элементы той же самой политики Запада... продолжают применяться в интересах конкуренции... Разговоры о “новой экономической помощи” Востоку — не более чем дымовая завеса для продолжающейся реальной эксплуатации последнего через обслуживание долгов — потоков денег из все более нищего Востока в кладовые банков на Западе».

Мы имеем сегодня массу свидетельств, подтверждающих справедливость этих слов. Например, значительная часть государственных средств России размещена в американских и европейских банках и работает на западную экономику.

Одновременно Россию пытаются втянуть в структуры, создающие иллюзию нашего участия в «мировом правительстве». Но даже в «восьмерке» Россия имеет явно неравноправное положение и мало что получает от этого практически.

Разумеется, конфронтации с Западом нам не надо. Мы хотим жить с ним в мире и партнерстве. Но мы должны быть равноправными, уважаемыми партнерами. Россия имеет свою судьбу, свою историю, свой характер, свои национальные интересы, не обязательно совпадающие с интересами Запада.

Нужна инициативная, при необходимости наступательная и твердая (но не агрессивная) политика, опирающаяся на сохраняющийся у России промышленный, научный и военный потенциал, на умелое использование противоречий окружающего нас мира. А главное, необходимо прямо и честно дать себе отчет в том, что Запад понимает прежде всего язык силы.

А силы как раз и не достает сегодняшней России. Именно из-за слабости и отсутствия надежных союзников продолжает ухудшаться стратегическое положение страны. Да и как может быть иначе, если, по сути, Россия сейчас исполняет роль «вагонетки» — поставщика дешевых природных ресурсов богатым странам. А завтра, при такой политике, она может стать «американским спецназом», поставщиком пушечного мяса для новых международных авантюр. Есть целый ряд признаков, говорящих о том, что такое предположение — не пустые слова.

Глава третья

ПОГИБНИ ИЛИ ЗАЩИЩАЙСЯ

На протяжении всей тысячелетней истории русского государства, с момента его основания в X веке и до наших дней, попытки уничтожить Россию военной силой (или хотя бы ослабить таким образом ее жизнеспособность и влияние в мире) не прекращались.

«С первых же веков своего существования, — писал Иван Ильин, анализируя геополитическую эволюцию России, — русский народ оказался на отовсюду открытой равнине. Ограждающих рубежей не было — был издревле великий “проходной двор”, через который валили “переселяющиеся” народы с востока и юго-востока на запад. Возникая и слагаясь, Россия не могла опереться ни на какие естественные границы. Надо было или гибнуть под вечными набегами то мелких, то крупных хищных племен — или давать им отпор, замирать равнину оружием и осваивать ее.

Это длилось веками; и только враги России могут изображать дело так, будто агрессия шла со стороны самого русского народа, тогда как “бедные” печенег, половцы, хазары, татары (ордынские, казанские или крымские), черемисы, чуваш, черкесы и кабардинцы стонали под гнетом “русского империализма” и “боролись за свою свободу”... Россия издревле была организмом, вечно вынужденным к самообороне».

Историческая статистика полностью подтверждает это заключение русского мыслителя. Наш народ миролюбив, терпелив, незлобив — в этом не приходится убеждать никого, кто хоть сколько-нибудь знаком с русским характером. Наше прошлое не знает военного наемничества, этого повсеместного явления Западной Европы. На Руси испокон веков не было ни ландскнехтов, ни кондотьеров, водивших наемные войска в погоне за добычей, а казацкая вольница быстро трансформировалась из молодецкого буйства в организованную силу по защите русских рубежей.

И все же, несмотря на это, России пришлось воевать постоянно. Знаменитый историк С. М. Соловьев насчитывает с 1055 по 1462 год 245 документальных известий о нашествиях на Русь.

По мере того как формировалось единое, мощное государство во главе с Москвой, усиливался и вооруженный натиск разнообразных противников России, боявшихся ее усиления, видевших в мужавшем рус-

ском государстве своего опасного геополитического и торгового конкурента.

В книге «Война в истории русского мира», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1894 году, знаток русской военной истории генерал Сухотин подсчитал, что «с XIV века, с которого можно считать возрождение русского государства, и до наших дней, в течение 525 лет Россия провела в войнах... 329 лет, то есть почти две трети своей жизни». При этом 134 раза нашему народу пришлось вести войну одновременно с несколькими врагами. Однажды пришлось воевать сразу против девяти противников, дважды — против пяти, 25 раз — против трех и 37 войн Россия вела против двух врагов».

XX век лишь подтвердил ключевую роль вооруженных сил в сохранении независимости и целостности страны. Две мировые войны, в которых мы потеряли более 30 миллионов человек, — страшное доказательство того, что враги не оставят в покое нашу Родину.

В ногу со временем

Из истории известно, что вооруженные силы в России периодически подвергались серьезному реформированию. Строго говоря, совершенствование военного дела есть процесс непрерывный, поскольку армия всегда должна соответствовать политическим, геостратегическим, экономическим и другим реальностям современности.

Говоря словами Василия Ключевского, «военная реформа осталась бы специальным фактом военной истории России, если бы не отпечаталась слишком глубоко и отчетливо на социальном и нравственном складе всего русского общества, даже на ходе политических событий».

Первой такой всеобъемлющей реформой Вооруженных сил на Руси стали преобразования Ивана Грозного во второй половине XVI столетия. В ходе тех преобразований в России была впервые создана постоянная армия — стрелецкое войско.

Стрельцы относились к так называемым «служилым людям», служившим «по прибору», то есть по добровольному набору. Фактически это означало, говоря современным языком, комплектование армии на контрактной основе. Именно стрельцы стали главной опорой трона в «собираании земель», в обуздании боярского местничества, в формировании единой, централизованной, мощной России. Стрелецкие войска были в XVII веке главной опорой для воссоздания государственного единства России после тяжелейшей Смуты 1605—1613 годов, для воссоединения Великороссии и Малороссии в 1654 году, для обуздания непомерных аппетитов Западной Европы на русской земле.

Однако по мере роста государственной и военной мощи России, стрелецкое войско перестало удовлетворять потребности Державы. Знаменитый «стрелецкий бунт», подавленный Петром I, стал отправной точкой для новой военной реформы. Указ самодержца от 17 ноября 1699 года положил начало принципиально новому подходу в комплектовании русской армии — так называемой рекрутской системе. На военную службу (сперва — пожизненно, с 1793 года — на 25 лет, а с 1834 года — на 20) призывался один рекрут от определенного числа жителей.

Рекрутский набор позволил сделать российскую армию действительно народной, всесословной, увеличить ее численность и повысить профессионализм. Именно в этой Петровской реформе коренится нерасторжимое единство армии и народа, ставшее на протяжении трех последних столетий залогом всех наших военных побед и столь ненавистное нынешним западникам и либералам.

«Чудо-богатыри» Суворова и «орлы» Кутузова, герои Измаила, Чесмы и Бородина зримо и недвусмысленно подтвердили Европе действенность и результативность русской военной машины. Именно беззаветной доблести русского солдата обязана Россия тем, что к середине XIX столетия она превратилась в сильнейшую мировую державу, фактическую блюстительницу мирового геополитического равновесия.

Это новое глобальное качество Российского государства потребовало очередной реформы его Вооруженных сил. Ее главным элементом стала замена рекрутской повинности принципом всеобщей воинской обязанности населения. По закону 1874 года воинская повинность распространялась на все мужское население России, исключая так называемых «инородцев», которые несли ее в соответствии с особыми правилами, а некоторые и вовсе к ней не допускались.

Призывная политика Российской империи была весьма дифференцирована и тонко разработана. При общем сроке службы в сухопутных войсках, определенном в шесть лет, существовало четыре категории «льготников» только в зависимости от образовательного ценза. К примеру, лица, окончившие начальную школу, служили четыре года, городскую школу — три года, выпускники гимназий — полтора, а закончившие вуз — всего полгода.

Суровой проверкой обороноспособности царской России стали Русско-японская и Первая мировая войны. И этой проверки войска не выдержали. Нет, русский солдат не стал менее стоек и отважен. Причина коренилась в общей деградации царского самодержавия предреволюционной эпохи, в гигантской пропасти, образовавшейся между нуждами трудящегося народа, общими потребностями социально-экономического и политического развития страны и целями насквозь прогнившего и коррумпированного режима.

Революция и Гражданская война внесли в военную инфраструктуру страны радикальные изменения, позволившие восстановить оборонную мощь и спасти Россию как независимое государство, как ведущий субъект мировой политики. Старая царская армия, будучи одной из решающих сил в победе народа над царизмом, исчерпала в революционных схватках свои силы и не смогла обеспечить защиту российских рубежей. И тогда в революционных бурях, в борьбе против интервенции четырнадцати иностранных держав и их внутренних белогвардейских пособников, ро-

дились новые Вооруженные силы России — Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

Это стало великим рубежом в истории Российской армии. Ее героический народный характер, столь ярко проявившийся еще в великих битвах за свободу и независимость Отечества и братских славянских народов — от Ледового побоища до Полтавы, от Бородина до Севастополя, от Шипки до Цусимы, — был закреплён отныне социальным характером РККА, классовым единством вооружённых сил сверху донизу, от маршала до рядового.

Крестьянин Георгий Жуков, рабочий Константин Рокоссовский, попович-разночинец Александр Василевский вели в бой своих братьев по классу — весь трудовой народ. Об эту социальную твердыню разбились, обломали рога и польская шляхта, и японские самураи, и прусские юнкеры, выступавшие во главе своих «непобедимых» войск.

И наоборот, как только наметился и стал углубляться разрыв и раскол между армейской верхушкой и армейской массой, вооружённые силы стали стремительно утрачивать смысл своего служения, а вместе с ним — свою боеспособность.

Два разрушительных процесса протекали параллельно. С одной стороны, армия молча проглотила разрушение Советского Союза, на верность которому присягала; пассивно взирала на то, как «элитные» головорезы из ее собственных рядов расстреливают и жгут в центре столицы защитников Конституции; явила себя покорным «пушечным мясом» в первой чеченской кампании. С другой стороны, быстрыми темпами разрушалась единая международная и общесоюзная система обороны, физически и морально устаревало вооружение, падала воинская дисциплина.

После окончания Гражданской войны и освобождения всей территории страны от остатков войск интервентов и белых формирований возникла необходимость в еще одной, на этот раз чисто технической, военной реформе. Новшества 1924—1925 годов были

направлены прежде всего на то, чтобы при минимальных ресурсах ослабленной многолетними войнами страны обеспечить ей наибольшую военную безопасность.

Окончательно переход к профессиональной, кадровой армии, комплектуемой на основе всеобщей воинской обязанности, закончился в конце 1930-х годов, накануне Великой Отечественной войны.

Эта война, ставшая в жизни нашего народа тяжелейшим, невиданным испытанием, стоившая ему миллионов и миллионов жертв, одновременно явила миру непреложную истину: с помощью силы одолеть Россию невозможно. После Великой Победы военная мощь СССР возросла настолько, что страна превратилась в сверхдержаву, без ведома которой не мог быть решен ни один сколь-либо значимый вопрос международной политики.

Появление на вооружении в США и СССР ядерного оружия и реформирование советской военной организации в соответствии с реалиями новой ядерно-космической эры лишь закрепили глобальный баланс сил. Тогда-то в «мозговых центрах» западных спецслужб и были разработаны первые планы по «мирному завоеванию» нашей страны, по «подрыву советского могущества изнутри».

Планы эти были реализованы практически полностью. В январе 1992 года президент США Джордж Буш-старший под бурные аплодисменты конгресса провозгласил на весь мир, что «Америка выиграла “холодную войну”».

На грани

«У России есть только два верных союзника — ее армия и ее флот». Эти слова императора Александра III в наше время оказались преданы забвению. «С кем теперь воевать?» Такой вопрос звучал в ответ на призывы оберегать, не рушить обороноспособность страны во время демократического угара конца 1980-х — 1990-х годов прошлого столетия. Приходится его слышать и

поныне. А тем временем, когда откормленные политики рассуждали об отсутствии для России военных угроз, русские солдаты и воевали, и гибли.

Основные удары по обороноспособности России были нанесены с двух сторон. В период горбачевской «перестройки» разрушительному воздействию под видом так называемой конверсии подвергся Военно-промышленный комплекс — многие его предприятия вместо танков и пушек стали выпускать кастрюли и сковородки. А параллельно с этим развернулась кампания по деморализации российских военнослужащих, которая с самого начала носила сознательный, целенаправленный и хорошо продуманный характер.

Чего только не пришлось пережить нашей армии за годы разгула «демократии», «плюрализма» и «общечеловеческих ценностей»! Каких только оскорблений и издевательств не наслушались за это время офицеры и солдаты! Их раз за разом подло и расчетливо «подставляли» беспринципные и трусливые политики, поручая армии самую грязную, кровавую работу, и тут же предавали безответных военнослужащих, списывая на их «зверства» и «реакционность» собственные трусость и цинизм. Именно так было в Вильнюсе, Оше, Степанакерте, Намангане, Тбилиси, Баку, в Приднестровье и Чечне.

Развал Советского государства и единых Вооруженных сил раскололи генералитет. Значительная часть военных руководителей, состоявшая, с одной стороны, из карьеристов, почуявших возможность быстрого возвышения, а с другой — из добросовестных профессионалов, надеявшихся, что при новом порядке они смогут более эффективно решать задачи по повышению обороноспособности страны, перешла на сторону победившей «демократии».

Вслед за генералитетом раскололся и офицерский корпус. При этом общее положение дел осложнялось безудержной антиармейской кампанией, развязанной средствами массовой информации, откровенным подкупом офицеров национальными князьками, лихорадочно формирующими бутафорские армии соб-

ственных «независимых государств», и отсутствием каких-либо ясных целей вооруженных сил.

В этих сложнейших условиях наша армия сделала невозможное: она сохранила себя, оказавшись в положении «армии без государства», а значит — без руководства, без присяги, без смысла существования.

Теоретически такая ситуация для вооруженных сил смертельна! Не обошлась она без последствий и для российской армии: деморализованной оказалась значительная часть офицерского корпуса, не готовая к прохождению службы в столь специфических «новых условиях». Резко упала воинская дисциплина, после ликвидации политорганов практически прекратилась какая-либо деятельность по морально-психологической подготовке военнослужащих.

Кремлевские обитатели ударными темпами «прикармливали» ту часть армейской верхушки, которая за чины и должности готова была служить кому угодно и как угодно.

Уже через год после создания Российских Вооруженных сил количество генеральских должностей в их структуре далеко превысило аналогичный показатель Советской Армии. На послушных генералов звания и ордена сыпались как из рога изобилия, в то время как подавляющее большинство офицеров стремительно нищало. Одновременно с этим обвальное сокращение Вооруженных сил давало услужливому начальству прекрасный повод расстаться с излишне самостоятельными и «политически неблагонадежными» офицерами. Все это не могло не сказаться на общей атмосфере в армии — в ее ряды проникли опасные вирусы цинизма, коррупции, воровства.

Однако все это время, несмотря ни на что, русский солдат достойно и честно выполнял свой воинский долг, реализуя приказы высшего политического руководства страны. А тем временем это самое «высшее руководство», занятое переделом кремлевских кабинетов да грабежом государственной собственности, своим преступным бездействием обрекало на гибель

и вырождение лучшие, элитные части наших Вооруженных сил, прикармливала и подкупала коррумпированную армейскую верхушку, которая подняла руку на свой народ в октябре 1993-го.

Это роковое событие с предельной ясностью продемонстрировало военнослужащим, что в «новой» России цинизм, изворотливость и приспособленчество одержали полную победу над честью, совестью и верностью долгу, предопределило дальнейшую моральную деградацию «непобедимой и легендарной».

Чеченская авантюра, еще более густо замешанная на крови российских солдат и мирных жителей, завершила процесс деморализации наших Вооруженных сил. За два года «первой» войны армия трижды вплотную подходила к решению задачи по разгрому сепаратистов, и трижды московские политиканы предавали ее, щедро оплачивая солдатской кровью собственную нерешительность и беспринципность.

В результате предательства и измены оказалась подорванной державная мощь нашего Отечества. И никакая псевдопатриотическая риторика, к которой стали прибегать хозяева Кремля в 2000-е годы, не может замаскировать очевидного факта: Россия шла прежним капитулянтским курсом и после смены Ельцина. Именно в рамках этого курса в 2001 году была принята концепция «военной реформы», которая нанесла очередной удар по обороноспособности страны.

Логическим следствием политики правящей верхушки стала ликвидация крупнейших зарубежных баз российских Вооруженных сил — в Лурдасе (Куба) и Камрани (Вьетнам). К этому надо добавить прошедшую тогда же волну сокращений в армии и на флоте, унижительное подыгрывание Вашингтону и заискивание перед НАТО, капитуляцию перед Западом, проведенную под лозунгом «борьбы с международным терроризмом».

Какие же основные факторы, характеризующие обороноспособность страны, можно выделить по истечении двух десятилетий войны против собственной армии? Это прежде всего:

а) стратегическое ослабление России.

Развал СССР, упразднение Организации Варшавского договора, потеря всех стратегических союзников, утрата ключевых геополитических позиций на западных и южных рубежах, развал экономики и превращение страны в сырьевой придаток высокоразвитых государств — все это привело к тому, что нынешнее международное положение России, пожалуй, самое тяжелое за последние 300 лет.

Хуже было, наверное, только после Гражданской войны 1918—1921 годов. Но тогда у власти находилась коммунистическая партия с четкой внутренней организацией, железной дисциплиной, ясным пониманием своих целей и негибкой политической волей.

Эту партию можно любить или ненавидеть, но нелепо отрицать очевидный факт: именно такие ее качества привели к феноменально быстрому возрождению государственного единства и державной мощи страны. У нынешней же «партии власти» воли хватает лишь на то, чтобы во имя личных корыстных интересов действовать под диктовку Вашингтона;

б) качественное усиление геополитических позиций США и Запада;

в) активизация альтернативных «центров силы».

Попытка Запада, особенно США, создать после развала СССР «однополярный мир» под своим глобальным контролем, вызвала естественную активизацию крупнейших региональных держав, претендующих на самостоятельную роль в мировой политике. На роль таких альтернативных «центров силы» претендуют многие, наиболее обоснованно — Китай, Индия, мусульманский (арабский) мир. Вполне очевидно и стремление старушки-Европы по ряду вопросов выйти из фарватера американской политики. Все это серьезно осложняет и запутывает течение мировой политики, повышая и без того критический уровень междоцивилизационных противоречий и взаимных претензий;

г) нестабильность нового мирового баланса сил.

Нельзя забывать, что передел гигантского геополитического наследства СССР не завершен. А значит, необходимо готовиться к тому, что на международной арене России еще долго придется действовать в условиях стратегической нестабильности. А это в первую очередь означает, что военная составляющая нашей национальной безопасности приобретает первостепенное, жизненно важное значение.

Казалось бы, эти факторы должны были заставить руководство страны коренным образом поменять отношение к Вооруженным силам, принять меры к возрождению их боевой мощи. Но не тут-то было...

Последний удар?

В любой стране, при любом политическом режиме и экономическом строе армия может эффективно решать свои профессиональные задачи только в том случае, если она:

а) органично вписана в общую государственно-политическую организацию общества;

б) существует в условиях идеологической ясности и устойчива морально-психологически;

в) имеет прочную материально-техническую базу;

г) обладает организационно-командной структурой, соответствующей требованиям современной вооруженной борьбы.

Все это в полной мере учитывалось в период строительства советских Вооруженных сил, служивших надежным щитом Родины и обеспечивших своей стране — СССР непререкаемый авторитет на международной арене.

Характер и масштабы внешней опасности для страны сегодня чреваты полной потерей ее самостоятельности и независимости. «Холодная война» никогда не кончалась. Только слепой не замечает, что политика США, НАТО и некоторых соседних стран становится все более антироссийской. Министерство обороны США откровенно заявляет: «Мы вступили в эру пер-

манентного конфликта, которая в обозримом будущем будет характеризоваться обстановкой менее предсказуемой, чем во времена холодной войны». Готовясь к этой «эре», Пентагон ускоренно наращивает военные расходы, совершает военно-технологический отрыв от остальных стран мира, нацеливает свои Вооруженные силы на жестокую борьбу за ресурсы планеты.

Все это вполне в духе тенденций, сложившихся во взаимоотношениях государств в последние десятилетия. А они свидетельствуют о том, что большинство наиболее крупных военных конфликтов прямо связано с контролем над природными ресурсами и путями их транспортировки. Эту проблему резко обострил глубокий глобальный экономический кризис.

Чем же отвечает на это Россия? Очередным реформированием Вооруженных сил, счет которым в «новой» России потеряли даже специалисты. Похоже, что нынешняя, «самая радикальная», военная реформа ставит целью окончательный слом российской военной машины.

Сомнительная слава быть ее олицетворением и символом принадлежит министру обороны А. Сердюкову. Не случайно в армии и на флоте сейчас распространен афоризм: «С таким министром нам и врагов не нужно». И в этих словах нет преувеличения. Ведь идет сознательное разрушение сложной системы обороны государства. Необоснованно сокращается общая численность Вооруженных сил — до одного миллиона военнослужащих к 2011 году, упраздняется институт прапорщиков и мичманов, увольняются в запас 200 тысяч офицеров и закрываются 60 военных училищ.

В области материально-технической реформирование сопровождается развалом последних предприятий военно-промышленного комплекса, доставшего России в наследство от СССР. Причем нынешняя «конверсия», в отличие от процесса перевода предприятий на выпуск кастрюль и сковородок в конце 1980-х — начале 1990-х, имеет свою примечательную черту, отличающую ее от предыдущих, — невиданный

размах приобрела приватизация ВПК. При этом министр обороны не только руководит приватизацией, но и лично показывает подчиненным пример непосредственного участия в ней.

Так, по предложению правительства, указом президента РФ в сентябре 2008 года было создано ОАО «Оборонсервис», председателем которого стал министр обороны Сердюков. В рамках этого ОАО было создано девять субхолдингов, специализирующихся на самостоятельных направлениях хозяйственной деятельности: ремонт авиатехники и вооружения, строительство, торговля, гостиничные услуги, сельское хозяйство и издательское дело. В ОАО «Оборонсервис» вошло 316 предприятий и организаций, раньше принадлежавших МО РФ. Специалисты предполагают, что всего в нем будет сосредоточено 2—3 % богатства Российской Федерации.

Планы «Оборонсервиса» поистине грандиозны — ведь ОАО планирует утилизировать 18 тысяч танков и 1000 самолетов, десятки кораблей, подводных лодок. Стоимость таких «работ» составит несколько миллиардов долларов США.

Логика понятна даже тем, кто не слишком сведущ в коммерции: чем больше уничтожают боевой техники, тем выше дивиденды акционеров. Да и реализация металла составит дополнительную прибыль еще на несколько миллиардов долларов. При этом эксперты считают, что Министерство обороны РФ в ближайшие пять — шесть лет будет закупать вооружений у европейских стран и Израиля на 10 миллиардов евро в ущерб собственному ВПК. Например, уже сейчас зарубежное стрелковое оружие вытесняет из Российской армии оружие лучших отечественных образцов, нискавших себе славу во всем мире.

Свое уничтожаем — западное покупаем. Усердствует в этом не только министр обороны. Власти РФ, заявив, что надо покупать больше гражданских самолетов отечественного производства, тут же подписали контракт на закупку пятидесяти «Боингов» в США, на-

неся удар и по гражданскому, и по военному авиапрому, и по всему ВПК РФ. Объяснение этому очень простое: переходим на натовские оружие и стандарты...

А пока, даже по официальным источникам, положение дел в армии и на флоте с каждым днем катастрофически осложняется. На Черноморском флоте, например, срок эксплуатации большинства кораблей превысил 35-летний рубеж (при среднем установленном сроке службы боевых кораблей в мире 20—25 лет). Большая часть кораблей ЧФ устарела морально и физически. В их числе находящиеся в десятилетнем ремонте большой противолодочный корабль «Очаков» и дизельная подлодка проекта 641Б «Святой князь Георгий». После утилизации «Святого князя Георгия» на флоте останется единственная дизель-электрическая подлодка проекта 877В «Алроса», которая недавно вернулась в строй после аварии и последующего ремонта. До сих пор находится в строю спасательное судно «Коммуна», которому в 2013 году исполнится 100 лет.

Структурные преобразования армии, которые сегодня осуществляет Минобороны, — по численности, по созданию бригад как основной боевой составляющей и по многим другим параметрам, — не новы. За ними отчетливо видны идеи, которые несколько лет вынашивались в лабораториях Института экономики переходного периода под руководством Гайдара. Как известно, именно он в свое время приложил немало сил для реализации проекта Гарвардского института международного развития по «экономическому содействию» России. Сейчас власть пытается замаскировать возвращение гайдаровских идей, но за всем, что творится в армии и флоте, видна рука «гарвардских» мальчиков.

Новая структура и сокращение численности Вооруженных сил говорят о том, что Российскую армию готовят к роли послушного Вашингтону жандарма для проведения локальных операций в различных районах земного шара, начиная... с самой России. Думается, не случайно нынешние преобразования в армии созвучны

с реформами МВД, с намерением властей переименовать милицию в полицию. В руках правящей верхушки окажутся силовые структуры, которые без труда можно будет повернуть против собственного народа.

Понимая, в чем на самом деле состоит основной смысл нынешней армейской реформы, не трудно догадаться, чьим интересам отвечает массовое увольнение офицерского корпуса, по которому наносится главный удар. Исторический опыт, как видно, нам не указ. А ведь следовало бы вспомнить, что после поражения в Первой мировой войне Германия в рядах своих Вооруженных сил оставила только офицеров, используя любую возможность для их подготовки. Это стало главным обстоятельством, позволившим ей в считанные месяцы воссоздать одну из самых боеспособных в мире армий.

Через разрушение военных училищ и академий уничтожается способность государства воспроизводить надежные офицерские кадры. Ломка создаваемой десятилетиями системы военного образования привела к тому, что высшие военные вузы страны в 2010 году не приняли ни одного курсанта на первый курс. То есть почти 20 тысяч выпускников (именно столько человек ежегодно поступало на первые курсы всех военных вузов, школ и военных училищ), которые планировали стать кадровыми офицерами, профессионалами военных специальностей, оказались перед закрытыми дверями. Да и тех, кто заканчивает военные вузы сегодня, в армию стараются не брать.

Ни одного слушателя в 2010 году не приняла и Военно-медицинская академия, а в планах сокращения до 2012 года находится 66 госпиталей. Врачам-офицерам предлагается демобилизоваться и приступить к работе в качестве гражданских специалистов. Объявлено, что из 14 тысяч военных врачей к 2012 году оставят лишь четыре тысячи. Без медицинского обслуживания оказываются члены семей военных. А ведь наша военная медицина даже и сегодня была одной из немногих эффективно функционирующих систем ар-

мии. Она смогла, например, добиться впечатляющих результатов в ходе войны в Чечне. В частности, резко снизился уровень смертности раненых, доставленных в госпитали. В военной медицине были сосредоточены блестящие врачебные кадры страны.

Специалисты подсчитали, что, по опыту прежних реформ, для расформирования одной мотострелковой дивизии необходимы средства, которых хватило бы на 10—15 лет ее содержания. Нетрудно подсчитать, что львиная доля бюджетных средств, выделенных на оборону, пойдет на фактическое уничтожение Вооруженных сил.

Кстати, сокращая квалифицированных офицеров, правительство и президент не могут справиться с ростом армии чиновников, которая за минувшее 10 лет возросла с 1 миллиона 148 тысяч до 2 миллионов 60 тысяч. Пока громкие заявления о решимости бороться с раздуванием численности бюрократического аппарата остаются лишь на бумаге.

Обмануты, преданы, брошены... Нет других слов, чтобы описать то, что происходит с нашими офицерами и солдатами. Поэтому не надо удивляться, что морально-психологическое состояние Вооруженных сил не внушает оптимизма. Главными факторами, определяющими нравственно-духовный климат в армии, сегодня являются:

- деморализация личного состава на всех уровнях, от рядового до генерала;

- коррупция, пустившая глубокие корни прежде всего среди высшего офицерского состава;

- отсутствие патриотической идеологии и ясной военной доктрины;

- обвальное падение престижа военной службы.

Не снижается количество преступлений в Российской армии, в том числе связанных с дедовщиной, несмотря на сокращение численности контрактников сроков военной службы по призыву. Если в 2008 году за все виды преступления в армии и на флоте было осуждено 9310 военнослужащих, то в 2009 году эта цифра

составила 9232 человека. По информации Минобороны, в 2010 году опять наблюдается всплеск дедовщины, которая возрастет по сравнению с 2009 годом почти на треть. Распространилась она уже и на контрактников, хотя идея перевода армии на контрактную основу с треском провалилась: денег на контрактников нет. Зря потрачены миллиарды народных денег, но виноватых, как всегда, нет. Армия возвращается к призывной системе.

Впрочем, наивно ожидать в войсках изменения моральной атмосферы, искоренения дедовщины и других правонарушений, если неуставные отношения прилюдно демонстрирует сам министр обороны. Вопиющий случай их проявления со стороны А. Сердюкова по отношению к командиру-десантнику Герою России гвардии полковнику А. Красову произошел в учебном центре «Сельцы» под Рязанью. Унижение профессионального и личного достоинства боевого офицера вызвало волну возмущения не только в Воздушно-десантных войсках, но и во всей Российской армии, армейских организациях, среди гражданской общественности.

Очевидно, что в самой армии поддержки реформам нет и не будет. Ведь они самым негативным образом сказываются на судьбах большинства военнослужащих, на их благополучии и военной карьере, на семьях, ломают жизнь большого количества людей. В этом заключается глубинное противоречие между тем, что насаждается сверху, и тем, что нужно, чего ждут армия и общество.

К сожалению, не видно сколько-нибудь заметной реакции президента и правительства на мнение общественности, на протесты видных военачальников, брожение в офицерской среде. Нынешние руководители России безразличны к реальным нуждам армии. Им чужд государственный подход к проблемам военного строительства, они воспринимают критическую ситуацию, сложившуюся сегодня вокруг Вооруженных сил, лишь с точки зрения политической борьбы за удержание собственной власти. И до тех пор, пока

такое ненормальное положение будет сохраняться, никакие положительные сдвиги в военном строительстве невозможны в принципе.

Закономерен вопрос: знает ли руководство страны свою армию? Почему реформа армии отдана в руки некомпетентных чиновников, которые, в буквальном смысле слова, делают что хотят и отчитываются за последствия своей деятельности не собираются?

Думаю, внятных ответов на эти вопросы мы не получим. Ведь все, что происходит в армии, явно отражает общую деградацию института власти, снижение ее государственной дееспособности и авторитета в обществе, утрату политической элитой России профессиональных навыков и технологий управления государством и армией.

Не вызывает сомнения: многое из того, что сегодня варварски разрушается, придется восстанавливать — в силу жизненной необходимости обеспечения безопасности государства. Это потребует огромных расходов. Цена «эксперимента» Сердюкова и тех, кто за ним стоит, будет колоссальной. Но и денежные вливания не смогут за короткий срок восстановить разрушенные военные училища и академии, славные боевые традиции, создававшиеся веками.

Пока же реальное положение таково, что защищать Родину с оружием в руках становится некому и нечем.

И все же великая битва за Россию, за ее армию не проиграна. Надежда на возрождение жива, доколе жив «невольник чести» — российский солдат, а его сердце хранит древние отеческие заветы мужества и стойкости, доблести, отваги и презрения к врагам!

Глава четвертая

ГРАНИ БОРЬБЫ

Россия находится на крутом изломе истории. Все последние годы свидетельствуют о том, что капитализм для нее — путь социального регресса, ведущий

к национальной катастрофе, гибели нашей цивилизации. Реставрация капитализма возродила эксплуатацию человека человеком, привела к глубокому расколу общества.

На одном полюсе оказался класс крупных собственников, основу которого изначально составил банковско-спекулятивный и экспортно-сырьевой капитал. Экономически он тесно связан с Западом и носит ярко выраженный компрадорский характер. Национальный капитал хотя и ориентируется на развитие отечественной экономики, но своей классовой сущности не теряет. В стране стремительными темпами продолжает расти число долларовых миллионеров и миллиардеров.

На другом полюсе находится огромная масса обнищавших людей, задавленных угрозой безработицы и неуверенностью в завтрашнем дне. В Россию вернулось антагонистическое противоречие между наемным трудом и капиталом.

Государственная машина, поддерживающая такой порядок, в полной мере выражает интересы и волю крупной буржуазии, ее верхушки в лице олигархии.

Страна охвачена системным кризисом. Реставрация капитализма повлекла за собой резкое падение объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, деградацию науки, образования и культуры. Несмотря на поток нефтедолларов, до сих пор нет существенного продвижения ни в одной отрасли экономики. Сокращается численность населения. Граждане отчуждены от участия в управлении делами общества, в стране попираются нормы даже буржуазной демократии. Выборы в органы власти давно превращены в фарс.

Углубляется пропасть между богатыми и бедными, между толстосумами и большинством народа. Пролетаризация большинства соотечественников происходит одновременно с их социальным расслоением. Влачит нищенское существование значительная часть трудящихся, ветеранов и пенсионеров. Миллионы

детей занимаются бродяжничеством, не посещают школу. Обостряются противоречия между регионами, между городом и деревней.

Утрачены позиции страны на международной арене, упала боеспособность Российских Вооруженных сил. А тем временем НАТО бесцеремонно продвигается к нашим границам. Российская Федерация превращается в объект очередного передела мира, в сырьевой придаток империалистических государств.

Внешняя политика России определяется интересами узкой группы лиц, а не подавляющего большинства народа. При этом власть забывает, что людям далеко не безразлично, продолжится ли «сдача» национальных интересов страны или возобладает подлинно государственный подход к внешней политике.

В результате политики империалистической глобализации складывается крайне опасная ситуация. Международному противостоянию труда и капитала навязывается форма «войны цивилизаций». Идет новый передел мира, в ходе которого перераспределяются сферы экономического, политического и военного влияния. Нарастает борьба за контроль над природными ресурсами планеты. Для достижения своих целей империалистические круги активно используют военно-политические блоки и прибегают к открытым вооруженным действиям.

Обеспечив высокий уровень потребления для не-большой группы стран, капитализм одновременно выводит человечество на новый виток противоречий, существенно обостряя все глобальные проблемы.

Усиление зависимости России от хищнического альянса ведущих империалистических государств не означает, что она обречена на роль державы «второго сорта». Наша страна по-прежнему располагает самой большой в мире территорией с колоссальными запасами полезных ископаемых, в ней проживает трудолюбивый, талантливый и высокообразованный народ, являющийся по численности одним из самых крупных на планете. Страна владеет немалым промышленным

и научным потенциалом, сохраняет ядерный паритет с США, который во многом и определяет ее высокий международный статус. Налицо все предпосылки для того, чтобы Россия продолжала играть важную роль в мире.

Однако этого не происходит. Руководство страны по-прежнему проводит давно обанкротившийся экономический и внешнеполитический курс, который привел к подчинению политики России интересам заокеанских покровителей.

Отстоять национально-государственные интересы России в эпоху глобализма может обновленный социализм XXI века. Только социализм позволит преодолеть эксплуатацию человека человеком, расточительный характер капиталистического производства и потребления.

Капитализм сам создает предпосылки для установления более совершенного общественного строя. Произошедшая в СССР и в ряде других стран реставрация капитализма означает лишь временное отступление социализма. Причем проиграл не социализм как общественный строй, а ранняя его форма.

Буржуазная пропаганда упорно замалчивает тот факт, что силы социализма в мире зреют и крепнут. Ускоренно развивается социалистический Китай. В ряде государств у власти находятся коммунисты или прогрессивные партии, лидеры которых с симпатией относятся к такому пути. Вслед за Кубой все увереннее проявляется стремление к социалистическому выбору в странах Латинской Америки. Усиливается национально-освободительная борьба во многих странах мира, лишая капитализм важнейшего резерва и источника продления своего существования. Громко заявляет о себе движение противников империалистической глобализации.

Есть все основания считать, что в XXI веке социализм как учение, массовое движение и общественный строй получит второе дыхание. Как это произойдет — мирным путем или противоборством народа и вла-

сти — второй вопрос. Мирный путь всегда предпочтительней, и он реален.

На **первом этапе** перехода к социализму (через создание условий для честных выборов всех органов власти) решается задача установления демократической власти трудящихся, широких народно-патриотических сил путем формирования правительства народного доверия.

Это позволит устранить катастрофические последствия «реформ», восстановить основные политические и социально-экономические права граждан, вернуть народу и взять под контроль государства ответственность на противоправно присвоенные основные средства производства.

Национализация создаст прочную экономическую основу дальнейших преобразований. Будет пресечено ограбление мелких товаропроизводителей крупным капиталом, чиновниками и мафиозными группами.

Представительные органы власти и правительство обеспечат условия безопасности и независимости страны, создадут гарантии от попыток творцов «нового мирового порядка» прибрать к своим рукам природные богатства и производственную базу России, станут всемерно содействовать экономической и политической реинтеграции государств, существующих на постсоветском пространстве.

Начнет активно возрождаться и развиваться непосредственное народовластие: местные Советы народных депутатов, советы трудовых коллективов, комитеты самоуправления, самоорганизации и самозащиты. Будет введен контроль трудящихся за исполнительной и представительной властью.

Возможно вынесение на референдум вопроса о восстановлении в полном объеме советской системы государственной власти.

На **втором этапе**, после достижения политической и экономической стабильности, власти понадобится принять меры, чтобы максимально обеспечить все

более широкое участие трудящихся в управлении государством через Советы, профсоюзы, рабочее самоуправление и другие рожденные жизнью органы прямого народовластия.

На этом этапе сохранится обусловленная уровнем производительных сил экономическая многоукладность. Взяв в свои руки природные богатства и стратегические отрасли производства, государство наладит планирование основных показателей развития народного хозяйства, сформирует полноценный бюджет и станет важнейшим заказчиком продукции для отечественных производителей.

Народная власть с помощью плановых и рыночных механизмов будет активно регулировать развитие экономики и социальной сферы. Сельскохозяйственное производство получит государственную поддержку, что позволит ликвидировать пресловутые «ножницы цен» на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, ограбление села и его тружеников.

Основа возрождения села видится в крупных предприятиях, органично соединяющих в себе производство, переработку и сбыт сельскохозяйственной продукции. Все эти меры приведут к улучшению жизни людей.

На **третьем этапе** окончательно сформируются социалистические общественные отношения, станут доминировать общественные формы собственности на основные средства производства. По мере возрастания уровня реального обобществления труда и производства постепенно утвердится их решающая роль в экономике.

Ярче проявится значение науки как непосредственной производительной силы общества. На основе научно-технических достижений будет проведена реконструкция народного хозяйства. Более полно и широко станут удовлетворяться потребности людей, а власть обеспечит ускоренное развитие образования и культуры.

* * *

История вновь поставила народы нашей Родины перед тем же выбором, что и в 1917-м, и в 1941-м годах: либо великая держава и социализм, либо дальнейшее разрушение страны и превращение ее в колонию. Речь не о том, чтобы вернуться назад, а о том, чтобы двигаться вперед, к социализму, очищенному от ошибок и заблуждений прошлого, в полной мере отвечающему вызовам времени.

От нас с вами реально зависит будущее, потому что отсидеться в «теплом» месте или остаться в стороне в сложившейся ситуации не удастся никому.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Тупик или выход?

<i>Раздел первый. На развилке истории.....</i>	<i>7</i>
Глава первая. Принципиальный рубеж	7
Глава вторая. Новейшая технологическая революция	18
Глава третья. Взгляд с Запада.....	31
<i>Раздел второй. Мир в тисках империалистической</i> <i>глобализации</i>	<i>59</i>
Глава первая. Новое как хорошо забытое старое	59
Глава вторая. Геополитика в эпоху глобализации.....	82
Глава третья. Кому — война, кому — мать родна... ..	103
Глава четвертая. Глобализм и «новый империализм»	121
Глава пятая. Глобализм и международный терроризм.....	139
<i>Раздел третий. Социалистическая альтернатива</i>	<i>160</i>
Глава первая. Выбор пути.....	160
Глава вторая. Глобализм и интернационализм	172
Глава третья. К новому Интернационалу.....	188

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Россия в современном мире

<i>Раздел первый. Что нам готовит век пришедший.....</i>	<i>205</i>
Глава первая. Судьба России — судьба мира	205
Глава вторая. Экономика в порочном кругу	234
Глава третья. О национальной гордости патриотов.....	253
Глава четвертая. Дать отпор духовной агрессии.....	267
Глава пятая. Россия и мировые центры сил.....	281
<i>Раздел второй. Русский ответ</i>	<i>301</i>
Глава первая. Русская альтернатива.....	301
Глава вторая. Место под солнцем	313
Глава третья. Погибни или защищайся.....	326
Глава четвертая. Грани борьбы.....	344

Массово-политическое издание

Политический бестселлер

Зюганов Геннадий Андреевич

**ГЛОБАЛЬНОЕ ПОРАБОЩЕНИЕ РОССИИ,
ИЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ «ПО-АМЕРИКАНСКИ»**

Ответственный редактор *С. Рубис*
Редакторы *Л. Бурякова, А. Житнухин*
Художественный редактор *Ю. Новиков*